

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 1 / 2018

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Выходит с 1998 г., издается ежемесячно

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
Почетный работник юстиции России;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;
Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Крашенинникова Н.А. Личность в социокультурной сфере Индии: традиционализм и современность 3

Публикации коллег и учеников профессора Н.А. Крашенинниковой

Томсинов В.А. Понятие революции в английской политико-правовой идеологии XVII столетия 9
Лысенко О.А. К вопросу о «социализации» договорного права в Германии во второй половине XIX в. 13
Сафонов В.Н. Консервативная эволюция деятельности Верховного суда США на рубеже XX–XXI вв. 18
Полдников Д.Ю. Проблема основного метода сравнительного изучения европейской правовой традиции в начале XXI в. 24
Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 г.: эволюция понятия и целей наказания 29
Зорилэ Д.В. Правовое регулирование производства пива как фактор развития межрегиональных отношений на территории Германии 36

Судебная деятельность: исторический опыт

Мацакян Г.С. Способы защиты права пользования в римском, европейском и российском праве 41
Цысь В.В. Судебные учреждения и правоприменительная практика участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. 45
Семяхина Е.Д. Судебник Ивана Грозного: права и полномочия судебного пристава в период реформ Ивана IV 52
Кулачков В.В. Судебные и сельские исполнители в жизни крестьян Брянской губернии 1920-х гг. 57

Аспекты правовой идеологии

Кузнецова Н.Н., Чердаков О.И. Деструктивное выражение отношения к российскому самодержавию в политико-правовых учениях второй половины XIX века 61
Серегин А.В., Мирославская Е.Ю. Особенности патриархально-богословских концепций происхождения древнеславянских государств 70
Сурков О.С. Организация государственной власти в консервативной мысли России начала XX века (В.А. Грингмут, П.И. Ковалевский, М.О. Меньшиков) 75

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 7,0.
Номер подписан в печать 01.12.2017.
Номер вышел в свет 25.01.2018.
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 1 / 2018

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Issued since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Krashennnikova N.A. An Individual in the Indian Sociocultural Environment: Traditionalism and the Modern Times 3

Publications of colleagues and students of Professor N. A. Krashennnikova

Tomsinov V.A. The Notion of Revolution in the English Political and Legal Ideology of the XVII Century 9
Lysenko O.L. On the Issue of Contractual Law "Socialization" in Germany in the Second Half of the XIX Century 13
Safonov V.N. Conservative Evolution of the Activities of the Supreme Court of the United States at the Turn of the XX and the XXI Century 18
Poldnikov D.Yu. The Issue of the Main Method of Comparative Research of the European Legal Tradition in the Early XXI Century.... 24
Trikoz E.N. The Indian Criminal Code of 1860: Evolution of the Notion and Punishment Purposes 29
Zorile D.V. Legal Regulation of Brewing as a Factor of Interregional Relation Development in the German Territory 36

Judicial activities: historical experience

Matsakyan G.S. Usufruct Protection Means in the Roman, European and Russian Law 41
Tsys V.V. Judicial Institutions and the Law Enforcement Practice of the Participants of the West Siberia Peasant Uprising of 1921 45
Semyakhina E.D. The Ivan the Terrible's Code of Laws: Bailiff's Rights and Powers in the Period of Reforms of Ivan IV 52
Kulachkov V.V. Court and Rural Bailiffs in the Life of the Peasants of the Bryansk Governorate in the 1920s 57

Legal ideology aspects

Kuznetsova N.N., Cherdakov O.I. A Destructive Expression of the Relation to the Russian Autocracy in the Political and Legal Doctrines of the Second Half of the XIX Century 61
Seregin A.V., Miroslavskaya E.Yu. A Peculiarity of the Patriarchal and Theological Origins of the Old Slavic States 70
Surkov O.S. State Authority Arrangement in the Russian Conservative Thought of the Early XX Century (Gringmut, V.A., Kovalevsky, P.I., Menshikov, M.O.) 75

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 7.0.

Conventional printed sheet 7.0.

Passed for printing 01.12.2017.

Issue was published 25.01.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;

Catalogue of the Russian press — 10866;

United Catalogue — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Личность в социокультурной сфере Индии: традиционализм и современность

Крашенинникова Нина Александровна,
профессор кафедры истории государства и права
Юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Заслуженный профессор МГУ,
доктор юридических наук, профессор
history@law.msu.ru

В статье рассматривается специфика традиционной правовой культуры Индии и особой культурно-философской традиции индуизма. В контексте прав человека особое значение приобретает проблема правового плюрализма и «народного права». Здесь на первом плане стоит верность кастовым и семейным обязательствам. В Индии сосуществуют два ценностных подхода к личности, в виде различения «социальной личности» и ее «социального статуса». Сохраняется такая традиционная черта сионормативной культуры Индии, как социальное неравенство женщин.

Ключевые слова: правовая культура, колониальное право, индуское право, права человека, индуизм, статус женщины.

An Individual in the Indian Sociocultural Environment: Traditionalism and the Modern Times

Krashennnikova Nina A.
Professor of the Department of History of State and Law of the Law Faculty
of the Lomonosov Moscow State University
Honored Professor of the Lomonosov Moscow State University (MSU)
Doctor of Law
Professor

In this article specifics of traditional law culture of India and special cultural and philosophical tradition of Hinduism are considered. In the context of human rights, the problem of legal pluralism and "folk law" is of particular importance. The fidelity to caste and family obligations is in the forefront here. Two valuable approaches to the personality coexist in India ("the social personality" and "the social status"). Such traditional line of normative culture of India as social inequality of women remains.

Keywords: law culture, colonial law, Hindu law, human rights, Hinduism, status of the woman.

Индия — это целый континент с миллиардным населением, с множеством этносов, языков, субкультур, религий и господствующей культурной суперсистемой индуизма, которая и определяет особенности, специфические черты этой пережившей века великой восточной цивилизации, занимающей в настоящее время особое место в мировом цивилизационном процессе.

Современная сионормативная культура Индии — образец уникального правового плюрализма, формировавшегося здесь еще в колониальные времена. Здесь продолжают тесно взаимодействовать две сферы общественных отношений — традиционная (докапиталистическая, с ее крайней религиозностью, ритуализмом, общинно-коллективистскими началами) и современная («вестернизированная», капиталистическая и рационализованная).

Один из представителей нового научно-направления в юриспруденции — «правовой полицентризм» — индийский философ права С.П. Синха посвятил свою недавнюю публикацию проблеме прав человека в Индии, назвав ее «Неуниверсальность права»¹. Главный его вывод, основанный на критике универсальной системы прав человека и международной программы прав человека, заключается в следующем: «вероятность успеха программ,

¹ Sinha S.P. Human Rights: A Non-Western Viewpoint // Archive, 1981. Bd. 67. № 76 ; The Missing First Step in the Human Rights Movement // American Branch, International Law Association, Proceeding and Committee Reports, 1985–1986. № 71 ; Freeling Human Rights from Natural Rights // Archive, 1984. Bd. 70. № 342 ; Human Rights Philosophically // Indian Journal of International Law. New Delhi. 1978. № 139 ; и др.

нацеленных на изменение культур всего мира, равна нулю...», «многообещающая система прав человека должна скорее приспособиться к всемирной множественности систем ценностей, чем бороться за формирование однородной системы для народов всего мира»². Автор доказывает, что индийская цивилизация отрицает универсальность социально-регулятивной роли права (закона) и равенства как естественного права человека, так как образ жизни правоверного индуса определялся вовсе не законом, а «*дхармой*» (англ. *dharma*), требованием религиозно-морального долга³. Ближайшим эквивалентом здесь можно считать слово «порядок», как космическое и нравственное явление, включающее в себя следование неким нормативным предписаниям — ритуальным, культовым, моральным⁴.

Соционормативная традиционная культура Индии никогда не отрицала права как такового. Еще в период древности было известно наряду с доминирующим понятием «*дхармы*» и понятие «*ньяя*», близкое к западному понятию «закон». Во второй половине I тыс. до н.э. «*дхармасутры*» и «*дхармашастры*» представляли собой брахманские компиляции синкретических норм социальной регуляции, отражающие жесткую взаимосвязь таких традиционных форм, как миф, обычай, ритуал, религиозный обряд. Правовой памятник IV–VI вв. н.э. «*Нарада-смрити*» свидетельствовал о довольно высоком уровне развития правовой культуры Индии, прошедшей многовековой сложный путь формирования от брахманских учебников-наставлений до судебных кодексов, затрагивающих почти все аспекты материального и процессуального права.

Но ведущей нормативной структурой в историческом развитии Индии была культурно-философская традиция *индуизма*. Он представлял собой синтез разнообразных и часто противоречивых идей, норм культурной и обрядовой деятельности, поведения религиозного индуса в обществе, касте, семье и проч. То есть это не столько религия, сколько образ жизни индийца со своей философией, социальным строем, принципами права и морали.

В действующей системе персонального индусского права к индусам относят не только тех, кто придерживается ортодоксального индуизма с его специфической храмовой, бытовой, религиозной практикой, педантично разработанной в брахманской литературе, а более широкую общность лиц, включенную в особую кастовую структуру. Сама суть индуизма находит

точное выражение в формуле: индуизм — это прежде всего кастовый строй, кастовая идеология, кастовая нормативная система, в том числе и религиозная. Каждый индеец причисляет себя к этой цивилизационной общности лиц в силу свойственного ему стойкого религиозно-культурного самосознания⁵.

Центральной идеей индуизма, определяющей характер цивилизационно доминирующей традиционной соционормативной культуры Индии, является учение о «*карме*», которое означает веру в перевоплощение человека в зависимости от поступков, совершенных им в прошлых рожденьях, и накопленных или утраченных заслуг в исполнении *дхармы* в земной жизни, о возможности полного освобождения человеческой души («*атманы*»), ее выхода из суетного, бестолкового круга перерождений («*сансары*») и достижения полной свободы («*мокиши*»), означающей слияние с мировым духом («Абсолютом», «Брахманом»), т.е. высшим божеством, управляющим миром, в том числе и этико-религиозными требованиями, предъявляемыми к человеку. С течением времени под кармой стало подразумеваться «деяние», предписанное человеку его *дхармой*, различной для каждой *варны* и *ашрамы*.

В отличие от христианства, исповедующего единство божественного (вечного закона), естественного права и человеческого права, в индуизме существует «двойная мера — моральная и юридическая как противостоящие друг другу»⁶. Известный западный индолог Л. Дюмонт видит в «уникальном отрыве священного от светского» характерную черту индийской цивилизации, «институционное устройство которой представляет собой не столько иерархию власти, сколько религиозную иерархию»⁷. Ярким примером такого «отрыва светского от религиозного», двойственного отношения к человеку как личности в индуизме может служить отношение к важнейшему из прав человека — его праву на жизнь. Это право в Индии с древнейших времен не только не отрицалось, но всемерно охранялось, гарантировалось в *дхармашастрах* предписаниями о жестоких наказаниях убийц, насильников и др. По «Закону кармы» смерть и рождение рассматриваются как два равнозначных состояния, высшей же ценностью признается не сама по себе человеческая жизнь, считающаяся эпизодом в цепи перерождений, а достижение вершин духовной свободы путем выхода за пределы земной жизни.

² Sinha S.P. Non-Universally of Law // Archive, 1995. Bd. 81. № 2. P. 212.

³ Ibid. P. 214.

⁴ Исаева Н.В. Ортодоксальная религиозно-философская традиция Индии // Религии Древнего Востока. М., 1995. С. 205.

⁵ Ерасов Б.С. К характеристике социокультурного универсализма в цивилизациях Востока // Исследование социологических проблем развивающихся стран. М., 1978. С. 92.

⁶ Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3. С. 6.

⁷ Dumont L. The East System and its Implication. Chicago, 1970. P. 60.

Кармическое отношение к человеческой жизни поощряло, например, традиционно-религиозную практику «*сати*» — саможжения женщины по случаю смерти ее мужа, которая не была изжита вплоть до последнего времени, несмотря на ее официальный запрет еще в 1828 г. Например, в Раджастхане до сих пор совершаются религиозные паломничества (*Rani sati fair*) в специальный храм, посвященный «одной из первых легендарных женщин, совершивших сати»⁸.

«Закон кармы» по определению исключает и зависимость прав человека (как комплекса материальных и духовных благ) от действующих правовых норм, от политики, реализуемой государственной властью, ибо в традиционном обществе взаимоотношения индивида с обществом, с другими индивидами регулируются не столько нормами права, сколько этикокастовыми предписаниями. Главным препятствием признания всеобщего характера прав и свобод человека в Индии является жесткий контроль над поведением индивида со стороны группы (*касты*), который основан на взаимозависимости, взаимосвязях ее членов, ориентирующихся на собственные категории добра и общественного блага.

Современные индийские авторы при рассмотрении проблемы прав человека в Индии не только противопоставляют два разных подхода — западно-либеральный и индийский, традиционный, но и пытаются выявить внутренние черты их сходства, основываясь на парадигме, что разум, мораль, ответственность, свобода внутренне присущи человеческой природе личности, но степень и формы их реализации зависят от принятых обществом способов организации мира как разумного и духовно целостного. Подчеркивая специфику традиционного подхода к человеку как к индивиду (личности), индийские авторы применяют понятие «*бифокальность*» (*bifocality*), двуцентричность как основу такого подхода⁹. Так, К. Гхош-Дастидар пишет: «С одной стороны, индивид в индуизме свободен и бессмертен, но в мире, в котором он живет, непреложно действуют законы причинной зависимости. Человек ограничен как действием закона кармы, так и своей принадлежностью к определенной касте или варне»¹⁰.

Очевидную противоречивость этого положения традиция разрешает рядом свойственных индуизму способов. Человек может уйти от реальной жизни в медитацию или вообще снять

с себя все семейные и кастовые ограничения, став *санньясой*¹¹. Таким образом, отрицая свободу выбора человека в светской жизни, индуизм предоставляет ему широкую свободу выбора в религиозной — в выборе божества своего поклонения, в возможности отрешения от мира, в праве признания тех или иных религиозно-философских суждений, без которых не могли бы существовать многочисленные школы в индуизме, те дискуссии, которые велись между школами и философами в рамках одной школы. Индуизму, при всей его жесткой кастовой социальной организации, вообще свойственна веротерпимость, основанная на концепции, что любая религия — это «продукт познания человеком на разных уровнях его развития одной и той же истины, относящейся к одной и той же реальности»¹².

В традиционной социальной структуре Индии, где на первом плане стоит верность кастовым и семейным обязательствам, преданность группе, «с трудом можно найти, как пишет Гхош-Дастидар, понимание необходимости признания личной свободы как способа существования человека»¹³. При этом само по себе отсутствие личной независимости, самостоятельности в выборе решения вовсе не подрывало самоуважения человека. Наоборот, возникал обратный эффект — человек терял уважение в собственных глазах, если ему не удавалось следовать традиционной системе ценностей. «В традиционном индусском контексте приставка «само» в слове «самоуважение» означает не самостоятельность индивида, способного принимать самостоятельные решения без оглядки на внешнюю волю, а индивида, действующего в соответствии с традиционной системой ценностей»¹⁴.

Если «Закон кармы» является идейной основой традиционной Индии, то структурообразующей основой ее социальной организации является каста, существующая здесь почти три тысячи лет и представленная ныне почти тремя тысячами крупных видов, не считая более мелких образований — *подкаст (джати)*. Определенная четкость этих границ сохраняется и ныне при общей размытости «средних» кшатрийских и вайшийских каст, за счет создания широкой надкастовой общности *брахманов* и вневарновых каст «*неприкасаемых*».

⁸ Temples in Honor of Valiant Women // The Hindu. 1976. 1 October.

⁹ Ray S.N. Variations on the Theme of Individuality: Hinduism, the Bengal Renaissance and R. Tagor // Visva-Bharati Quarterly. Vol. 41. P. 182–183.

¹⁰ Ghosh-Dastidar K. Respect for Persons and Self-respect: Western and Indian // Journal of Indian Council of Philosophy Research. New-Delhi. 1987. Vol. 5. № 1. P. 91.

¹¹ Точку зрения, что индийская традиция признает индивида в модели отрешения (*sannyasa*), отстаивает и Л. Дюмонт: Dumont L. Word Renunciation in Indian Religions // Contribution to Indian Sociology. 1960. № IV. P. 44.

¹² Кабир Х. Культура Индии. М., 1963. С. 17.

¹³ Ghosh-Dastidar K. Respect for Privacy: Western and Indian // Journal of Indian Council of Philosophy Research. New Delhi, 1988. Vol. 6. № 1. P. 105–106.

¹⁴ Ghosh-Dastidar K. Op. cit. P. 6.

С предписанной обществом носителю наследственного влияния — брахману, «весьма сведущему в Ведах», ролью воспитателя и учителя, в духе неуклонного следования «дхарме», связано и особое развитие в Индии на протяжении веков отношений *гуризма*: «гуру» (учителя) и «челла» (ученика), который по традиции должен отдавать своему наставнику «там», «маю» и «дхаю», т.е. тело, душу и достояние, беспрекословно подчиняться его воле.

Сохраняющаяся обособленность вневарновых каст — «неприкасаемых», составляющих ныне около 15% населения Индии, связана главным образом с тем, что представители этих каст в своем большинстве продолжают оставаться самой нищей, угнетаемой, бесправной частью индийского общества, что и дало основание для регистрации их в особых списках еще в колониальной Индии. В качестве «зарегистрированных каст и племен» они выступают и ныне как обособленная общность.

Таким образом, индийская иерархическая кастовая система — это система традиционно организованного социального неравенства составляющих ее групп, которое обосновывается мифом о ритуальной «чистоте» и «скверне» членов отдельных каст, так называемых «дваждырожденных» (*брахманов, кшатриев, вайшиев*), и «единождырожденных» (*шудр*), к которым были отнесены в колониальной Индии вневарновые касты «неприкасаемым».

На таком рангово-ритуальном, престижном неравенстве строятся отношения в индийском обществе не только между кастами. Иерархия с дискриминацией «низших» каст существует и среди брахманских и даже «неприкасаемых» каст¹⁵. Более того, на принципах неравенства строятся отношения между эндогамными подкастами и даже экзогамными родовыми группами, большими семьями. По мнению Л. Дюмонта, «Индия институционализовала неравенство в той же мере, в какой мы институционализовали равенство. Индия ...делает упор на неравенство, поскольку пути, ведущие к равенству, завершаются, по мнению индийцев, нестабильностью, конфликтами, для снятия которых необходимо установление социальных уровней»¹⁶.

Традиционное мифологическое сознание индуса выделяет касту как социально-престижную единицу, принадлежность к которой определяет *социальное лицо индивида*, несмотря на объективную значимость его положения в обществе. В соответствии с сосуществованием двух сфер общественных отношений

(современной и традиционной), в Индии сосуществуют два ценностных подхода к личности, которые связаны с двумя разными по существу понятиями: «*социальная личность*» (тип личности, свойственный религиозно ориентированной индийской культуре, с характерной для нее субъективной, престижно ритуальной оценкой общественной группы и ее членов) и «*социальный статус личности*» (тип современной личности, определяемый ее объективным социальным положением).

Социальный статус личности органично включает в себя и современное понятие *правового статуса личности*, основанного на равенстве прав и обязанностей индийских граждан, закрепленных за ними Конституцией страны и ее законодательством.

Но в традиционной индийской среде доминирует «социальная личность» с ее престижно-ранговой оценкой ритуальной «чистоты» и «скверны», касты, подкасты и проч. Хотя принципы стратификации индийских ритуально-престижных подразделений в значительной мере условны ввиду отсутствия единых критериев, которые связаны с субъективной самооценкой социальной группы или оценкой ее ближайшим кастовым окружением.

Отражением такого процесса социальной мобильности стало появление в Индии еще в колониальный период социального движения, получившего название «*санскритизация*», когда в стремлении к более высокому социально-ритуальному рангу члены «низших» каст или подкаст заимствуют нормы поведения в быту, ритуалы, обычаи, брачные запреты и предписания более высоких, брахманских каст (в частности, сузили круг дозволенных брачных связей, снизили брачный возраст женщин, запретили разводы и вторичные браки вдов, ввели обычай женского затворничества и др.). «Санскритизация» означала по сути позитивный протест против кастового неравенства, но в то же время приводила к консервации архаических, прежде всего брачно-семейных, норм.

Ей противостоит другое, подрывающее кастовые основы социальное движение, получившее название «*вестернизация*», т.е. движение за изменение положения в обществе в рамках нетрадиционной, современной системы ценностей, связанной с профессиональным, образовательным уровнем индивида. Известный индийский социолог М.Н. Шринивас выявляет противоречивую тенденцию в современном индийском обществе, которая заключается в том, что в то время как брахманские касты становятся все более «вестернизированными», другие касты все более «санскритизируются»¹⁷.

Взаимодействие этих установок и движений приводит к парадоксальным ситуациям, когда

¹⁵ Самой низшей из «неприкасаемых» каст в Северной Индии считается, например, каста «бханги» — уборщики улиц, помойных ям, отхожих мест. См.: Кудрявцев М.К. Указ. соч. С. 137.

¹⁶ Dumont L. Religion, Politics and History in India. P., 1970. P. 13.

¹⁷ Srinivas M.N. Caste in Modern India and other Essays. Bombay, 1964. P. 54–55.

кастовая солидарность становится эффективным средством борьбы за повышение престижа человека в координатах современной системы ценностей (избрание в представительный орган, получение места в управленческом аппарате), подрывая тем самым традиционные основы своего существования.

В контексте прав человека исследователи проблем правового плюрализма и т.н. «народного права» неизменно отмечают и такую общую традиционную черту соционормативной культуры Индии, как социальное неравенство женщин. «Складывается впечатление, — пишет индийский социолог У. Бакси, — что плюралистическая социальная реальность убедительно свидетельствует о притеснении и угнетении женщин ... что эффективная борьба за эмансипацию женщин может вестись сегодня не в рамках «народного права», а в рамках государственной системы и государственного права»¹⁸.

В религиозно-индусской схеме мышления женщина продолжает играть главную роль в защите ритуально-кастовой чистоты не только своих детей и семьи, но и той социальной группы, к которой она принадлежит. В Индии семьи

и ныне в основном строятся на традиционной основе, а браки совершаются по желанию родителей жениха и невесты с сохранением кастовых ограничений. Выдача дочери замуж за престижного жениха, или, что предпочтительнее, за жениха более высокого ритуального ранга — одна из святых обязанностей отца¹⁹. Эндогамные кастовые, экзогамные родовые ограничения, требование гипергамных браков (в которых муж, а не жена, должен обладать более высоким ритуальным статусом, ибо дети наследуют ритуальный статус отца) создают огромное число препятствий на пути поиска брачного партнера, которые, в частности, и ведут к широкому распространению браков несовершеннолетних, а также других архаических обычаев или насильственных союзов²⁰. При общей тенденции ослабления жесткой кастовой эндогамии межкастовые браки среди религиозных индийцев считаются и ныне тяжким нарушением кастового режима, связанным с риском отлучения от касты, презрением и бойкотом со стороны кастового сообщества Индии.

¹⁸ Бакси У. Дисциплина, подавление и правовой плюрализм // Сб. докладов в летней школе по правовой антропологии. М.; Звенигород, 1999. С. 5.

¹⁹ Куценков А.А. Эволюция индийской касты. М., 1983. С. 208.

²⁰ Puri Jyoti. Sexual States: Governance and the Struggle over the Antisodomy Law in India. Durham and London: Duke University Press, 2016. P. 175.

Литература

1. Бакси У. Дисциплина, подавление и правовой плюрализм / У. Бакси // Сборник докладов в летней школе по правовой антропологии. М.; Звенигород, 1999.
2. Ерасов Б.С. К характеристике социокультурного универсализма в цивилизациях Востока / Б.С. Ерасов // Исследование социологических проблем развивающихся стран. М., 1978. 591 с.
3. Исаева Н.В. Ортодоксальная религиозно-философская традиция Индии / Н.В. Исаева // Религии Древнего Востока. М., 1995. С. 205–243.
4. Кабир Х. Культура Индии / Х. Кабир. М., 1963. 163 с.
5. Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право / И.Ю. Козлихин // Государство и право. 2000. № 3. С. 5–11.
6. Куценков А.А. Эволюция индийской касты / А.А. Куценков. М., 1983. 328 с.
7. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е.А. Лукашевой. М.: Изд-во «Норма», 2002. 448 с.
8. Dumont L. Religion, Politics and History in India / L. Dumont. P., 1970.
9. Dumont L. The East System and its Implication / L. Dumont. Chicago, 1970.
10. Dumont L. Word Renunciation in Indian Religions / L. Dumont // Contribution to Indian Sociology. 1960. № IV.
11. Ghosh-Dastidar K. Respect for Persons and Self-respect: Western and Indian / K. Ghosh-Dastidar // Journal of Indian Council of Philosophy Research. New Delhi. 1987. Vol. 5. № 1.
12. Ghosh-Dastidar K. Respect for Privacy: Western and Indian / K. Ghosh-Dastidar // Journal of Indian Council of Philosophy Research. New Delhi, 1988. Vol. 6. № 1.
13. Puri Jyoti. Sexual States: Governance and the Struggle over the Antisodomy Law in India / Jyoti Puri. Durham and London: Duke University Press, 2016. 232 p.
14. Ray S.N. Variations on the Theme of Individuality: Hinduism, the Bengal Renaissance and R. Tagor / S.N. Ray // Visva-Bharati Quarterly. Vol. 41.
15. Sinha S.P. Non-Universality of Law / S.P. Sinha // Archive, 1995. Bd. 81. № 2.
16. Srinivas M.N. Caste in Modern India and other Essays / M.N. Srinivas. Bombay, 1964. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.questia.com/read/5657896/caste-in-modern-india-and-other-essays>
17. Temples in Honor of Valiant Women // The Hindu. 1976. 1 October.

References

1. Baxi U. Distsiplina, podavlenie i pravovoy plyuralizm [Discipline, Repression and Legal Pluralism] / U. Baxi // Sbornik dokladov v letney shkole po pravovoy antropologii — Collection of Reports of the Summer Legal Anthropology School. Moskva; Zvenigorod — Moscow; Zvenigorod, 1999.
2. Erasov B.S. K kharakteristike sotsiokulturnogo universalizma v tsivilizatsiyakh Vostoka [On Characteristics of the Sociocultural Universalism in the Eastern Civilizations] / B.S. Erasov // Issledovanie sotsiologicheskikh problem razvivayuschikhsya stran — Review of Sociological Issues of the Developing Countries. Moskva — Moscow, 1978. 591 s.
3. Isaeva N.V. Ortodoksalnaya religiozno-filosofskaya traditsiya Indii [Orthodox Religious and Philosophical Tradition of India] / N.V. Isaeva // Religii Drevnego Vostoka — Religions of the Ancient East. Moskva — Moscow, 1995. S. 205–243.
4. Kabir H. Kultura Indii [Indian Culture] / H. Kabir. Moskva — Moscow, 1963. 163 s.
5. Kozlikhin I.Yu. Pozitivizm i estestvennoe pravo [Positivism and Natural Law] / I.Yu. Kozlikhin // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2000. № 3. S. 5–11.
6. Kutsenkov A.A. Evolyutsiya indiyskoy kasty' [Evolution of the Indian Caste] / A.A. Kutsenkov. Moskva — Moscow, 1983. 328 s.
7. Prava cheloveka: itogi veka, tendentsii, perspektivy' / pod obsch. red. E.A. Lukashevoy [Human Rights: Results of the Century, Tendencies, Prospects]. Moskva : Izd-vo «Norma» — Moscow : Norm publishing house, 2002. 448 s.
8. Dumont L. Religion, Politics and History in India / L. Dumont. P., 1970.
9. Dumont L. The East System and its Implication / L. Dumont. Chicago, 1970.
10. Dumont L. Word Renunciation in Indian Religions / L. Dumont // Contribution to Indian Sociology. 1960. № IV.
11. Ghosh-Dastidar K. Respect for Persons and Self-respect: Western and Indian / K. Ghosh-Dastidar // Journal of Indian Council of Philosophy Research. New Delhi. 1987. Vol. 5. № 1.
12. Ghosh-Dastidar K. Respect for Privacy: Western and Indian / K. Ghosh-Dastidar // Journal of Indian Council of Philosophy Research. New Delhi, 1988. Vol. 6. № 1.
13. Puri Jyoti. Sexual States: Governance and the Struggle over the Antisodomy Law in India / Jyoti Puri. Durham and London : Duke University Press, 2016. 213 s.
14. Ray S.N. Variations on the Theme of Individuality: Hinduism, the Bengal Renaissance and R. Tagor / S.N. Ray // Visva-Bharati Quarterly. Vol. 41.
15. Sinha S.P. Non-Universally of Law / S.P. Sinha // Archive, 1995. Bd. 81. № 2.
16. Srinivas M.N. Caste in Modern India and other Essays / M.N. Srinivas. Bombay, 1964 [Electronic source] // URL: <https://www.questia.com/read/5657896/caste-in-modern-india-and-other-essays>
17. Temples in Honor of Valiant Women // The Hindu. 1976. 1 October.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-1-9-12

Понятие революции в английской политико-правовой идеологии XVII столетия

Томсинов Владимир Алексеевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
tomsinov@yandex.ru

Термин «revolution» ко времени завершения первой английской революции стал уже довольно распространенным в политическом лексиконе и в отдельных трактатах. Анализируется позиция Томаса Гоббса, который называл «революцией» акты узурпации верховной государственной власти, сознательные усилия по насильственному захвату государственной власти. По мнению автора статьи, революция 1640 г. была реакцией на формирование в Англии нового модернизированного государства вместо феодального. Но еще более сложный вопрос — почему «славной революцией» стали называть захват Англии иностранной финансовой и политической группировкой в 1688–1689 гг.

Ключевые слова: революция, государство, монархия, форма правления, политико-правовая идеология.

The Notion of Revolution in the English Political and Legal Ideology of the XVII Century

Tomsinov Vladimir A.
Head of the Department of History of State and Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)
Doctor of Law, Professor

The term «revolution» by the time of the end of the first English revolution became already quite widespread in a political lexicon and separate treatises. The author analyzes a position of Thomas Hobbes who called «revolution» acts of usurpation of the Supreme government, conscious efforts on violent capture of the government. According to the author of article, Revolution of 1640 was reaction to formation in England of the new modernized state instead of feudal state. But even more difficult question why «Glorious revolution» began to call capture of England by foreign financial and political group in 1688–1689.

Keywords: revolution, state, monarchy, form of government, political and legal ideology.

История государства и права — это процесс развития не только государственных и правовых институтов, но и политико-правового понятийного и терминологического аппарата. Каждой исторической эпохе присущ свой тип государства и права. Вместе с тем со сменой эпох меняется смысл понятий и терминов, обозначающих те или иные государственно-правовые явления. Историко-правовые исследования должны учитывать эту закономерность.

Семнадцатое столетие в истории Англии можно смело назвать революционной эпохой. На протяжении пятидесяти лет, с 1640 по 1689 год, английское государство пережило по меньшей мере две череды коренных, качественных изменений в государственном строе. В современной исторической науке данные изменения называются революционными, и ученые соответственно пишут об английских революциях 1640–1660 гг. и 1688–1689 гг.

Термин «революция» употребляется при этом в значении быстрого насильственного перехода общества и государства в новое состояние¹.

Между тем в английской политико-правовой идеологии XVII в. понятие революции не имело устойчивого, доминирующего смысла и применялось для обозначения самых разных явлений.

¹ «Революция социальная — коренной переворот в жизни общества, изменяющий его структуру и начинающий качественный скачок в его прогрессивном развитии» — такое определение представлено в «Советской исторической энциклопедии» (Т. 11. М., 1968. Стлб. 926). Выражая доминирующее в гуманитарных науках представление о революции, немецкий экономист Эмиль Ледерер определил данное явление следующими словами: «Революция — это быстрое низвержение политической системы посредством массового действия, с использованием насильственных средств, на основе идей, которые, долго вызревая, приводят к преобразованию юридического и социального порядка» ((Lederer E. On revolutions // Social Research. 1936. Vol. 3. No. 1. P. 1).

В «Словаре французского и английского языков», изданном в 1611 г., слову «*revolution*» давалось следующее толкование: «Полный кругоборот, движение по кругу, возвращение на первоначальное место или в исходный пункт, осуществление кругового движения (*“A full compassing, rounding, turning backe to it first place, or point; to accomplishment of a circular course”*)»². В «Английском словаре, толкователе трудных английских слов», который был издан в 1647 г., утверждалось, что революция — это «поворот или обращение, прежде всего в течении времени (*“Revolution, A winding or turning about, especially in the course of time”*)»³. Данному термину придавался, таким образом, общекультурный смысл. Он становился знакомым символом, обозначающим одно из важнейших свойств как природных, так и общественных процессов, а именно: **цикличность развития природы и общества.**

Осмысление европейскими интеллектуалами опыта английских революций XVII в. приводило их к выводу о том, что совершенных форм правления не существует, но все они — будь то монархия, республика или диктатура, а также государство в целом, и отдельные государственные органы — подвержены разложению и, следовательно, постоянной смене. Для обозначения этого процесса и стало применяться слово «*revolution*».

Именно в таком значении использовал данный термин английский парламентарий и дипломат Энтони Эшэм (*Antony Ascham, 1614–1650*). Свой трактат, написанный в 1648 г., он назвал «Рассуждение, в котором рассматривается, что является особенно законным в ходе смут и революций правлений» (*“A discourse wherein is examined, what is particularly lawful during the confusions and revolutions of government”*)⁴. Причиной постоянной смены форм правления Э. Эшэм считал несовершенство человеческой природы. «Монархическое государство, — отмечал он, — из всех остальных является самым лучшим, особенно когда оно представляет божественное господство, более в правосудии, чем в единой личности правителя, но поскольку не бывает монарха, наделенного благоразумием и добродетелью в любом случае столь же великими и высшими, как его власть, то он не может не совершать серьезных ошибок»⁵.

«Аристократия, — полагал Эшэм, — стоит как посредник между крайностями королевского и народного правления; но смешение часто порождает монстров»⁶. Демократия порицалась им за то, что «приводит всех к равенству и поощряет свободу людей во всем». Но главный порок этой формы правления Энтони Эшэм усматривал в том, что она смешивает управляющих и управляемых. Между тем, по его мнению, для человека очень опасно быть одновременно пациентом и врачом для самого себя. Свои рассуждения о пороках всех форм правления английский мыслитель завершил печальным выводом: «Если эта верховная власть попадает в руки опрометчивой и непостоянной толпы, она превращается в огромного зверя, которого лучше всего держать в цепях. Вот круг, по которому мы так мучительно двигаемся, не удовлетворяя свои желания»⁷. Движение по этому кругу он и назвал словом «*revolutions*».

Еще один и, пожалуй, наиболее интересный смысл придавал термину «революция» Марчмонт Недхэм (*Marchamont Nedham, 1620–1678*). В памфлете «Превосходство свободного государства», изданном в 1656 г., он представил революцию в качестве насильственной смены правления, которая является в руках народа единственным средством для предотвращения тирании и ограничения пороков властвующих. «Так как свобода в республике может быть сохранена не иначе как поддержанием ответственности должностных лиц и правителей; и поскольку оказывается, что никакие постоянные власти невозможно призвать к ответственности без многих затруднений или не втягивая народ в кровь и страдания. И так как революция правления в руках народа всегда являлась единственным средством сделать правителя ответственным и предотвратить неудобства тирании, безумия, нищеты, поэтому мы можем на основании этого и других вышеупомянутых доводов сделать вывод о том, что Свободное Государство или Правление Народа, установившееся надлежащим и упорядоченным образом преемственности своих верховных ассамблей в любом отношении, является лучше, чем какая-либо форма вообще»⁸.

К 1660 г., времени завершения первой английской революции, термин «*revolution*» стал уже довольно распространенным. Так, в одном из писем при описании отстранения Ричарда Кромвеля от власти в апреле 1659 г. данная перемена правительства была названа словами «эта последняя великая революция (*“this late greate revolution”*)»⁹.

tions of government: or, How farre a man may conform to the powers and commands of those who with various successes hold Kingdoms divided by Civil or Forraigne Warrs. London, 1648. P. 70.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid. P. 71.

⁸ Nedham M. The Excellencie of A Free State. London, 1767. P. 45.

⁹ An Account of the Fall of the Protector Richard Cromwell, in a Letter from Nehemiah Bourne. London. 20 May 1659 // The Clarke Papers. Selections from the Papers of

В письме генералу Монку, датированном 4/14 апреля 1660 г., король Англии Карл II, еще пребывавший в то время в нидерландском городе Бреда, писал: «Вы были свидетелем столь многих революций, и обладаете таким большим опытом, и знаете, насколько любая власть и полномочия, подверженные влиянию страсти и желания и не поддерживаемые правосудием, не обеспечивают народу счастья и мира»¹⁰. В декларации Карла II, направленной в тот же день из Бреды его подданым, говорилось о безумствах, длившихся много лет, и о «многих и великих революциях» (“*many and great revolutions*”)¹¹. В подобном же значении, т.е. для обозначения политических катаклизмов 1640-х и 50-х гг., Карл II употреблял термин «*revolution*» и в письме в Палату общин, датированном 4/14 апреля 1660 г.¹² В письме же, направленном в этот день должностным лицам Лондонского сити, было сказано о «великих революциях, которые в последнее время произошли в Нашем Королевстве, к удивлению и недоумению всего мира» (“*In these great revolutions, which of late have happened in that Our Kingdom, to the wonder and amazement of all the world...*”)¹³.

В 1668 г. появился составленный в форме диалога трактат Томаса Гоббса «Бегемот», посвященный событиям, происходившим в Англии с 1640 до 1660 г. Цепь самых главных из этих событий, состоявших в переходе верховной государственной власти от одного политического субъекта к другому, философ назвал термином «*revolution*». Как бы подытоживая свои рассуждения о происходившем в Англии в указанное двадцатилетие, Томас Гоббс сообщал: «Я видел в этой революции круговое движение суверенной власти через двух узурпаторов, от покойного короля к его сыну. Ибо... она перешла от короля Карла I к Долгому парламенту; отсюда к парламентскому охвосту (*Rump*); от парламентского охвоста к Оливеру Кромвелю; и затем снова от Ричарда Кромвеля к парламентскому охво-

стью; отсюда к Долгому парламенту; а отсюда к Карлу II, где пусть и остается»¹⁴. Очевидно, что употребление термина «революция» в таком контексте сужало его значение, придавая ему характер чрезвычайного происшествия. В отличие от Энтони Эшэма, Томас Гоббс называл революцией не просто переход от одной формы правления к другой, но акты узурпации верховной государственной власти. Его понимание революции предполагало взгляд на это явление не как на стихийное движение или самопроизвольные, повторяющиеся перемены. Он использовал термин «революция» для обозначения сознательных усилий, направленных на насильственный захват верховной государственной власти.

Любопытно, что первый историк английской революции 1640–1660 гг. Эдвард Гайд I-й граф Кларендон (*Edward Hyde, 1st Earl of Clarendon*, 1609–1674) свой труд об этом явлении, написанный частично в 1646–1648 гг. и заверченный в 1668–1671 гг., назвал «Историей мятежа» (“*The History of the Rebellion*”)¹⁵. Это название отражало необычный характер указанной революции. Начавшаяся в конце 1640 г., она была в сущности реакцией на формирование в Англии нового, обновленного, модернизированного государства вместо прежнего, феодального. Неслучайно идеология этой так называемой «революции» была направлена не в будущее, а в прошлое. Консервативный характер идеологии английской революции ясно выражала «Петиция о праве» 1628 г.¹⁶ Современникам, наблюдавшим со стороны, как разворачивался внутри Англии политический конфликт, приведший к гражданской войне, казни короля Карла I, установлению диктатуры лорда-протектора, а потом ее падению и признанию парламентом законным английским королем Карла II, сына казненного монарха, такой ход событий казался довольно странным.

Но еще более странными выглядели события, происходившие в Англии осенью и зимой 1688–1689 гг., которые вошли в историю под названием

William Clarke. In 4 vols. / Ed. C.H. Firth. Vol. 3. London, 1899. P. 209.

¹⁰ His Maiestie's Letter to general Monck. From Breda April 4/14 1660 // A Collection of His Majestie's Gracious Letters, Speeches, Messages and Declarations since April 4/14 1660. London, 1660. P. 23.

¹¹ And because in the continued distractions of so many years, and so many and great revolutions (His Maiestie's Declaration from Breda to all His loving Subjects. April 4/14 1660 // Ibid. P. 9).

¹² «And after so many revolutions, and the observation of what hath attended them, are now trusted by Our good Subjects to repair the Breaches, which are made, and to provide proper remedies for those evils, and for the lasting peace, happiness and security of the Kingdom» (His Maiestie's Letter to the House of Commons, from Breda. April 4/14 1660 // Ibid. P. 11–12).

¹³ His Maiestie's Letter from Breda, April 4/14 1660 to the Lord Major, Aldermen, and Common-Council of the City of London // A Collection of His Majestie's Gracious Letters, Speeches, Messages and Declarations since April 4/14 1660. London, 1660. P. 26–27.

¹⁴ «I have seen in this revolution a circular motion of the sovereign power through two usurpers, from the late King to his son. For (leaving out the power of the council of officers, which was but temporary, and no otherwise owned by them but trust) it moved from King Charles I to the Long Parliament; from thence to the Rump; from the Rump to Oliver Cromwell; and then back again from Richard Cromwell to the Rump; thence to the Long Parliament; and thence to Charles II, where long may it remain» (Hobbes Th. Behemoth: The History of the Causes of the Civil Wars in England // The English works of Thomas Hobbes. Vol. 6. London, 1840. P. 418).

¹⁵ Первое издание этого произведения вышло в свет в 1702–1704 гг. В Оксфорде в трех томах, объединивших шесть частей. См.: The History of the Rebellion and Civil Wars in England: Begun in the Year 1641 by Edward Hyde, 1st Earl of Clarendon. Oxford, 1702–1704.

¹⁶ См. подробнее об этом: Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 гг. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года. М., 2010. С. 70–86.

«славной революции». В действительности это был государственный переворот, совершенный с помощью нидерландских войск и приведший к утверждению на английском троне вместо Якова II Стюарта штатхандера Нидерландов Вильгельма, принца Оранжского, который представлял интересы, пожалуй, самой влиятельной в то время в Западной Европе финансовой и политической группировки. Она базировалась до этих событий в Нидерландах, но после того как Вильгельм стал новым английским королем под именем Уильяма III, переместилась в Англию.

Но кто же первыми стали величать захват Англии иностранной финансовой и политической группировкой «славной революцией»? Оказывается, сами активные участники этой грандиозной операции. Прежде всего пособник Вильгельма принца Оранжского английский аристократ Роберт Спенсер, 2-й граф Сандерленд (1641–1702). В письме к новому английскому королю Уильяму III, написанном 8/18 марта 1688/1689 гг., он назвал только что совершенный в Англии государственный переворот термином «*glorious revolution*». После него данное событие стал называть «славной революцией» Джон Гэмпден (1653–1696), активный участник Конвента, который идеологически оформил восшествие штатхандера Нидерландов на английский престол. В XVIII в. это название подхватили историки, завершившие формирование мифологии «славной революции» на основе представлений и умонастроений ее участников¹⁷.

Все это подтверждает вывод, сделанный из рассмотрения истории революций американским политологом Джеймсом Фарром: «Давайте начнем с замечания, что «революция» — это в такой же мере концепция политического деятеля, как и теоретика, и революционеры (как и все политические деятели) придерживаются теорий о самих себе и о политике в целом... Идентификация теоретиком взрывного набора событий в качестве «революции» (в отличие, скажем, от бунта, мятежа, восстания, реформы, протеста, или реставрации, то есть от всех других форм политического поведения, с которыми революция имеет естественное сходство, но в остальном от них отлична, как бывают различны между собой родственные явления) зависит, по крайней мере изначально, от намерений, убеждений и понятий собственно революционеров, и особенно от их понимания «революции». Сама наша идентификация революции изначально и в значительной мере зависит от представлений собственно революционеров и их самоидентификации. Без них мы оказываемся перед существенной опасностью ошибочной идентификации того, что теоретик революции о ней натеоретизировал. Излишне говорить, что ничего подобного не бывает в естественных науках, однако правда заключается в том, что планеты также проходят через свои революции»¹⁸.

¹⁷ См. об этом: Томсинов В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах. М., 2010. С. 8–30.

¹⁸ Farr J. Historical Concepts in Political Science: The Case of «Revolution» // American Journal of Political Science. 1982. Vol. 26. No. 4. P. 699.

Литература

1. A Collection of His Majestie's Gracious Letters, Speeches, Messages and Declarations since April 4/14 1660. London, 1660. 119 p.
2. Asham A. A discourse wherein is examined, what is particularly lawful during the confusions and revolutions of government / A. Asham. London, 1648.
3. Ascham A. Of Confusions and Revolutions of Governments. Wherein is examined how farre a man may lawfully conforme to the Powers and Comands of those, who with various successes hold Kingdoms divided by Civil or Forraigne Warrs / A. Asham. London, 1649.
4. Farr J. Historical Concepts in Political Science: The Case of «Revolution» // American Journal of Political Science / J. Farr. 1982. Vol. 26. No. 4. P. 688–708.
5. Nedham M. The Excellencie of A Free State / M. Nedham. London, 1767.
6. The Clarke Papers. Selections from the Papers of William Clarke. In 4 vols. / ed. C.H. Firth. Vol. 3. London, 1899.
7. The English works of Thomas Hobbes. Vol. 6. London, 1840.

References

1. A Collection of His Majestie's Gracious Letters, Speeches, Messages and Declarations since April 4/14 1660. London, 1660. 119 s.
2. Asham A. A discourse wherein is examined, what is particularly lawful during the confusions and revolutions of government / A. Asham. London, 1648.
3. Ascham A. Of Confusions and Revolutions of Governments. Wherein is examined how farre a man may lawfully conforme to the Powers and Comands of those, who with various successes hold Kingdoms divided by Civil or Forraigne Warrs / A. Asham. London, 1649.
4. Farr J. Historical Concepts in Political Science: The Case of «Revolution» // American Journal of Political Science / J. Farr. 1982. Vol. 26. № 4. S. 688–708.
5. Nedham M. The Excellencie of A Free State / M. Nedham. London, 1767.
6. The Clarke Papers. Selections from the Papers of William Clarke. In 4 vols. / ed. C.H. Firth. Vol. 3. London, 1899.
7. The English works of Thomas Hobbes. Vol. 6. London, 1840.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-1-13-17

К вопросу о «социализации» договорного права в Германии во второй половине XIX в.

Лысенко Ольга Леоновна,

доцент кафедры истории государства и права

Юридического факультета Московского государственного

университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,

кандидат юридических наук, доцент

ollysenko@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы появления «защитных», социально ориентированных норм в договорном праве Германии. Анализируется их отражение в законодательстве XIX века: Общегерманском торговом уложении 1861 г., Промышленном уставе 1869 г., Законе о сделках с платежом в рассрочку 1894 г., Германском гражданском уложении 1896 г. Автор обобщает различные оценки таких норм договорного права в немецкой правовой науке.

Ключевые слова: Германия, история права, договор, обязательство, гражданское право, договорное право, кодификация права.

On the Issue of Contractual Law “Socialization” in Germany in the Second Half of the XIX Century

Lysenko Olga L.

Assistant Professor of the Department of History of State and Law of the Law Faculty of the Lomonosov

Moscow State University (MSU)

Candidate of Legal Sciences

Assistant Professor

In this article, questions of emergence of “protective”, socially oriented norms of the Germany contract law are considered. Their reflection in the legislation of the 19th century is analyzed: German Trade Code of 1861, Industrial Charter of 1869, and Law on Transactions with a payment by installments of 1894, and German Civil Code of 1896. The author generalizes various estimates of such standards of the contract law in the German law science.

Keywords: history of the German law, contract, the obligation, civil law, contract law, codification of law.

Договор является одним из важнейших институтов гражданского права, он выступает в качестве «самостоятельного и главного средства регулирования экономических отношений» (В.Ф. Яковлев)¹. Как отмечает профессор Б.И. Пугинский, «специфика договора состоит в его правоустанавливающем характере, порождении им относительных субъективных прав и юридических обязанностей участников». «Договор, — пишет он, — есть средство организации субъектами координируемой деятельности путем установления взаимных прав. Участники договора своею волей создают относительные субъективные права и юридические обязанности, даже когда законодатель не определяет содержания их действий либо пред-

усматривает лишь общие направления и рамки правового поведения, относя конкретизацию отношений на усмотрение контрагентов...»². Как отмечает большинство западных и российских правоведов, роль частноправового договора в современном обществе неуклонно возрастает³.

Важнейшим источником договорного права в Германии и в настоящее время продолжает оставаться Германское гражданское уложение (ГГУ) 1896 г.⁴ Германские правоведы называют

¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1994. № 7. С. 122.

² Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях // Избранные труды. Сборник к 75-летию юбилею. М., 2016. С. 106–107.

³ См.: Иванов В.В. Общие вопросы теории договора. М., 2000. С. 108.

⁴ Гражданское уложение Германской империи. СПб., 1898.

ГГУ типичным «продуктом» XIX в.⁵, «поздним ребенком классического либерализма и плодом пандектистики» (Ф. Виеакер). По мнению германского историка права Т. Рамма, ГГУ представляет собой своеобразный «компромисс между вышедшей на арену в 1848 г. буржуазией, с одной стороны, и короной и дворянством, с другой»⁶.

Несмотря на то, что ГГУ 1896 г., будучи принятым в конце XIX в., базируется на основополагающих принципах либерального общества и правопорядка — принципах свободы и равенства всех перед законом, — в гражданском праве выражающихся в виде принципов «автономии частной воли» и «свободы договора», в книге II, главе 6, посвященной договору найма услуг, содержится ряд «социально-ориентированных» норм, известных в правовой науке как «капли социального масла» (*Tropfen des sozialen Öls*), по образному выражению знаменитого германского правоведа Отто фон Гирке. Так, в § 612 устанавливается обязательность выплаты вознаграждения наемному работнику, даже если оно не было прописано в договоре. Согласно § 616, наемный работник не лишается вознаграждения даже в том случае, «если он в течение непродолжительного времени не мог оказывать услуги по личным обстоятельствам, но не по своей вине». В § 618 закреплялась обязанность нанимателя соблюдать требования техники безопасности, «так приспособлять и содержать помещения, устройства и их орудия, которые он предоставляет при исполнении работ, и так вести работы... чтобы служащий был огражден от опасности для здоровья и для жизни настолько, насколько это возможно по свойству работ», а для служащих, входящих в круг домашних нанимателей, необходимо было создавать условия «для ограждения здоровья и нравственности... и соблюдения требований религии». Согласно § 624 ГГУ запрещались бессрочные и долгосрочные (заключенные на срок более 5 лет) договоры найма услуг, а § 630 предусматривал обязанность работодателя выдать наемному работнику «трудовое свидетельство» (*Dienszeugnis*).

Примечательно, что вышеуказанные положения ГГУ не являются новацией данного кодекса: все они были заимствованы из принятых в Германии во второй половине XIX в. «социально-ориентированных» специальных законов: Allgemeines Handelsrechtsgesetz 1861 г.⁷ и Gewerbeordnung für den Norddeutschen Bund vom 21.06.1869 // RGBl 1869. S. 245.

⁵ Wesel U. Geschichte des Rechts. Von den Frühformen bis zur Gegenwart. 2., überarbeitete und erweiterte Aufl. München, 2001. S. 458.

⁶ Цит. по: Schlosser H. Grundzüge der Neueren Privatrechtsgeschichte. 7., völlig neuarbeitete und erweiterte Aufl. Heidelberg, 1993. S. 158.

⁷ Германское торговое уложение. СПб., 1889.

⁸ Gewerbeordnung für den Norddeutschen Bund vom 21.06.1869 // RGBl 1869. S. 245.

Первые «защитные» нормы в области договорного права на общегерманском уровне были закреплены в *Торговом уложении 1861 г.* Так, согласно § 60 «торговый помощник, который вследствие происшедшего не по его вине несчастья временно лишается возможности исполнять свою службу, не теряет чрез то права на жалованье и содержание. Однако право на такую льготу принадлежит ему лишь в течение шести недель». В § 63 устанавливалось, что «служебные отношения могут быть прекращены по требованию торгового помощника, если, например, хозяин не платит ему жалованья, отказывает ему в условленном содержании или окажется виновным в истязании помощника или в нанесении ему тяжких оскорблений».

Значительный отход от буржуазных либеральных принципов «автономии частной воли» и «свободы договора» проявился в содержании *Промышленного устава Северо-Германского союза (Gewerbeordnung) 1869 г.*, защищающего интересы основной массы наемных работников, и прежде всего промышленных рабочих. Согласно § 105, «никто не мог быть принужден к работе в выходные и праздничные дни». Если в качестве наемного рабочего выступал несовершеннолетний, то работодатель должен был давать ему свободное время для посещения школы, а также соблюдать требования по охране его здоровья и нравственности (§ 106). Общее требование к работодателю обеспечить надлежащие условия труда для защиты жизни и здоровья всех категорий наемных работников содержалось в § 107. В § 108 закреплялась идея необходимости в будущем создать особые органы по рассмотрению споров из трудовых отношений между работодателями и наемными работниками⁹. В §§ 109–114 Промышленного устава подробно регламентировались отдельные права в области трудовых отношений для домашней прислуги, в §§ 115–126 — для торговых учеников, в §§ 127–139 — для промышленных рабочих. В частности, запрещалось использовать на фабриках труд несовершеннолетних в возрасте до 12 лет; несовершеннолетние в возрасте до 14 лет могли работать лишь с правом посещения школы; до 16 лет — с продолжительностью рабочего дня не более 10 часов (§ 128). Согласно § 129 вводился обязательный обеденный перерыв на полчаса для несовершеннолетних рабочих; рабочий день не мог начинаться ранее 5.30 утра и заканчиваться позднее 20.30. Вводилось обязательное трудовое свидетельство (§ 133). На работодателя возлагалась обязанность выплачивать заработную плату рабочим наличными деньгами (запрещалось кредитовать товарами), однако при этом в раз-

⁹ Это требование будет реализовано в Германии благодаря принятию в конце XIX — первой трети XX вв. Законов о промышленных и купеческих судах, а впоследствии — Закона о судах по трудовым спорам.

мер заработной платы могла быть включена плата за служебную квартиру, отопление и др.

Концептуально важное положение содержалось в § 152, согласно которому запрещались «всякие преследования и санкции в отношении рабочих в случае их объединения с целью добиться лучших условий труда и заработной платы». По существу, это положение легализовало профсоюзы в Германии.

Общий «либеральный» тон положений ГГУ 1896 г. в определенной мере компенсировался и благодаря включению в его текст так называемых «каучуковых» норм, в германской правовой науке более известных как «генеральная оговорка» (*Generalklausel*). Эти нормы содержат в себе моральные установки: «общественная нравственность», «добрая совесть», «запрещение злоупотребления правом» и др. (§ 138, 157, 226, 242).

В основу содержания знаменитого § 138, согласно которому ничтожной признавалась сделка, «нарушающая правила общественной нравственности», были положены нормы Закона о сделках с платежом в рассрочку (*Abzahlungsgesetz*) от 16.05.1894¹⁰, запрещающего ростовщические сделки. Так, в § 1 этого Закона устанавливалось: «Если при купле-продаже движимой вещи с платежом в рассрочку продавец сохраняет за собой право в случае неисполнения покупателем своей обязанности по договору вернуть себе вещь, то в случае возврата каждая сторона обязана вернуть другой стороне все полученное по договору. Любое соглашение, устанавливающее иное, ничтожно.» Далее, в § 6 говорилось о том, что положения §§ 1–5 данного Закона распространялись на любые другие сделки с платежом в рассрочку. По мнению знаменитого германского правоведа Г. Дернбурга, «извлечение выгоды из нужды, неопытности или легкомыслия контрагента, экономические или психические силы которого значительно уступают силам эксплуататора, являются ростовщичеством, противным нравственности и пагубным в социальном и политическом отношениях»¹¹. Известный германский юрист, депутат Рейхстага Л. Эннекцерус отмечал, что при подобной сделке отсутствует «действительная свобода договора», поскольку одна из сторон договора, находясь в тяжелом экономическом положении, вынуждена принимать условия договора, навязанные другой стороной¹².

Теоретическую основу для данных положений в значительной мере составили идеи французских мыслителей Огюста Конта (1798–1857) и Леона Дюги (1859–1928) об «общественной солидарности» и «социальности права».

Идея «социальности» права в качестве новой концепции буржуазного права была сформулирована Леоном Дюги. В его произведении «Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона» «социализация» права рассматривается через призму доктрины «социальной функции права». Л. Дюги связывает ее с реализацией идеи «социальной солидарности», создания «корпоративного» (синдикалистского) государства. В подобном государстве, по мнению Дюги, должна отсутствовать классовая борьба, и наоборот, господствовать «общественная солидарность или, скорее, взаимозависимость» как «факт социальной структуры». Поэтому, по мнению Дюги, на современном этапе развития государства индивидуальная воля субъекта, принцип «автономии частной воли» должны уйти на второй план. «Современное право, — отмечает он, — теперь все больше и больше стремится защищать только волю, изъявленную внешним образом... Появляется большая судебная практика, в которой, к великому удивлению наших цивилистов-классиков, выдвигается на первый план элемент цели и социальное значение этого элемента... Но этого недостаточно: нужно еще, чтобы... эта цель была целью общественной солидарности, целью, имеющей социальное значение, согласно с объективным правом данной страны. И это опять-таки очевидное последствие социализации права»¹³.

Весьма позитивно оценивает «социализацию» отдельных норм права в ГГУ 1896 г. и видный российский историк права, профессор О.А. Жидков (1931–2005). В своей работе «История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма)» (1971 г.) он отмечает влияние на содержание ГГУ «новых концепций права», в частности «буржуазной идеи «социальности» права», которая находит, в частности, выражение в § 226, содержащем знаменитый принцип «запрещения шиканы» (*Schikaneverbot*): «Не допускается осуществление права, если целью такого осуществления может быть только причинение вреда другому»¹⁴. По мнению О.А. Жидкова, подобная «расплывчатость и гибкость многих положений ГГУ отнюдь не мешала законодателю реализовывать в гражданском праве важнейшие

¹⁰ Gesetz, betreffend die Abzahlungsgeschäfte vom 16.05.1894 // RGBI 1894. S. 450. Его положения впоследствии были развиты в ФРГ в Законе о потребительском кредите (*Verbraucher Kreditgesetz*) от 17.12.1990 // Sammlung des Zivil-, Straf- und Verfahrensrechts. Begründet von Dr. H. Schönfelder. 84. Aufl. München, 1994.

¹¹ Дернбург Г. Пандекты. Т. III. Обязательственное право. М., 1904. С. 57.

¹² См.: Historisch-Kritischer Kommentar zum BGB. Bd. II. Schuldrecht. Allg. Teil. 1. Teilband (§ 241–304). Tübingen. 2007. Vor § 241. Das Prinzip Vertragsfreiheit. Rn. 9.

¹³ Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 3. М., 1999. С. 585–586.

¹⁴ Жидков О.А. История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма) // Жидков О.А. Избранные труды / под ред. Г.И. Муромцева, Е.Н. Трикоз. М., 2006. С. 104–105.

требования буржуазии — обеспечение прочности гражданского оборота, надежную защиту собственности и интересов»¹⁵.

Отход от индивидуализма, тенденция к ограничению либеральных принципов «автономии частной воли» и «свободы договора» в ходе построения социального государства, связанного во многом с дальнейшей реализацией и гарантированностью прав и свобод второго поколения (так называемых социально-экономических и культурных прав) наблюдаются в Германии и в настоящее время. Причем после Второй мировой войны, а также в ходе создания ЕС этот процесс только усилился, о чем свидетельствуют реформирование законодательства и решения Федерального и Конституционного судов ФРГ. В области договорного права это выразилось в установлении принципа «эквивалентного» и «справедливого договора»¹⁶.

Как отмечает профессор Н.А. Крашенинникова, социальное государство в ФРГ понимается прежде всего «как государство, осуществляющее политику социальной справедливости, ос-

лабления социального неравенства, защищающее социально-экономические права граждан в том смысле, как они звучат во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.»¹⁷. В этой связи нельзя не согласиться и с позицией члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук Е.А. Лукашевой о том, что «индивидуальное и социальное должно гармонично сочетаться в гуманистическом обществе» и что «соразмерность индивидуализма и социальности — одно из важных условий обеспечения устойчивого развития в общества и в мире»¹⁸.

Современное договорное право Германии с учетом последних изменений в ГГУ 1896 г. и материалов судебной практики является наглядным примером того, что «в современном мире истинными задачами и целями государства должны стать признание и обеспечение прав человека, а также утверждение солидарности и консолидации общества на основе согласования интересов», что «отрицание социальной роли государства неприемлемо в современном мире»¹⁹.

¹⁵ Там же. С. 105.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Лысенко О.А. Гражданское право Германии в XX веке: реформа обязательственного права // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов в честь юбилея профессора Н.А. Крашенинниковой / отв. ред. В.А. Томсинов. М., 2009. С. 225–240.

¹⁷ История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов : в 2 т. Т. II. Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2005. С. 312.

¹⁸ Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002. С. 10, 12.

¹⁹ Там же. С. 29.

Литература

1. Гражданское уложение Германской империи. СПб., 1898. 522 с.
2. Дернбург Г. Пандекты. Т. III. Обязательственное право / Г. Дернбург. М., 1904. 490 с.
3. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона / Л. Дюги // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 3. М., 1999. С. 585–586.
4. Жидков О.А. Избранные труды / О.А. Жидков; под ред. Г.И. Муромцева, Е.Н. Трикоз. М., 2006. 608 с.
5. Иванов В.В. Общие вопросы теории договора / В.В. Иванов. М., 2000. 160 с.
6. История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов : в 2 т. Т. II. Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2005. 860 с.
7. Лысенко О.А. Гражданское право Германии в XX веке: реформа обязательственного права / О.А. Лысенко // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов в честь юбилея профессора Н.А. Крашенинниковой / отв. ред. В.А. Томсинов. М., 2009. С. 225–240.
8. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002. 448 с.
9. Пугинский Б.И. Избранные труды. Сборник к 75-летию юбилею / Б.И. Пугинский. М., 2016. С. 12–26.
10. Historisch-Kritischer Kommentar zum BGB. Bd. II. Schuldrecht. Allg. Teil. 1. Teilband. Tübingen, 2007.
11. Schlosser H. Grundzüge der Neueren Privatrechtsgeschichte / H. Schlosser. 7., völlig neuarbeitete und erweiterte Aufl. Heidelberg, 1993.
12. Wesel U. Geschichte des Rechts. Von den Frühformen bis zur Gegenwart / U. Wesel. 2., überarbeitete und erweiterte Aufl. München, 2001. 626 p.

References

1. Grazhdanskoe ulozhenie Germanskoy imperii [The Civil Code of the German Empire]. SPb. — Saint Petersburg, 1898. 522 s.
2. Dernburg H. Pandekty'. T. III. Obyazatelstvennoe pravo [The Pandects. Vol. III. The Law of Obligations] / H. Dernburg. Moskva — Moscow, 1904. 490 s.

3. Duguit L. Obschie preobrazovaniya grazhdanskogo prava so vremeni kodeksa Napoleona [The General Transformations of Civil Law after the Napoleonic Code] / L. Duguit // Antologiya mirovoy pravovoy my'sli : v 5 t. T. 3 — Anthology of the World Legal Thought : in 5 vol. Vol. 3. Moskva — Moscow, 1999. S. 585–586.
4. Zhidkov O.A. Izbranny'e Trudy' [Selected Works] / O.A. Zhidkov; pod red. G.I. Muromtseva, E.N. Trikoz; edited by G.I. Muromtsev, E.N. Trikoz. Moskva — Moscow, 2006. 608 s.
5. Ivanov V.V. Obschie voprosy' teorii dogovora [General Issues of Contractual Theory] / V.V. Ivanov. Moskva — Moscow, 2000. 160 s.
6. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhny'kh stran : uchebnik dlya vuzov : v 2 t. T. II. Sovremennaya epokha / otv. red. N.A. Krashennikova [History of State and Law of Foreign Countries : textbook for Higher Education Institutions : in 2 vol. Vol. II. The Modern Epoch]. Moskva — Moscow, 2005. 860 s.
7. Lysenko O.L. Grazhdanskoe pravo Germanii v XX veke: reforma obyazatelstvennogo prava [German Civil Law of the XX Century: Reform of the Law of Obligations] / O.L. Lysenko // Problemy' istorii gosudarstva i prava : sbornik nauchny'kh trudov v chest yubileya professora N.A. Krashennikovoy / otv. red. V.A. Tomsinov. Issues of History of State and Law : collection of Scientific Works Dedicated to Professor N.A. Krashennikova's Anniversary. Moskva — Moscow, 2009. S. 225–240.
8. Prava cheloveka: itogi veka, tendentsii, perspektivy' / otv. red. E.A. Lukasheva [Human Rights: Results of the Century, Tendencies, Prospects]. Moskva — Moscow, 2002. 448 s.
9. Puginsky B.I. Izbranny'e trudy'. Sbornik k 75-letnemu yubileyu [Selected Works. Collection Dedicated to the 75th Anniversary] / B.I. Puginsky. Moskva — Moscow, 2016. S. 12–26.
10. Historisch-Kritischer Kommentar zum BGB. Bd. II. Schuldrecht. Allg. Teil. 1. Teilband. Tübingen, 2007.
11. Schlosser H. Grundzüge der Neueren Privatrechtsgeschichte / H. Schlosser. 7., völlig neuarbeitete und erweiterte Aufl. Heidelberg, 1993.
12. Wesel U. Geschichte des Rechts. Von den Frühformen bis zur Gegenwart / U. Wesel. 2., überarbeitete und erweiterte Aufl. München, 2001. 626 s.

Консервативная эволюция деятельности Верховного суда США на рубеже XX–XXI вв.

Сафонов Владимир Николаевич,

главный научный сотрудник

Отдела теории и истории права, государства и судебной власти

Российского государственного университета правосудия,

доктор юридических наук, доцент

vnsafonov@gmail.com

Статья посвящена последнему, консервативному в политико-правовом аспекте, этапу в истории Верховного суда США. Автор исследует практику Верховного суда США, выделяет такие конституционные доктрины, как «суверенный иммунитет», «надлежащая правовая процедура», «подразумеваемые полномочия», «добрая воля штатов», прослеживая их эволюцию, характеризует правовые позиции судей. Значение данной темы — в рассмотрении современных правовых принципов и понятий. Автор обратился к судебной практике и раскрыл консервативные в политико-правовом смысле аспекты деятельности Верховного суда США. С точки зрения судебной методологии выделены текстуализм и ориджинализм как методы интерпретации, используемые консерваторами. Автор статьи приходит к выводам о дуализме в деятельности Верховного суда и полагает, что историческое наследие судебного активизма не может быть пересмотрено.

Ключевые слова: методы интерпретации, судебный консерватизм, судебный активизм, судебное правотворчество, судебное самоограничение, текстуализм, легитимация новых прав, доктрина суверенного иммунитета, судебный минимализм.

Conservative Evolution of the Activities of the Supreme Court of the United States at the Turn of the XX and the XXI Century

Safonov Vladimir N.

Chief Research Scientist of the Department of Theory and History of Law, State and the Judiciary of the Russian State University of Justice

Doctor of Law

Assistant Professor

This article canalized last period Supreme Court's history. Specific feature the time is judicial conservatism. Author concentrated on judicial doctrines «due process of law», «sovereign immunity», «implied powers» and «good faith of states». The value of this theme is in investigation of modern law definitions and principles. The author studies U.S. Supreme Court's role in policy and characterized law positions of some Justices too. Practice and court opinions also investigated. Court activities were analyzed through historical facts and law tendencies. Interpretation function always provided in Court's activity. «Textualism» and «Originalism» as main conceptions interpretation dominated amidst of conservative Justices. This method is danger of stability American law because the menace of disappearance the results progressive activity for centuries is strengthening. On the other side different views on interpretation and more generally on law are not insurmountable. This is genuine sign of American Law. Improvement of American law and accommodation to new social and economic conditions too. To review and change the results of interpretation is impossible.

Keywords: methods of constitutional interpretation, judge-made law, judicial activism, law conservatism, judicial self-restraint, judicial minimalism, Textualism.

В юридической науке применение термина «судебный консерватизм» вызывает сомнения ввиду искажения роли судей, задача которых — следовать закону и праву, но не политическим пристрастиям. Официально и в соответствии с доктриной «политического вопроса» принятие политического ре-

шения недопустимо. Стратегия Верховного суда США чаще бывает иной, что связано с правотворческой ролью этого суда. По словам Н.А. Крашенинниковой, выделившей особую роль конституционных судов, «наибольшую правотворческую роль играет судебное решение, выносимое в связи с толкованием

законов»¹. Понятие «судебный консерватизм» распространено в лексиконе американских юристов. Деятельность имеет политико-правовой характер, а политическая функция Верховного суда США признана американскими и отечественными авторами².

В 1937–1970-х гг. большинство мест в составе Верховного суда США принадлежало сторонникам усиления роли государства в социально-правовом регулировании. Появилось понятие (и соответствующий термин) «судебный активизм»³. С 1980-х гг. Верховный суд США осуществлял сдвиг вправо, в большей мере совпадающий с идейно-политическими изменениями в стране. До последнего времени доминирует судебный консерватизм, понимаемый как отказ от конституционного правотворчества с целью легитимации новых прав граждан.

Изменения в американской судебной стратегии, связь между политическим и судебным консерватизмом еще не получили отражения в российской юридической американистике. В США проблема судебного консерватизма остается дискуссионной, но преобладают суждения о завершении длительного периода судебного активизма⁴. Подходы американских авторов требуют критического анализа, принятого автором статьи. Прежде всего это касается трактовки «суверенного иммунитета» и надлежащей правовой процедуры.

Судебный консерватизм складывался и развивался в течение всей конституционной исто-

рии, с момента формирования государства США. К концу XX века сохраняются консервативные правовые ценности предшествующих периодов, например, неприкосновенность права собственности и правовой **формализм** с акцентом на догматическое следование прецеденту.

Из современных консервативных подходов судей Верховного суда США выделим три. **Судебное самоограничение**, сторонники которого против «свободной» интерпретации и против состоявшегося в 1930–1960-х гг. признания широкого перечня прав граждан. **Текстуализм** — механическое, «буквалистское» толкование, не допускающее «создания» судьями нового смысла. **Ориджинализм**, то есть сохранение первоначально осуществленного творцами (отцами-основателями) толкования Конституции США в конце XVIII столетия.

Размежевание на судебных консерваторов и судебных либералов-активистов частично совпадает с политическим размежеванием между назначенцами республиканской партии (судьями с преимущественно консервативными подходами ориджинализма и текстуализма) и выдвинутыми демократической партией (судьями с преимущественно либерально-активистскими и сторонниками судебного правотворчества)⁵. «Частично», поскольку судейский нейтрализм в политическом смысле также имеет место. Это влияние индивидуальных, профессиональных, а не политических предпочтений судей Верховного суда США. Например, С. О'Коннор, выдвигенец от республиканских консервативных кругов, занимала по ряду важнейших решений Суда взвешенную и умеренную позицию, принимала опору на доктрину общественного интереса⁶ в частном и в конституционном праве США. В меньшей степени это относится к влиятельному члену Суда А. Кеннеди, но и он, в сравнении со своими коллегами из консервативного большинства в ряде случаев голосовал в соответствии с либеральной позицией. Есть и другие с «индивидуальным» голосованием. Но это не опровергает разделения на судебных консерваторов и судебных либералов-активистов. Но ряд судей отличаются стойкой приверженностью к консервативным методам интерпрета-

¹ История государства и права зарубежных стран: Избранные памятники права / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2005. С. 548.

² См., например: Жидков О.А. Верховный суд США. Право и политика. М., 1985; Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США: политико-правовой комментарий. М., 1985; A Matter of Interpretation Federal Court and a Law / by Anthonin Scalia. N.J.: Princeton University Press, 1999; Burns J.M. Packing the Court. The Rise of Judicial Power and the Coming Crisis of the Supreme Court. London: Penguin books, 2010.

³ Понятие «судебный активизм» часто отождествляется с конституционным правотворчеством состава Верховного суда США под председательством Э. Уоррена (1952–1969). И в более широких хронологических рамках Верховный суд США оказывал решающее влияние на правовую политику, отказываясь от одних прецедентов и принимая другие. «Активизм» не сводится к одобрению социальных программ и к признанию гражданских прав черного и цветного населения. С точки зрения судебных технологий под «активизмом» имеется в виду «широкая» интерпретация положений Конституции, зачастую с наделением ее новым смыслом, то есть судебное конституционное правотворчество. См. о судебном активизме: Сафонов В.Н. Концепция интерпретивизма в деятельности Верховного суда США // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. № 1. С. 9–27; Lindquist S., Cross F. Measuring Judicial Activism. N.Y.: Oxford University Press, 2009.

⁴ См., например: Tribe L., Matz J. Uncertain Justice: The Robert Court and Constitution. N.Y.: Picador book, 2014. P. 283–285.

⁵ Американские авторы полагают, что судьи, выдвигаемые в качестве кандидатур Президентом США, представителями демократической партии, отстаивают нововведения в структуре американского права и признают (прямо либо косвенно) правотворчество судей. См.: Burns J.M. Packing the Court. Op. cit. P. 199.

⁶ Доктрина общественного интереса формировалась с последней трети XIX столетия путем интерпретации конституционных положений об общем благе (general welfare) и публичной пользе (public use) путем расширенного толкования и как основание для государственного вмешательства и новых законодательных актов в интересах общества. См. об этом: Сафонов В.Н. Конституция США и социально-экономические права граждан. М., 2007. С. 57, 74–75.

ции и взглядами в соответствии с консервативной правовой философией. В рассматриваемый период это А. Скалия, «неформальный лидер» судей с консервативными убеждениями, бывший и нынешний председатели Верховного суда У. Ренквист и Дж. Робертс, судьи К. Томас и С. Аливо.

Один из примеров судебного консерватизма — доктрина суверенного иммунитета. В основе доктрины «суверенного иммунитета» извлеченный из английского права принцип, который в популярном изложении звучит: «Король не может быть неправ». Принцип запрещал подачу исков против монарха, государства, должностных лиц, даже в том случае, если они действуют в противоречии с законом. Но в решении по делу *Marbury v. Madison* (1819) Верховный суд США отказался от такой трактовки. «Сущность гражданских прав и свобод определенно включает право на судебную защиту, независимо от того, кем и когда ему нанесен ущерб», постановил Суд под председательством Дж. Маршалла в 1819 г.⁷

Переход Верховного суда США к консервативной трактовке суверенного иммунитета означал ограничение права на судебную защиту. Прежде всего это происходило в форме разрушения конституционно-процессуальных гарантий личности по надлежащей правовой процедуре⁸. Отказываясь от расширительного толкования надлежащей правовой процедуры, консерваторы преследовали такие цели. Во-первых, ослабить или вовсе отменить данное положение (доктрину), как защищающее более широкий перечень прав, в том числе не обозначенных в тексте Конституции и Билле о Правах. Во-вторых, рассматривать это положение как исключительно процессуальное требование, а не материально-правовое⁹.

Однако, поскольку прямо отменить результаты предшествующей деятельности невозможно в силу господства общего права и признания прецедента источником права, консервативное большинство избрало стратегию подрыва прав граждан в основных сферах регулирования, закрепленных в период судебного активизма. Например, Верховный суд США ввел ограничение коэффициента «карательного возмещения» в рамках института «карательных убытков» (*punitive damages*). Этот институт деликтного права сложился с целью ужесточения санкций за односторонний отказ от исполнения сделки и за нарушение условий договора в различных сферах. Суд устанавливает возмещение не по компенсации доказанных нарушений, а многократно увеличенное, поскольку ущерб наносится не только отдельному лицу, но возникает опасность правового неравенства и эрозии договорного права, имеющих жизненное значение для государства и рыночных отношений¹⁰.

Ослабление же деликтной ответственности сторон договора соответствует целям крупного бизнеса, интересы которого и защищают судебные консерваторы. Они же встали на позицию отмены конституционных гарантий участникам трудовых отношений, где со времен Ф. Рузвельта профсоюз, против которого ведется «нечестная практика» рассматривался судьями в качестве «слабой стороны». Верховный суд США признал соответствующим Конституции принудительное направление пострадавших от лишения социальных пособий граждан не в суды, а в органы частного арбитража.

Все эти примеры свидетельствуют об ослаблении фундаментального права на судебную защиту. Применение гражданского иска против органов власти и государственных служащих оставалось в центре обсуждения в начале нового XXI столетия. Консервативный Верховный суд подрывал не только достаточно абстрактный принцип ответственности власти перед обществом; под угрозой оказалось применение гражданского иска в отношениях между гражданами и представителями власти¹¹.

⁷ *Marbury v. Madison*, 5 U.S. 137 (1803).

⁸ Если до 1930-х гг. толкование надлежащей правовой процедуры рассматривалось как средство защиты частной собственности, то либералами-активистами со времени «нового курса» Ф. Рузвельта оно рассматривается как основание для принятия законов, в которых государство создает дополнительные («фактические», «экономические» возможности) для тех или иных социальных групп. То есть возможности для осуществления подлинного равенства и воспринимается как материально-правовое требование. См. подробнее об этом: История государства и права зарубежных стран: учебник. Т. II. Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2005. С. 613; Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США: политико-правовой комментарий. М., 1985. С. 291–297; Rossum R.A. Antonin Scalia's Jurisprudence. Text and Tradition. Lawrence, Kansas, 2006. P. 166–171.

⁹ Сафонов В.Н. Применение Верховным судом США доктрины «надлежащей правовой процедуры» для конституционной легитимации социально-экономических прав // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2005. № 3. С. 46–51; Dorf Michael C. The Oxford Introduction to

U.S. Law. Constitutional Law. N.Y., Oakland : Oxford University Press. P. 53–55, 198–199.

¹⁰ В правовой науке характеризуется как проникновение публичного элемента в частное право и как значительное достижение судебного активизма. См.: Ingram D. Law. Key Concepts in Philosophy. London : Continuum, 2006. P. 165. Поскольку продавцы скрывают истинные намерения и заведомо допускают неисполнение договора (надеясь на выплату обычных компенсаций), необходимы более жесткие меры, нежели эквивалентная компенсация. См. об этом: Карапетов А.Г. Экономический анализ права М., 2016. С. 318–320; Ingram D. Op.cit. P. 165.

¹¹ Из права на подачу гражданского иска к властям вытекают два основных требования: о праве на возмещение ущерба и о восстановлении нарушенного права (*Прим. автора*).

Консерваторы не могли прямо отменить право на подачу иска в отношениях между государственными органами и частными лицами. Поэтому они использовали стратегию медленного разрушения права на иск против органов государственного управления, используя и здесь изощренную тактику. Возможность гражданско-правового обжалования после решений Суда перестала быть осуществимой в отношении категорий наименее защищенных граждан, пенсионеров, учащихся, женщин, инвалидов, всех получателей пособий, которым нанесен ущерб вследствие ошибок чиновников и дискриминации. Верховный суд США подтвердил при рассмотрении апелляции на решение нижестоящего суда, что нельзя обращаться с иском к штату в случае увольнения по возрасту. Решение якобы зависит от «доброй воли» (good faith) штата¹². Однако, если с иском к органам власти и государственного управления, правительству обращаются крупные корпорации, то здесь «суверенный иммунитет» отодвигается Верховным судом¹³.

Зачастую Суд отклонял иски под предлогом невозможности опереться на закон и прецедент и сформулировать позицию о праве. Суд продолжил применение спорного обснования о «доброй воле» штата в вопросе о принятии иска в деле *Alden v. Maine*¹⁴. Служащие требовали оплаты сверхурочных часов за переработку в соответствии с федеральным законодательством (Акт о справедливых условиях труда 1938 г.). Верховный суд США постановил: без согласия штата иск не может быть рассмотрен, в том числе и на основе требований федерального законодательства в соответствии с доктриной суверенного иммунитета¹⁵. Суд вновь называл наилучшим способом решения трудового спора арбитраж, то есть помощь частных посредников, что свидетельствует об ущемлении права на судебную защиту.

Что касается аргументов текстуализма, то Конституция США умалчивает о наделении штатов привилегией суверенного иммунитета. Следует согласиться с американскими авторами, что «ни в одном положении Конституции США, в том числе в тексте XI Поправки, на которую ссылаются судебные консерваторы, не идет речь о запрете гражданам обращаться в суд своего штата с иском о нанесении

ущерба»¹⁶. Доктрину суверенного иммунитета можно только «сконструировать» из слов XI Поправки: «Судебная власть Соединенных Штатов не должна распространяться на исковое производство ... которое возбуждено либо ведется против одного из штатов гражданами другого штата или поданными какого-либо иностранного государства»¹⁷. Но, чтобы интерпретировать так, придется изощренно использовать метод нон-интерпретивизма, присущий либеральным активистам, то есть игнорировать текст и первоначальный замысел. Иначе говоря, опровергнуть текстуально ясный смысл XI Поправки с целью запретить иски против штатов в федеральные суды только для граждан других штатов и иностранцев, но не для граждан собственного штата. Но в конце XI в. узкую интерпретацию суверенного иммунитета, как действующего исключительно против граждан других штатов и иностранцев (*diversity doctrine*), заменили на широкую интерпретацию текста XI Поправки. Это означало, что не только гражданам других штатов, но и гражданам своего штата запрещалось подавать иски против властей штата в федеральных судах (*sovereign immunity doctrine*)¹⁸.

Тем самым Суд придал расширительный смысл доктрине суверенного иммунитета, запретив не только гражданам других штатов, но и гражданам своего штата подавать иски против властей штата в федеральных судах.

В дальнейшем Верховный суд США весьма непоследовательно пытался ограничить распространяемую практику, по которой рассмотрение исков против официальных лиц зависело от согласия и доброй воли штата принять иск к рассмотрению.

В 1960-х гг., в период борьбы за гражданские права и принятия Конгрессом США «Акт о гражданских правах» 1964, 1965 и 1968 гг., последовала серия «активистских» судебных решений по ограничению иммунитета властных органов в штатах, совершающих антиконституционные дискриминационные действия. Применялись два средства судебной защиты, позволявшие преодолеть доктрину суверенного иммунитета в прежнем виде. Верховный суд признавал конституционной подачу судебного иска на конкретные действия должностного лица или органа, что позволяло судьям на местах издать запретительный приказ (*injunction*), действующий до решения в окончательном виде. Кроме того, освобождение от иммунитета суверена допускалось в некоторых законодательных актах Конгресса в случае антиконституционных (направленных на ограничение конституционных прав) действий. Большое значение для сохранения широкой трактовки имело решение

¹² *Kimel v. Florida Board of Regents* 528 U.S. 62 (2001).

¹³ *Mobil Oil Exploration v. United States* 530 U.S. 604 (2000). В данном деле с участием крупной корпорации Суд признал правомерность отказа от суверенного иммунитета и законность финансовых претензий корпорации к правительству.

¹⁴ *Alden v. Maine*, 527 U.S. 706 (1999).

¹⁵ В Федеральном законе 1938 г. «О справедливых условиях труда» и дополнениях к нему нет ограничения в части сверхурочных выплат на основании суверенного иммунитета.

¹⁶ *Chemerinsky E.* Op. cit. P. 223 ; *Dorf M.* Op. cit. P. 89.

¹⁷ США: Конституция и законодательные акты / под ред. и со вступит. статьей О.А. Жидкова. М., 1993. С. 42.

¹⁸ *Dorf M.* Constitutional Law. Op. cit. P. 89.

*Fitzpatrick v. Bitzer*¹⁹. Суд подтвердил полномочие Конгресса США отменять иммунитет штата на основании Раздела 5 XIV Поправки.

Однако в период судебного консерватизма, с середины 1980-х гг., Суд в ряде решений перешел к «широкой» интерпретации Раздела 5, то есть к доктринам «подразумеваемые полномочия» и «структурное толкование»²⁰.

Эти доктрины²¹ обладают сходством с похожими по степени правовой неопределенности доктринами «опора на традицию» и «добрая воля штатов»²². Следовательно, Суд обращался к сомнительным методам, даже с точки зрения собственной консервативной стратегии, которая должна быть основана на текстуализме.

Штаты и их судебные органы, как это заявлено Верховным судом США в упомянутом деле *Alden v. Maine*, «могут по доброй воле исполнять решения, принятые на федеральном уровне»²³.

Но при таком подходе граждане лишаются судебных гарантий по Конституции США.

Судья А. Кеннеди, не отличающийся либеральными подходами и присоединяющийся в большинстве решений к консерваторам, вынужден был заявить, что принцип суверенного иммунитета извлекается не из XI Поправки, «а из структуры Конституции, в том виде, как она принималась». Понятие «структуры Конституции» в обосновании конкретного положения о суверенном иммунитете неубедительно. Например, принцип верховенства федерального права из VI Статьи Конституции США — элемент структуры, не дающий оснований для широкой интерпретации суверенного иммунитета. Невозможность следования текстуализму и ориджинализму свидетельствует о пороках консервативной методологии. Но и применение консерваторами «активистских» методов стало проявлением конъюнктурности.

Таким образом, в начале нового столетия все труднее поддерживать баланс между активизмом и консерватизмом. Прежние активисты, сторонники «живой» Конституции, отказались от многих активистских намерений. А судебные консерваторы, хотя и владеют инициативой, но столкнулись с преградой в виде принятых в XX веке доктрин и доктринальных методов. Пересмотреть прецеденты, доктрины крайне затруднительно; отсюда такие проявления дисбаланса, как «консервативный активизм», развивающийся в результате политического влияния на право.

¹⁹ *Fitzpatrick v. Bitzer*, 427 U.S. 445 (1976).

²⁰ Пример «структурного» толкования — применяя доктрину суверенного иммунитета, судьи ссылаются не только на XI Поправку, осознавая, что этого недостаточно, но и на Статью IV, применение положений которой также вызывает неоднозначное толкование.

²¹ Доктрина «подразумеваемых полномочий» более известна в качестве метода легитимации широких полномочий федеральной власти, но в данном случае она использовалась судьями-консерваторами с целью наделить широким смыслом XI Поправку для широкого же применения доктрины суверенного иммунитета.

²² См.: *Alden v. Maine* 527 U.S. 706 (1999).

²³ *Alden v. Maine* 527 U.S. 706 (1999).

Литература

1. Бернам У. Правовая система США / У. Бернам ; науч. ред. В.А. Власихин. М. : Новая юстиция, 2006. 1211 с.
2. Жидков О.А. Верховный суд США: Право и политика / О.А. Жидков // Избранные труды / отв. ред. Г.И. Муромцев, Е.Н. Трикоз. М., 2006. 608 с.
3. История государства и права зарубежных стран: Избранные памятники права / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. II. М., 2015. 815 с.
4. Карапетов А.Г. Экономический анализ права / А.Г. Карапетов. М. : Статут, 2016. 528 с.
5. Мишин А.А. Конституция США: политико-правовой комментарий / А.А. Мишин, В.А. Власихин. М., 1985. 336 с.
6. США. Конституция и законодательные акты / под ред. и со вступит. статьей О.А. Жидкова. М. : Прогресс-Универс, 1993. 768 с.
7. A Matter of Interpretation. Federal Court and a Law / by Anthonin Scalia. NJ. : Princeton University Press, 1999. 156 p.
8. Burns J.M. Packing the Court. The Rise of judicial Power and the coming crisis of the Supreme Court / J.M. Burns. N.Y. : Penguin Books, 2009. 312 p.
9. Key Opinions of Supreme Court. URL: <http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase.pl?court=us&vol>
10. Chemerinsky E. The Conservative Assault on the Constitution. N.Y. : Simon and Schuster, 2010. 326 p.
11. Dorf M.C. The Oxford Introduction to U.S. Law. Constitutional Law / M.C. Dorf. N.Y., Oakland : Oxford University Press. 239 p.
12. Lindquist S. Measuring Judicial Activism / S. Lindquist, F. Cross. N.Y. : Oxford University Press, 2009. 176 p.
13. Rossum R.A. Antonin Scalia's Jurisprudence. Text and Tradition / R.A. Rossum. Lawrence, Kansas : Kansas University Press, 2006. 298 p.

References

1. Burnham W. Pravovaya sistema SShA [Legal System of the United States] / W. Burnham; nauch. red. V.A. Vlasikhin. Moskva : Novaya yustitsiya — Moscow : New Justice, 2006. 1211 s.
2. Zhidkov O.A. Verkhovny'y sud SShA: Pravo i politika [The Supreme Court of the USA: Law and Politics] / O.A. Zhidkov // Izbranny'e trudy' / otv. red. G.I. Muromtsev, E.N. Trikoz. Moskva — Moscow, 2006. 608 s.
3. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhny'kh stran: Izbranny'e pamyatniki prava / otv. red. N.A. Krasheninnikova. T. II [The History of State and Law of Foreign Countries: Selected Monuments of Law]. Moskva — Moscow, 2015. 815 s.
4. Karapetov A.G. Ekonomicheskiy analiz prava [Economic Analysis of Law] / A.G. Karapetov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2016. 528 s.
5. Mishin A.A. Konstitutsiya SShA: politiko-pravovoy kommentariy [The Constitution of the USA: Political and Legal Comment] / A.A. Mishin, V.A. Vlasikhin. Moskva — Moscow, 1985. 336 s.
6. SShA. Konstitutsiya i zakonodatelny'e akty' / pod red. i so vstupit. statyey O.A. Zhidkova [The USA. The Constitution and Statutory Acts]. Moskva : Progress-Univers — Moscow: Progress-Univers, 1993. 768 s.
7. A Matter of Interpretation. Federal Court and a Law / by Anthonin Scalia. N.J. : Princeton University Press, 1999. 156 s.
8. Burns J.M. Packing the Court. The Rise of judicial Power and the coming crisis of the Supreme Court / J.M. Burns. N.Y. : Penguin Books, 2009. 312 s.
9. Key Opinions of Supreme Court. URL: <http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase.pl?court=us&vol>
10. Chemerinsky E. The Conservative Assault on the Constitution. N.Y. : Simon and Schuster, 2010. 326 s.
11. Dorf M.C. The Oxford Introduction to U.S. Law. Constitutional Law / M.C. Dorf. N.Y., Oakland : Oxford University Press. 239 s.
12. Lindquist S. Measuring Judicial Activism / S. Lindquist, F. Cross. N.Y. : Oxford University Press, 2009. 176 s.
13. Rossum R.A. Antonin Scalia's Jurisprudence. Text and Tradition / R.A. Rossum. Lawrence, Kansas : Kansas University Press, 2006. 298 s.

Проблема основного метода сравнительного изучения европейской правовой традиции в начале XXI в.

Полдников Дмитрий Юрьевич,
доцент кафедры теории и истории права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук, доцент
dpoldnikov@hse.ru

В статье рассмотрены перспективы использования функционального метода современной компаративистики для проведения исследований в рамках сравнительной истории права в Европе. Обосновывается продуктивность обращения к функции (социальному назначению) правовых норм при определении объектов и эмпирической базы сравнения (первая, подготовительная стадия) и упорядочения полученных результатов (третья, заключительная стадия), но отмечаются ограничения, накладываемые данным методом при анализе выбранных объектов с точки зрения реального правового воздействия на общественные отношения (вторая, основная стадия).

Ключевые слова: функциональный метод, сравнительная история права, сравнительное правоведение, европейская правовая традиция, критерии сравнения, презумпция сходства.

The Issue of the Main Method of Comparative Research of the European Legal Tradition in the Early XXI Century

Poldnikov Dmitry Yu.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law of the National Research University
"Higher School of Economics"
Doctor of Law, Assistant Professor

This article examines the intended benefits of applying the functional method of comparative law in the domain of comparative legal history, with regard to European legal tradition. It is stated that examining the functions of legal norms can help legal historians to determine the objects of comparison and the sources of analysis (the initial stage of research) and to arrange the results at the final stage. Yet, at the stage of analysis (the second stage), the functional method limits the scope of the research to the 'law-in-action'.

Keywords: functional method, comparative legal history, comparative law, European legal tradition, criteria of comparison, praesumptio similitudinis.

Подходы к изучению истории государства и права зарубежных стран традиционно привлекают внимание отечественных ученых. В 2007 г. на Московских историко-правовых чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова Н.А. Крашенинникова вновь подвергла глубокой рефлексии методологию изучения истории зарубежного права в контексте сложившихся правовых традиций и указала на потребность в историко-сравнительном подходе¹. Данный тезис в 1976 г. уже обосновывал О.А. Жидков, отметив с сожалением, что советские историки крайне «медленно развертывают фронт исследований» в области истории права с помощью сравнительного под-

хода². Увы, с середины 1970-х гг. положение мало изменилось.

Между тем в европейской историографии с начала XXI в. активно формируется *сравнительная история права*. Речь идет о дисциплине или методологии изучения элементов двух или более систем права, правопорядков (традиций, культур), с тем, чтобы благодаря сравнению выявить сходства и различия между ними, а также явные и скрытые факторы их трансформации.

Несмотря на актуальность и явный интерес к сравнительному изучению права народов Старого Света, до сих пор нет ясности в том,

¹ Крашенинникова Н.А. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2007. № 6. С. 10.

² Жидков О.А. О состоянии и задачах научных исследований в области всеобщей истории государства и права (1976) // Избранные труды. М.: Норма, 2006. С. 24, 31.

что собой представляет сравнительная история права — новую дисциплину (А. Паризе), современный вариант национальной истории права (Х. Пилямяки) или дополнительную методологию историко-правовой науки (Д. Иббетсон)³. Представляется, что неопределенность статуса сравнительной истории права в значительной мере обусловлена нерешенной проблемой ее методологии, особенно ее основного метода.

Наиболее обоснованным представляется выбор в пользу методологии сравнительного правоведения⁴. Но современное сравнительное правоведение — не один метод (как писали в конце XIX в.), а целая «коллекция методов по поиску ответов на бесконечное разнообразие вопросов о праве (в широком смысле)»⁵. Долгое время главную роль в методологии компаративистики играл функциональный метод, разработанный еще Э. Рабелем. В его основе лежат посылки о тесной связи права с социальными проблемами (такова его *функция*) и о сходном решении аналогичных проблем («презумпция сходства»), несмотря на вариации юридических формулировок в праве стран на одинаковой стадии развития. Социальная проблема в выбранных юрисдикциях становится критерием сравнения (*tertium comparationis*) правовых решений⁶.

Вопреки критике названных посылок, по-прежнему убедительной представляется связь права с решением социальных проблем, а значит, целесообразность применения функционального метода⁷. При этом ученые признают необходимость дополнять его другими методами для более полного раскрытия явных и скрытых факторов, определяющих правовые решения сегодня и в будущем⁸.

Означает ли активное использование скорректированного функционального метода при изучении позитивного права возможность его

применения в историко-правовых исследованиях сегодня? Совпадение ряда базовых установок специалистов по истории и сравнительному правоведению, выявленное на конференциях и в совместных сборниках публикаций, позволяют допустить такую возможность⁹. В то же время специфика целей и предмета историко-правового исследования требуют внимательно оценить возможность обращения историка права к функциональному методу.

Сравнительное изучение европейской правовой традиции с известной долей условности делится на несколько стадий:

1) подготовительную (выбор объекта, критериев сравнения, источников, описание собранных данных);

2) основную аналитическую (выявление содержания правового регулирования, сходств и различий, факторов воздействия, причин изменения);

3) заключительную (объяснение сходства и различия, факторов воздействия, формулировка моделей, идеальных типов, закономерностей развития правового регулирования)¹⁰.

Продуктивность функционального метода не одинакова на каждой из них.

Стадия 1. Отбор данных для сравнительного исследования

При изучении европейской правовой традиции опора на функцию для определения объектов сравнения и отбора данных о них вполне оправдана связью между развитием правовых институтов и потребностями общества с момента ее становления в ходе рецепции римского права. Без учета функции исследователь рискует «потонуть» в водовороте «вербальных ярлыков» (терминологии, норм, институтов, выраженных на разных языках и диалектах), меняющихся даже в процессе развития одной и той же юрисдикции.

Цель (*ratio*) правовых норм задает критерий сравнения (*tertium comparationis*) и позволяет ученому выйти за пределы сопоставления текстов источников права¹¹. Поиск *ratio legis* становится основой толкования, адаптации и применения римских законов Юстиниана и иных источников права по крайней мере с конца

³ Ownership Paradigms in American Civil Law Jurisdictions (16th–20th centuries) / ed. A. Parise. Leiden, Boston : Brill, 2017. P. 28 ; The Method and Culture of Comparative Law. Essays in Honour of M. Van Hoecke / eds. M. Adams, D. Heirbaut. Oxford : Hart, 2014. P. 121–132 ; Making legal history: approaches and methodologies / eds. A. Musson, Ch. Stebbings. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 131–145.

⁴ Löhnig M. Comparative Law and Legal History: A Few Words about Comparative Legal History // The Method and Culture of Comparative Law. Op. cit. P. 113.

⁵ Adams M., Heirbaut D. Prolegomena // The Method and Culture of Comparative Law. Op. cit. P. 7.

⁶ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. / пер. с немецкого Ю.М. Юмашева. М. : Международные отношения, 2000. Т. 1. С. 50–69.

⁷ Valcke C., Grellette M., Three Functions of Function in Comparative Legal Studies // The Method and Culture of Comparative Law. Op. cit. P. 99–111.

⁸ Обзор методов см.: Samuel G. An Introduction to Comparative Law Theory and Method. Oxford : Hart Publishing, 2014. P. 45–120.

⁹ The Method and Culture of Comparative Law. Op. cit. P. 1 ff ; Methods of Comparative Law / ed. P.J. Monateri. Cheltenham : Elgar, 2012. P. 1 ff.

¹⁰ Löhnig M. Op. cit. P. 117–118. То же во всеобщей истории. См.: Мазур Л.Н. Сравнительно-исторический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014. С. 468–470.

¹¹ Valcke C. Comparative Law as Comparative Jurisprudence — The Comparability of Legal Systems // American Journal of Comparative Law. 2004. № 52. P. 730–731 ; Мазур Л.Н. Методика исторического исследования // Теория и методология исторической науки. Указ. соч. С. 270–271.

XIII в. в североитальянской школе (*mos italicus*), а затем у практикующих юристов национальных правовых школ Нового времени¹².

Обращение к цели (к решению социальной проблемы) позволяет определить объекты сравнения в юрисдикциях Европы с различным влиянием *ius commune* на право и его догму, то есть объединить в рамках исследования страны с выраженным влиянием рецепции римского права (Западная Европа), с ее поздним опосредованным влиянием через юридическую науку Нового времени (Россия, Скандинавия), а также без значительного влияния рецепции (Англия). Отбор материала по формулировкам закона и доктрины привел бы к ограничению изучения одним правовым кругом в той или иной части Европы или сдвигу в хронологии исследования до момента влияния западноевропейской правовой культуры¹³.

Стадия 2. Изучение действия правовых норм в обществе и выявление факторов правового развития

Применение функционального метода на второй стадии ограничивает изучение права анализом воздействия правовых норм на общество (их реализации и применением). Это не единственный взгляд на многоаспектный правовой феномен, но именно он интересовал и интересует большинство правоведов.

В континентальной Западной Европе и Англии большинство юристов в Средние века и Новое время придерживались практической направленности. Учеными-практиками, несомненно, являлись итальянские комментаторы Свода Юстиниана с конца XIII в., толкователи местных обычаев и судебной практики (арретисты) с XV в., *usus modernus* в немецких землях и Нидерландах XVII–XVIII вв. Академические школы французских гуманистов или испанских вторых схоластов XVI в., сторонников естественного права XVII–XVIII вв. в долгосрочной перспективе внесли весомый вклад в развитие европейской правовой традиции, но не их представления определяли содержание современных им судебных решений.

Динамичное развитие судебной системы и инквизиционного процесса сначала в церковных, а затем и в светских (королевских и княжеских) судах, устойчивый рост их юрисдикции и числа рассматриваемых дел, приемлемость судебного порядка решения споров в странах Европы также указывает на предполагаемую связь права и общественных потребностей.

Сложнее историку опереться на презумпцию сходства (*praesumptio similitudinis*), связанную с функциональным методом в сравнительном правоведении. Ее критикуют и известные компаративисты (П. Легран), и историки-медиевисты (А. Кордес). Действительно, для доиндустриальных обществ Европы характерна многоукладная экономика, разнообразие социальных групп и их интересов, которые вынуждают историков признавать догму феодального права «несравненно более сложной и труднее поддающейся пониманию, чем право буржуазное с его упрощенной логикой вездесущего денежного эквивалента»¹⁴. Значит, более продуктивно презюмировать гипотетическое состояние различия, которое сглаживается в процессе становления индустриального общества «долгого XIX века».

Смещение акцента на действие правовых норм при решении конкретных конфликтов позволяет отойти от узкодогматического подхода и найти общую основу для сравнения истории разных правовых кругов Старого Света, прежде всего континентального *ius commune* и английского *common law*. Историки права на континенте до сих пор уделяли большее внимание правовым доктринам и праву, происходящему из университетов, а не из судов. Эта особенность подмечена историками английского *common law*, созданного судьями и изучаемого по их решениям. Несмотря на важную роль доктрины и «интеллектуализм» как одну из черт континентального права (Ф. Виакер), следует согласиться с замечанием Д. Иббетсона о некорректности восприятия права только как интеллектуальной системы, игры ученых в создание гармоничного порядка, изучаемой догматическими средствами¹⁵.

Стадия 3. Упорядочение результатов исследования по группам

Обращение к функции правового регулирования дает критерий не только для отбора эмпирического материала, но и для упорядочения результатов исследования на макро- и микроуровне, даже при изучении примитивных обществ (биологическое воспроизводство, поддержание целостности социума, освоение ресурсов и среды обитания)¹⁶. С усложнением общественных отношений и появлением юриспруденции упорядочение правовых отношений усложняется. Однако чаще всего в его основе лежит все тот же критерий функционального назначения.

Так, наиболее распространенная схема частного права «лица, вещи, (обязательства) и иски», сформулированная Гаем во II в. и включенная в Институции Юстиниана VI в., восхо-

¹² Поддников Д.Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 171 и сл.

¹³ О влиянии западной традиции права на все регионы Старого Света см.: The formation and transmission of Western legal culture: 150 books that made the law in the age of printing / eds. S. Dauchy et al. Cham: Springer, 2017. P. 59 ff.

¹⁴ Сказкин С.Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве // Избранные труды по истории. М.: Наука, 1973. С. 304.

¹⁵ Ibbetson D. Op. cit. P. 135.

¹⁶ Сухолинский П.Р. Право в догосударственных социальных системах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 13.

дит к упорядочению римского гражданского права Квинтом Муцием Сцеволой (нач. I в. до н.э., D. 1.2.2.41) на четыре группы (наследство, лица и семья, вещи и права на них, обязательства) по «потребностям предклассического Рима в регулировании сельскохозяйственной экономики и укреплении патриархальной семьи»¹⁷. С XVI в. правоведы континентальной Европы все чаще применяли институционную схему для упорядочения материального гражданского права (начиная с «Комментариев» Ф. Коннана и У. Донелла), а затем обычного права и судебной практики высших судов (например, в «Сборнике постановлений» Парижского парламента под ред. его председателя Г. Ламуаньона (1672)). В XVIII в. она получила естественно-правовое обоснование, став неотъемлемой частью доктрины и основой первых кодификаций гражданского права.

Институционное упорядочение частного права возобладало над иными вариантами, в том числе процессуально-ориентированным (бес)порядком преторского эдикта в Риме, записей обычного права («варварских прав») и земского права (Саксонское зеркало и аналогичные ему сборники), форм исков в *common law*¹⁸.

Современные исследователи также считают возможным упорядочить частное право в Европе (в т. ч. *common law*) на разных стадиях развития по группам, восходящим к социальным потребностям, в том числе: статус личности и семьи; принадлежность имущественных благ; отношения по передаче имущества на постоянной основе или во временное пользование (при жизни и на случай смерти); возмещение вреда личности и имуществу¹⁹.

Аналогичный критерий применим для упорядочения результатов исследования меньшего масштаба. Так, развитие договорного права в странах романо-германской правовой семьи может проследиваться не только по отдельным группам и видам договоров, но и по положениям, применимым ко всем или большинству договоров, даже до того, как эти положения были четко выделены доктриной и получили закреп-

ление в гражданском законодательстве. В числе последних Г. Коинг выделяет положения о заключении и форме договоров, их содержании и толковании, недействительности, договорах в пользу третьих лиц, представительстве, исполнении договора, препятствии исполнению и его последствиях, перемене лиц и множественности лиц в обязательстве²⁰.

Обращение к функции является наиболее распространенным и едва ли не единственным способом расположить материал в учебных курсах по истории государства и права зарубежных стран. Включение в них государственных и правовых институтов многообразных цивилизаций издавна побуждало обращаться к сравнительной манере изложения, ее методологии, пусть и без обсуждения функционального метода²¹. Развитие частного права от Античности до современности прослеживается через правовое регулирование «ядра» частнопрововых отношений (семейное право и статус лиц, собственность и наследование, договорное право, деликтное право)²².

Таким образом, функциональный метод сравнительного правоведения применим в исследованиях по сравнительной истории права. Особенно полезен он для определения объектов сравнения, отбора эмпирического материала и упорядочения результатов исследования одного или разных правовых кругов. Его использование на стадии анализа ограничивает предмет исследования изучением правового воздействия на общество (реализацией и применением норм). Данный метод может претендовать на основную роль в сравнительном изучении истории «права в жизни» самых разных регионов Европы. Однако он может и должен сочетаться с другими методами, чтобы сравнительная история права стала таким же мощным инструментом открытия сходств и различий, выявления явных и скрытых факторов правового развития, деконструкции стереотипов и клише, как и современная компаративистика²³.

²⁰ Coing H. Op. cit. Vol. 1. P. 398–449 (глава 19); Vol. 2. P. 442–473 (глава 22).

²¹ Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М.: Высшая школа, 1978. С. 103–126.

²² Wesel U. Op. cit. P. 258 ff.

²³ Статья подготовлена в ходе проведения исследования по проекту № 17-01-0051 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

¹⁷ Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / пер. с исп.; отв. ред. Л.А. Кофанов. М.: Статут, 2005. С. 85, сн. 25.

¹⁸ Менталитет юристов *common law* вращается вокруг категорий «лица, вещи, имущественные права, обязательства, способы защиты». См.: Samuel G. Op. cit. P. 118.

¹⁹ Coing H. *Europäisches Privatrecht*. 2 vols. München: C.H. Beck, 1985–1989. P. 1 ff.

Литература

1. Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / М.Х. Гарсиа Гарридо; пер. с исп.; отв. ред. Л.А. Кофанов. М.: Статут, 2005. 812 с.
2. Жидков О.А. О состоянии и задачах научных исследований в области всеобщей истории государства и права (1976) // Жидков О.А. Избранные труды. М.: Норма, 2006. С. 24–34.
3. Крашенинникова Н.А. К вопросу о методологии изучения истории права / Н.А. Крашенинникова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2007. № 6. С. 3–27.

4. Сказкин С.Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве / Сказкин С.Д. // Избранные труды по истории. М. : Норма, 1973. С. 297–315.
5. Сухолинский П.Р. Право в догосударственных социальных системах : дис. ... канд. юрид. наук / П.Р. Сухолинский. М., 2013. 218 с.
6. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. 576 с.
7. Тилле А.А. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. 2-е изд., доп. и испр. / А.А. Тилле, Г.В. Швеков. М. : Высшая школа, 1978. 199 с.
8. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. / К. Цвайгерт, Х. Кетц; пер. с нем. Ю.М. Юмашева. Т. 1. Международные отношения. М., 2000. 480 с.
9. Coing H. Europäisches Privatrecht / H. Coing. Vol. 1. C.H. Beck, München, 1985. 665 p.
10. Ibbetson D. Comparative legal history: A Methodology / D. Ibbetson // Making legal history: approaches and methodologies / ed. by A. Musson, Ch. Stebbings. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 131–145.
11. Methods of Comparative Law / ed. by P.J. Monateri, Elgar, Cheltenham, 2012. 326 p.
12. Ownership Paradigms in American Civil Law Jurisdictions: Manifestations of the Shifts in the Legislation of Louisiana, Chile, and Argentina (16th–20th centuries) / ed. by A. Parise. Brill, Leiden, Boston, 2017. 295 p.
13. Samuel G. An introduction to comparative law theory and method / G. Samuel. Oxford : Hart Publishing, 2014. 210 p.
14. The formation and transmission of Western legal culture: 150 books that made the law in the age of printing / ed. by S. Dauchy et al. Springer, Cham, 2017. 571 p.
15. The Method and Culture of Comparative Law. Essays in Honour of M. Van Hoecke / ed. by M. Adams, D. Heirbaut. Hart, Oxford, 2014. 328 p.
16. Valcke C. Comparative Law as Comparative Jurisprudence — The Comparability of Legal Systems / C. Valcke // American Journal of Comparative Law. 2004. № 52. P. 730–731.
17. Wesel U. Geschichte des Rechts in Europa: von den Griechen bis zum Vertrag von Lissabon / U. Wesel. C.H. Beck, München, 2010. 734 p.

References

1. Garcia Garrido M.J. Rimskoe chastnoe pravo: kazusy, iski, instituty' [The Roman Private Law: Exceptional Cases, Claims, Institutions] / M.J. Garcia Garrido; per. s isp.; отв. red. L.L. Kofanov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2005. 812 s.
2. Zhidkov O.A. O sostoyanii i zadachakh nauchny'kh issledovaniy v oblasti vseobschey istorii gosudarstva i prava (1976) [On the State and Tasks of Scientific Research in the World History of State and Law (1976)] // Zhidkov O.A. Izbranny'e trudy'. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2006. S. 24–34.
3. Krashennnikova N.A. K voprosu o metodologii izucheniya istorii prava [On the Law History Research Methodology] / N.A. Krashennnikova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 : Pravo — Bulletin of the Moscow University. Series 11 : Law. 2007. № 6. S. 3–27.
4. Skazkin S.D. Fevdist Erve i ego uchenie o tsenzive [Fevdist Herve and His Censive Doctrine] / Skazkin S.D. // Izbranny'e trudy' po istorii. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 1973. S. 297–315.
5. Sukholinsky P.R. Pravo v dogosudarstvenny'kh sotsialny'kh sistemakh : dis. kand. jurid. nauk [Law in Pre-State Social Systems : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / P.R. Sukholinsky. Moskva — Moscow, 2013. 218 s.
6. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar / отв. ред. А.О. Чубарьян [Theory and Methodology of Historical Science. Dictionary of Terms]. Moskva — Moscow, 2014. 576 s.
7. Tille A.A. Sravnitelny'y metod v yuridicheskikh distsiplinakh. 2-e izd., dop. i ispr. [Comparative Method in Legal Disciplines. 2nd edition, enlarged and revised] / A.A. Tille, G.V. Shvekov. Moskva : Vysshaya shkola — Moscow : Higher School, 1978. 199 s.
8. Zweigert K. Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2 t. [Introduction to Comparative Law in the Private Law Sector. In 2 vol.] / K. Zweigert, H. Kötz; per. s nem. Yu.M. Yumasheva. T. 1. Mezhdunarodny'e otnosheniya — International Relations. Moskva — Moscow, 2000. 480 s.
9. Coing H. Europäisches Privatrecht / H. Coing. Vol. 1. C.H. Beck, München, 1985. 665 s.
10. Ibbetson D. Comparative legal history: A Methodology / D. Ibbetson // Making legal history: approaches and methodologies / ed. by A. Musson, Ch. Stebbings. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. S. 131–145.
11. Methods of Comparative Law / ed. by P.J. Monateri, Elgar, Cheltenham, 2012. 326 s.
12. Ownership Paradigms in American Civil Law Jurisdictions: Manifestations of the Shifts in the Legislation of Louisiana, Chile, and Argentina (16th–20th centuries) / ed. by A. Parise. Brill, Leiden, Boston, 2017. 295 s.
13. Samuel G. An introduction to comparative law theory and method / G. Samuel. Oxford : Hart Publishing, 2014. 210 s.
14. The formation and transmission of Western legal culture: 150 books that made the law in the age of printing / ed. by S. Dauchy et al. Springer, Cham, 2017. 571 s.
15. The Method and Culture of Comparative Law. Essays in Honour of M. Van Hoecke / ed. by M. Adams, D. Heirbaut. Hart, Oxford, 2014. 328 s.
16. Valcke C. Comparative Law as Comparative Jurisprudence — The Comparability of Legal Systems / C. Valcke // American Journal of Comparative Law. 2004. № 52. S. 730–731.
17. Wesel U. Geschichte des Rechts in Europa: von den Griechen bis zum Vertrag von Lissabon / U. Wesel. C.H. Beck. München, 2010. 734 s.

Уголовный кодекс Индии 1860 г.: эволюция понятия и целей наказания

Трикоз Елена Николаевна,

доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения

Московского государственного института

международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел

Российской Федерации (МГИМО МИД России),

доцент кафедры истории права и государства

Российского университета дружбы народов,

кандидат юридических наук, доцент

trikoz_en@pfur.ru

В статье рассматриваются теоретическое понятие и практические цели уголовного наказания в Индии. Анализируется история уголовной политики и правовых теорий о целях наказания в индийских колониях XVIII — XIX вв. Исследованы традиционные нормы о понятии и видах наказаний в индуистском и мусульманском уголовном праве. Отдельно описана Глава III УК Индии 1860 г. «О наказании» и закрепленные в ней виды наказаний и принципы их назначения.

Ключевые слова: *правовая культура, смешанная правовая система, наказание, телеологические теории, цели наказания, система наказаний, смертная казнь.*

The Indian Criminal Code of 1860: Evolution of the Notion and Punishment Purposes

Trikoz Elena N.

Assistant Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law

of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry

of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)

Assistant Professor of the Department of History of Law and State

of the Peoples' Friendship University of Russia

Candidate of Legal Sciences

Assistant Professor

In the article, some theoretical concepts and the practical purposes of criminal penalty in colonial India is considered. The history of criminal policy and theories of punishment purposes analyzed in the Indian colonies of the XVIII–XIX centuries. Traditional norms on a concept and types of penalties in Hindu and Islamic criminal law are investigated. Chapter III of IPC 1860 and the principles of punishments are described separately.

Keywords: *law culture, the mixed law system, punishment, teleologic theories, punishment purposes, the system of punishments, the death penalty.*

Индийское право со своей богатейшей юридической историей и многоликой правовой культурой, где уже более двух столетий сосуществуют две персональные (*personal law systems*) и территориальная правовые системы, тяготеет к блоку стран со смешанной правовой системой. Она по-прежнему позиционируется как дуалистическая англо-индусская правовая культура (*Anglo-Hindu law*)¹.

¹ См.: Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии. Инновационные и традиционные

Яркой иллюстрацией этого «микстового» правового пространства является разработанный британскими колониальными чиновниками Уголовный кодекс Индии 1860 г.² В свое время он был долгожданным результатом культурно-

черты. М., 2009 ; Трикоз Е.Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4(32). С. 91–98.

² Central Act XLV (Indian Penal Code) of 1860 // The Acts of the Legislative Council of India of 1861, with an

исторического процесса кодификации, которая именно в Индии впервые увенчалась успехом³. Здесь нашли отражение два параллельных процесса: качественное упорядочивание нормативного материала (систематизации колониального уголовного права) и коренная переработка смежных правовых норм, действовавших в полufeодальных индийских княжествах (обновление местного и модернизация традиционного уголовного права). Эта национально-государственная кодификация смогла зафиксировать общие принципы и институты англосаксонской правовой семьи, позволив при этом сохранить ряд элементов и конструкций религиозно-традиционного права, бытовавшего здесь задолго до прихода англичан: индуское (классическое индуистское) право в сочетании с шариатом (мусульманское право)⁴.

В структуре и содержании ее Уголовного кодекса 1860 г. ярко отразилось своеобразие смешанной правовой юрисдикции. Речь идет о «вертикальной композиции права» с ее отраслевым характером, о специализации норм материального и процессуального права в различных кодексах и др. Большинство принятых в Индии во второй половине XIX в. отраслевых кодексов были построены по пандектной модели с делением на Общую и Особенную части. И здесь особого внимания заслуживает Глава III «О наказании» (ст. 53–75), специально выделенная в Общей части УК 1860 г. Ее появление было политически обусловлено в условиях регулярных колониальных бунтов, необузданной преступности местных жителей и коррупции колониальных служащих.

В англо-американской правовой доктрине, оказавшей системообразующее влияние на институт наказания в Индии, утверждается, что наказание до сих пор остается «столовым существом со многими лицами и немногими постоянными именами»⁵. Мы исходим из следующей дефиниции, которая законодательно закрепляется в законодательстве и уголовно-правовой теории: *наказание* — это наиболее строгая мера государственного принуждения, имеющая целью лишение или ограничение отдельных прав, свобод и интересов виновного⁶.

Через всю историю уголовно-правовой модели Индии с ее смешанной (плюралистической) традицией проходят красной нитью две самостоятельные проблемы: 1) определение смысла существования и целей института наказания, и 2) уточнение системы (лестницы видов) и принципов назначения наказаний. Первая проблема непосредственно связана с определением дефиниции в уголовно-правовой доктрине и теоретическим осмыслением предназначения наказания и его целей. А вторая проблема — сугубо практическая, так как индийское государство в лице правоприменительных органов ставит актуальные задачи уголовно-пенитенциарной политики, пытаясь их решить посредством эффективной практики назначения и исполнения различных видов наказания⁷. Менявшаяся на протяжении всей истории уголовного права иерархия целей наказания зависела от того, к какой уголовно-правовой системе принадлежит государство (репрессивной, карательной или гуманистической)⁸.

Понятие и цели наказания в Индии в колониальный период определяли основные направления уголовной политики. Они выступали как бы символом (олицетворением) антикриминальной стратегии в этой беспокойной и этнически пестрой стране. Отдельные пенологические тактики в индийских колониях — в бытность их как полufeодальных княжеств, а затем президентств, развивались постепенно и противоречиво, сложившись в итоге в общеиндийскую уголовно-правовую политику. Последняя в свою очередь выработала компромиссную трактовку «целей наказания» и приоритет применения конкретных его видов в тот или иной исторический период, с учетом криминогенной обстановки и господствующих форм преступности. В этом смысле эффективность пенологических тактик (или практики назначения и исполнения наказаний) в Индии зависела прежде всего от правильного определения текущих задач наказания, с учетом факторов времени и места. Именно это становилось важнейшим условием обеспечения результативности уголовно-правового регулирования, успешности кодификации и эффективности применения норм о наказаниях в Индии.

Но в конце XVIII — середине XIX в. здесь был значительный разрыв между уголовным законодательством «на бумаге» и преступностью индусов «на больших дорогах», в реальной жизни. Исследователь этого феномена колониальной преступности и правосудия Э. Колски называет индийские колонии «местом беззакон-

Analytical Abstract Prefixed to Each Act. Vol. 5. Calcutta, 1862. P. 129–266.

³ Подробнее см.: Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4.

⁴ Ghosh P.S. Politics of Personal Law in India: The Hindu-Muslim Dichotomy // South Asia Research. 2009. Vol. 29 (1). P. 1–17.

⁵ Contemporary punishment / ed. by R. Gerber, P. McAnamy. Milwaukee: University of Notre Dame Press, 1972. P. 231.

⁶ Додонов В.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. С. 260.

⁷ Garland D. Punishment and Modern Society: a Study in Social Theory. Oxford, 1990. P. 17.

⁸ Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Изд-во «Международные отношения», 2002. С. 152.

ния в самом центре мировой юриспруденции»⁹. Другой исследователь, Т.С. Шерман, призывает отказаться от стереотипа о том, что в колониальной Индии «уголовные тактики на местах разрушили изначальный единый правопорядок, который якобы здесь существовал». Напротив, автор утверждает, что в Индии времен английского господства нельзя слепо применять сугубо англосаксонскую концепцию «верховенства права» (англ. *rule of law*, или «правление закона») ¹⁰, так как «колония — это всегда такое место, где живет насилие само по себе», где оно генетически «встроено во все структуры и институты» ¹¹. Такая конфликтогенная обстановка предполагала не только масштабную преступность колониальных жителей, но также встречное государственное насилие, проявившееся в форме репрессивной уголовной политики и пенитенциарных практик местной администрации.

В британской Индии сложилась жестокая конфронтация между «колониальным государством» в лице служащих Ост-Индской торговой компании и английских чиновников, и местным населением (индусами и мусульманами, а также белыми переселенцами). Это вынуждало выработать целый спектр методов колониального принуждения и способов государственного насилия, с помощью которых индийцам навязывали практику судебного наказания и уголовного принуждения, вкладывая в них собственный смысл и предназначение политической и экономической направленности. Такие цели с очевидностью преследовали не известные ранее индусам наказания в виде каторжных работ, ссылки и коллективных штрафов. Следует признать, что, начиная с введения в общеобязательную силу двух кодексов — уголовного и уголовно-процессуального в 1862 г., колониальное государство в Индии постепенно уменьшало свои амбиции по бесконтрольному принуждению и доминированию над местным населением. Так, по мнению Т.С. Шермана ¹², введение в действие УК Индии 1860 г. лишь формально заставило колониальное правительство свести к минимуму произвольные насильственные тактики, а на деле продолжалась регулярная практика нелегальных разгонов мирной толпы полицейскими дубинками, сборищ национал-патриотов и членов криминальных каст, с молчаливой санкции

их внесудбных заточений. В целом, для Индии XIX века характерно разнообразие уголовно-пенитенциарной тактики (*diversity of penal tactics*): рядом с традиционным тюремным заключением сложился целый комплекс уголовных мер, основанных на применении физического насилия от имени государства, и к тому же по дискриминационным основаниям — в силу принадлежности наказуемого к определенному сословию, религии, расе, касте.

В другом исследовании колониальной практики наказаний в Индии утверждается, что их нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от более широкого контекста социально-экономических, административно-политических и культурно-исторических событий. Практика наказаний здесь выступала как составная часть более крупной матрицы (режима) колониального принуждения и поэтому была встроена в деформированную систему уголовного правосудия и политическую тюремную сеть ¹³. Данный вывод весьма созвучен работам советских авторов-криминологов, которые также рассматривали сущность наказания колониального периода ¹⁴. Встречаем похожее утверждение в комментариях к УК Индии 1860 г. профессора Б.С. Никифорова, который пишет, что «веления и запреты Уголовного кодекса, содержащиеся в нем нормы об ответственности за преступления, направленные против государства, общественного спокойствия власти, должностных лиц, правосудия, собственности и т.д., были призваны охранять в первую очередь интересы колонизаторов» ¹⁵.

Нам сложно однозначно согласиться с такой апологетикой, и в целях объективности мы полагаем более верным утверждать, что в колониальный период институт наказания создавался на встречном движении британской уголовно-правовой мысли и колониальной политики борьбы с местной преступностью. А с другой стороны, развивалась традиционная практика применения санкций к членам религиозных общин индусов и мусульман в полуфеодалных индийских княжествах на основе персонального уголовного права (*pre-colonial personal law systems*) ¹⁶.

Подтверждением этому тезису служит то, что назначенная британским парламентом в 1835 г. специальная Комиссия по кодификации

⁹ Kolsky E. Colonial Justice in British India: White Violence and the Rule of Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 35.

¹⁰ См.: Hussain N. The Jurisprudence of Emergency: Colonialism and the Rule of Law. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.

¹¹ Sherman T.C. State violence and punishment in India. Routledge, London : Royal Asiatic Society books, 2009. 246 p.

¹² См.: Sherman T.C. State violence and punishment in India. Routledge, London: Royal Asiatic Society books, 2009.

¹³ Anderson C. The Indian Uprising of 1857–58: Prisons, Prisoners and Rebellion...

¹⁴ См.: Пионтковский А.А. Карательная политика английского империализма в Британской Индии. М., 1934.

¹⁵ Уголовный кодекс Индии / пер. с англ.; под ред. Б.С. Никифорова. М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 6.

¹⁶ Gilmartin D. Customary Law and Shariat in British Punjab // Shariat and Ambiguity in South Asian Islam / ed. by P.E. Katherine. Berkeley : University of California Press, 1988. P. 43–62.

уголовного права в Калькутте, в ходе разработки УК Индии задалась целью изучить все местные обычаи и толкования в сфере наказаний, традиционные подходы к пониманию и целям наказания. Ведь придворные правоведа и чиновники раджей в отдельных президентствах Индии имели собственные взгляды на сущность и функции наказаний. Их уголовно-пенитенциарная политика и практика государственного наказания развивалась под значительным влиянием философско-религиозных, этнолингвистических, кастово-племенных и иных общекультурных факторов¹⁷. Поэтому в колониальный период стало проявляться несоответствие заявленной пенологической стратегии британской администрации тем конкретным практикам наказания, которые укоренились на местах за предшествующие годы противодействия преступности и социальным бунтам¹⁸.

В результате такой противоречивой законодательной и правоприменительной практики в Индии сложились две «пенологические модели», основанные на различных подходах к определению и целям наказания. Сначала господствовал эсхатологический подход к преступнику, который заслуживал с этой точки зрения неминуемой смертной казни или пожизненного каторжного труда. Как следствие, доминировала карательная модель уголовной политики, сопровождавшаяся внеправовыми (внесудебными) методами и локальным нормотворчеством индийских раджей, чиновников короны и судов Ост-Индской компании¹⁹.

На текущую практику наказаний и борьбу с преступностью в индийских княжествах оказывали сильное влияние внутренние индо-мусульманские противоречия, культурно-религиозная и расово-этническая пестрота, многочисленность, нищета и необразованность местного населения. Это означало, что первое время местные жители были не готовы воспринимать пенологическую философию Британской империи и прогрессивные нормативные теории наказания. Чиновники на местах в условиях «княжеской автономии» и традиционного кастизма действовали спонтанно и внесудебными методами, прибегая к архаичной системе наказаний, сложившейся еще в древний период. В религиозно-традиционной общине индусов и буддистов сложился морально-этический дискурс по поводу сущности и целей наказания. Применение насильственного наказания не считалось

негативным последствием для кармы человека, так как мотивация наказания — это сострадание, которое является основным элементом буддийской этики²⁰.

Поиск более эффективной пенологической практики и снижение криминогенной обстановки в Индии стали особенно востребованы в колониальный период. Постепенно на смену карательной модели наказаний в системе «косвенного управления» британцев пришла новая модель — прямое принудительное введение английских пенитенциарных статутов, которые впитали в себя утилитаристскую доктрину наказания. Странники теорий «гуманного наказания» объявляли его целью уже не столько кару за преступление и удовлетворение интересов правосудия, сколько предупреждение (превенцию) преступности.

Так, по мнению видного философа-утилитариста Дж. Бентама, теоретически обосновавшего кодификацию права в Индии, наказание не должно быть неэффективным (не способным предотвратить вред от преступления), ненужным (когда предотвращение вреда возможно не репрессивным, а более мягким и дешевым путем), либо неприбыльным/слишком дорогим (т.е. дороже причиненного преступлением вреда)²¹.

Один из его последователей, видный либерал и государствовед Томас Бебингтон Маколей отправился в британскую Индию, чтобы на практике попытаться реализовать этот утилитаристский подход к наказанию, воплотив в жизнь свой проект кодификации в этой колонии. Находясь в Калькутте в должности юридического советника генерал-губернатора У. Бентинка, он возглавил Правовую комиссию по кодификации. В Общей части УК Индии появилась оригинальная конструкция института наказания, а в качестве главной его цели была определена «общая превенция» (*general prevention*, или *deterrence*). Также Т.Б. Маколей настоял, чтобы в качестве производной цели наказания была использована «частная превенция» (индивидуальное предупреждение преступного поведения в будущем). Она могла быть достигнута, по его мнению, посредством физической изоляции виновного и его исправления в пенитенциарных учреждениях (морально-нравственного перевоспитания).

Однако после введения обновленной версии УК Индии в 1862 г. институт наказания в его практической реализации сильно преобразился. Здесь оказало свое влияние общенациональное широкомасштабное восстание сипаев, а также разрастание преступности профессио-

¹⁷ Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М.: Изд-во «Норма», 2009. С. 13–14.

¹⁸ Singha R. "A Despotism of Law": British Criminal Justice and Public Authority in North India // Univ. of Cambridge Ph.D. thesis, 1990.

¹⁹ См.: Sinha N. Mobility, Control and Criminality in Early Colonial India, 1760–1850s // Indian Economic Social History Review. 2008. Vol. 45.

²⁰ Zimmermann M. On Power and Punishment: Buddhism and Statecraft in Ancient India // Homo Oeconomicus. 2008. № 25(2). P. 225–244.

²¹ Избранные сочинения Иеремии Бентама. Том 1. Введение в основания нравственности и законодательства / пер. с англ. СПб., 1867. С. 546–550.

нальных разбойников (*тугов* и *дакоитов*), связанной с человеческими жертвоприношениями и массовыми грабежами²². В этот период с точки зрения структуры и динамики преступности Индии можно говорить о таких наиболее опасных ее видах, как организованная (религиозно-сектантские группировки), коррупционная (беловоротничковая) и государственная преступность²³. Под формат последней подпадали частые антиколониальные мятежи и восстания, которые периодически возникали, как уже вышеописанное восстание сипаев, и подавлялись с помощью жесточайших репрессий²⁴.

Поэтому снова возобладали карательно-репрессивные функции наказания. Они стали превалять над другими целями уголовной политики, распространился т.н. «белый террор» против народных масс и политических оппонентов, выступавших за кастовое равноправие, религиозную терпимость и политическую независимость индийских колоний²⁵. «Смертная казнь, пожизненная высылка на отдаленные острова Андамана и Никабара, долгосрочная каторга — постоянно применялись против участников национально-освободительного движения»²⁶.

²² Brown M. Crime, Governance and the Company Raj. The Discovery of Thuggee // *The British Journal of Criminology*. 2002. Vol. 42(1). P. 77–95.

²³ Dube S., Anupama R. Crime through Time. Delhi: Oxford University Press, 2013. P. 10–15.

²⁴ Трикоз Е.Н., Швец А.А. Уголовная политика в Британской Индии накануне кодификации уголовного права (кон. XVIII — сер. XIX вв.) // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Краснодарский университет МВД России, 12 мая 2017 г.). Краснодар, 2017. С. 125–131.

²⁵ Brown M. Race, science and the construction of native criminality in colonial India // *Theoretical criminology*. 2001. Vol. 5(3). P. 345–368.

²⁶ Умралкар П.Б. Современное уголовное право Индии (Основные институты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975. С. 5.

Таким образом, несмотря на предпринятые ранее Т.Б. Маколеем либеральные попытки ограничить только рамками УК Индии преследование традиционных индийских общин, народностей и религиозных сект, уголовная политика развивалась в другом направлении. К тому же в 1871 г. был принят специальный «Закон о преследовании преступных каст» (*Criminals Tribes Act*), в котором к их числу были причислены такие сообщества, члены которых «систематически участвовали в совершении преступлений»²⁷. В число т.н. «преступных общин» вошли религиозные группировки *тугов* и даже отдельные народности (например, община *белуджей*). Согласно этому дискриминационному уголовному закону, любой мужчина из «преступной касты», даже если он лично не совершал преступления, привлекается по принципу коллективной ответственности и объективного вменения к ограничительному наказанию (полицейский надзор и лишение свободы передвижения по стране).

Господствовавшая длительный период превентивно-репрессивная пенологическая концепция была заменена после обретения политической независимости и суверенности Индии к середине XX века. Изменились взгляды на сущность наказания и цели антикриминальной политики. Снова возродился интерес к утилитарной теории превенции, закрепленной в авторской трактовке Т.Б. Маколея в УК Индии, но в постколониальный период она возродилась в обновленной форме — как концепция индивидуального реформирования (ресоциализации) преступника²⁸.

²⁷ Radhakrishna M. Surveillance and Settlements under the Criminal Tribes Act in Madras // *Indian Economic and Social History Review*. 1992. Vol. XIX; Nigam S. A Social History of a Colonial Stereotype: The Criminal Tribes and Castes of Uttar Pradesh, 1871–1930 / School of Oriental and African Studies, University of London, Ph.D. thesis, 1987.

²⁸ Додонов В.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. С. 261.

Литература

1. Додонов В.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть / В.Н. Додонов. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. 446 с.
2. Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии. Инновационные и традиционные черты / Н.А. Крашенинникова. М., 2009. 304 с.
3. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А.А. Малиновский. М.: Изд-во «Международные отношения», 2002. 371 с.
4. Пионтковский А.А. Карательная политика английского империализма в Британской Индии / А.А. Пионтковский. М., 1934. 178 с.
5. Трикоз Е.Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе / Е.Н. Трикоз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4(32). С. 91–98.
6. Трикоз Е.Н. Уголовная политика в Британской Индии накануне кодификации уголовного права (кон. XVIII — сер. XIX вв.) / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2017. С. 125–131.

7. Уголовный кодекс Индии / пер. с англ.; под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. 240 с.
8. Умралкар П.Б. Современное уголовное право Индии (Основные институты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Б. Умралкар. М., 1975. 15 с.
9. Anupama Sh. Fines as a Punishment in Indian Penal Code, 1860 / Sh. Anupama // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2016. Vol. 32 (3). P. 243–263.
10. Brown M. Crime, Governance and the Company Raj. The Discovery of Thuggee / M. Brown // *The British Journal of Criminology*. 2002. Vol. 42(1). P. 77–95.
11. Brown M. Race, science and the construction of native criminality in colonial India / M. Brown // *Theoretical criminology*. 2001. Vol. 5(3). P. 345–368.
12. Central Act XLV (Indian Penal Code) of 1860 // *The Acts of the Legislative Council of India of 1861, with an Analytical Abstract Prefixed to Each Act*. Vol. 5. Calcutta, 1862. P. 129–266.
13. Chakrabarty D. Postcoloniality and the Artifice of History: Who Speaks for “Indian” Pasts? / D. Chakrabarty // *Representations*. 1992. № 37(1). P. 1–26.
14. *Contemporary punishment* / ed. by R. Gerber, P. McAnamy. Milwaukee : University of Notre Dame Press, 1972. 231 с.
15. De Rohit. Rebellion, Dacoity, and Equality: The Emergence of the Constitutional Field in Postcolonial India / De Rohit // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2014. Vol. 34(2). P. 260–278.
16. Dube S., Anupama R. *Crime through Time* / S. Dube, R. Anupama. Delhi : Oxford University Press, 2013. P. 10–15.
17. Garland D. *Punishment and Modern Society: a Study in Social Theory* / D. Garland. Oxford, 1990. 312 с.
18. Ghosh P.S. Politics of Personal Law in India: The Hindu-Muslim Dichotomy / P.S. Ghosh // *South Asia Research*. 2009. Vol. 29 (1). P. 1–17.
19. Gilmartin D. Customary Law and Shariat in British Punjab // *Shariat and Ambiguity in South Asian Islam* / Gilmartin D.; ed. by P.E. Katherine. Berkeley : University of California Press, 1988. P. 43–62.
20. Hussain N. *The Jurisprudence of Emergency: Colonialism and the Rule of Law* / N. Hussain. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2003.
21. Kolsky E. *Colonial Justice in British India: White Violence and the Rule of Law* / E. Kolsky. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
22. Radhakrishna M. Surveillance and Settlements under the Criminal Tribes Act in Madras / M. Radhakrishna // *Indian Economic and Social History Review*. 1992. Vol. XIX.
23. Nigam S. A Social History of a Colonial Stereotype: The Criminal Tribes and Castes of Uttar Pradesh, 1871–1930 / S. Nigam. School of Oriental and African Studies, University of London, Ph.D. thesis, 1987.
24. Sherman T.C. *State violence and punishment in India* / T.C. Sherman. Routledge, London : Royal Asiatic Society books, 2009.
25. Singha R. “A Despotism of Law”: British Criminal Justice and Public Authority in North India / R. Singha Univ. of Cambridge Ph.D. thesis, 1990.
26. Sinha N. Mobility, Control and Criminality in Early Colonial India, 1760–1850s / N. Sinha // *Indian Economic Social History Review*. 2008. Vol. 45.
27. Zimmermann M. On Power and Punishment: Buddhism and Statecraft in Ancient India / M. Zimmermann // *Homo Oeconomicus*. 2008. № 25(2). P. 225–244.

References

1. Dodonov V.N. *Sravnitelnoe pravovedenie. Obschaya chast* [Comparative Law. General Part] / V.N. Dodonov. Moskva : Izd-vo «Yurlitinform» — Moscow : Yurlitinform publishing house, 2010. 446 s.
2. Krasheninnikova N.A. *Pravovaya kultura sovremennoy Indii. Innovatsionny'e i traditsionny'e cherty* [Legal Culture of Modern India. Innovative and Traditional Aspects] / N.A. Krasheninnikova. Moskva — Moscow, 2009. 304 s.
3. Malinovsky A.A. *Sravnitelnoe pravovedenie v sfere ugovnogo prava* [Comparative Law in the Criminal Law Sector] / A.A. Malinovsky. Moskva : Izd-vo «Mezhdunarodny'e otnosheniya» — Moscow : International Relations publishing house, 2002. 371 s.
4. Piontkovsky A.A. *Karatelnaya politika angliyskogo imperializma v Britanskoy Indii* [Penal Policy of English Imperialism in the British India] / A.A. Piontkovsky. Moskva — Moscow, 1934. 178 s.
5. Trikoz E.N. *Gibridny'e pravovy'e sistemy' i ikh mesto v smeshannom pravovom semeystve* [Hybrid Legal Systems and Their Role in the Mixed Legal Family] / E.N. Trikoz // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) — Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2017. № 4(32). S. 91–98.

6. Trikoz E.N. Ugolovnaya politika v Britanskoy Indii nakanune kodifikatsii ugovnogo prava (kon. XVIII. ser. XIX vv.) [Criminal Policy in the British India on the Eve of the Criminal Law Codification (The Late XVIII to the Middle of the XIX Century)] / E.N. Trikoz, A.A. Shvets // *Pravo, gosudarstvo i ekonomika: problemy' teorii, istorii i praktiki : materialy' Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii — Law, State and Economy: Issues of Theory, History and Practice : Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Krasnodar, 2017. S. 125–131.
7. Ugolovny'y kodeks Indii / per. s angl.; pod red. i s predisl. B.S. Nikiforova [The Indian Criminal Code / translation from English]. Moskva : Izd-vo inostrannoy literatury' — Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1958. 240 s.
8. Umralkar P.B. Sovremennoe ugovnoe pravo Indii (Osnovny'e instituty') : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal Law of the Modern India (Key Institutions) : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / P.B. Umralkar. Moskva — Moscow, 1975. 15 s.
9. Anupama Sh. Fines as a Punishment in Indian Penal Code, 1860 / Sh. Anupama // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2016. Vol. 32 (3). S. 243–263.
10. Brown M. Crime, Governance and the Company Raj. The Discovery of Thuggee / M. Brown // *The British Journal of Criminology*. 2002. Vol. 42(1). S. 77–95.
11. Brown M. Race, science and the construction of native criminality in colonial India / M. Brown // *Theoretical criminology*. 2001. Vol. 5(3). S. 345–368.
12. Central Act XLV (Indian Penal Code) of 1860 // *The Acts of the Legislative Council of India of 1861, with an Analytical Abstract Prefixed to Each Act*. Vol. 5. Calcutta, 1862. S. 129–266.
13. Chakrabarty D. Postcoloniality and the Artifice of History: Who Speaks for “Indian” Pasts? / D. Chakrabarty // *Representations*. 1992. № 37(1). S. 1–26.
14. Contemporary punishment / ed. by R. Gerber, P. McAnamy. Milwaukee: University of Notre Dame Press, 1972. 231 s.
15. De Rohit. Rebellion, Dacoity, and Equality: The Emergence of the Constitutional Field in Postcolonial India / De Rohit // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2014. Vol. 34(2). S. 260–278.
16. Dube S., Anupama R. Crime through Time / S. Dube, R. Anupama. Delhi : Oxford University Press, 2013. S. 10–15.
17. Garland D. Punishment and Modern Society: a Study in Social Theory / D. Garland. Oxford, 1990. 312 s.
18. Ghosh P.S. Politics of Personal Law in India: The Hindu-Muslim Dichotomy / P.S. Ghosh // *South Asia Research*. 2009. Vol. 29 (1). S. 1–17.
19. Gilmartin D. Customary Law and Shariat in British Punjab // *Shariat and Ambiguity in South Asian Islam* / Gilmartin D.; ed. by P.E. Katherine. Berkeley : University of California Press, 1988. S. 43–62.
20. Hussain N. The Jurisprudence of Emergency: Colonialism and the Rule of Law / N. Hussain. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2003.
21. Kolsky E. Colonial Justice in British India: White Violence and the Rule of Law / E. Kolsky. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
22. Radhakrishna M. Surveillance and Settlements under the Criminal Tribes Act in Madras / M. Radhakrishna // *Indian Economic and Social History Review*. 1992. Vol. XIX.
23. Nigam S. A Social History of a Colonial Stereotype: The Criminal Tribes and Castes of Uttar Pradesh, 1871–1930 / S. Nigam. School of Oriental and African Studies, University of London, Ph.D. thesis, 1987.
24. Sherman T.C. State violence and punishment in India / T.C. Sherman. Routledge, London : Royal Asiatic Society books, 2009.
25. Singha R. “A Despotism of Law”: British Criminal Justice and Public Authority in North India / R. Singha Univ. of Cambridge Ph.D. thesis, 1990.
26. Sinha N. Mobility, Control and Criminality in Early Colonial India, 1760–1850s / N. Sinha // *Indian Economic Social History Review*. 2008. Vol. 45.
27. Zimmermann M. On Power and Punishment: Buddhism and Statecraft in Ancient India / M. Zimmermann // *Homo Oeconomicus*. 2008. № 25(2). S. 225–244.

Правовое регулирование производства пива как фактор развития межрегиональных отношений на территории Германии

Зорилэ Дорина Валентиновна,

доцент Юридического отделения Института экономики и менеджмента
Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева,
кандидат юридических наук, доцент
sorina.dosha.2014@yandex.ru

В статье на основе метода историзма и формально-юридического метода анализируется эволюция правового регулирования производства, оборота и налогообложения пива. Это было существенным элементом налоговых систем германских государств. Главное внимание уделено роли налога на пиво в интеграционных процессах на территории Германской империи вплоть до XIX века. Анализируются особый путь экономического развития южногерманских территорий и специфические подходы к налогообложению пива.

Ключевые слова: налог на пиво, налоги на потребление, Германский таможенный союз, налогообложение, налоговое право, германское право.

Legal Regulation of Brewing as a Factor of Interregional Relation Development in the German Territory

Zorile Dorina V.

Assistant Professor of the Legal Department of the Institute of Economy and Management
of the Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

In the article on the basis of a method of historicism and a legalistic method evolution of legal regulation of production, a turn and the taxation of beer is analyzed. It was an essential element of tax systems of the German states. The main attention is paid to the tax on beer in integration processes of the German Empire up to the 19th century. The special way of economic development of the South German territories and specific approaches to the taxation of beer is analyzed.

Keywords: tax on beer, taxes on consumption, German Customs Union, taxation, tax law, German law system.

Со времен Средневековья различия экономического уклада и темпов экономического развития в Центральной, Северной, Восточной Германии обусловили различия финансовых систем отдельных территорий. В землях Германии сохранялись исторически сложившиеся финансовые системы, которые принято условно делить на две группы: система налогообложения личных доходов (*allgemeine Personal- und Einkommensteuersystem*), развивавшаяся в основном к северу от Майна, и система налогообложения прибыли (*Ertragsteuersystem*), характерная в основном для южной части страны. Особенности налогообложения отдельных территорий Германии сопровождались складыванием особого регулирования налога на пиво в отдельных регионах Германии. Особое значение пивоварения в экономике отдельных территорий нашло свое отражение в особых нор-

мах, регулирующих его производство, оборот и режим налогообложения. Введение налога на пиво на отдельных территориях происходило в Германии на протяжении XV и XVI веков, в то время как во Франции и Англии — лишь в XVII веке. Пивной налог как наиболее ранний налог на потребление (*Verbrauchsguter*) взимался в средневековых городах Германии под различными наименованиями (*Bierungeld*, *Bierziese*, пивной фенниг (*Bierpfennig*), налог на напитки (*Trankgeld*), налог на питейные заведения (*Schank- oder Malzaufschlag*); он взимался и в качестве налога на торговлю, производство, на сырьевые товары (*Handels-Produktions-Gerate- oder Rohstoffsteuer*)¹.

¹ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena. 1909. С. 1038–1082, 1059.

Первый введенный на всей территории Баварии налог на пиво обнаруживается одновременно и в Бранденбурге к концу XV века. В обоих случаях он стал результатом трудной борьбы ландфюрстов (*Landesfürsten*) с длительным сопротивлением «земства» (*Landschaft*). Ставший с XV века важной составной частью налогообложения земель, этот налог регулировался в Баварии соответствующими актами 1543, 1572, 1751 годов. Законодательство постоянно менялось, при этом из-за слабо развитой, несовершенной налоговой техники оно не решало свои задачи, и этому полностью изжившему себя положению можно было положить конец только радикальной реформой всего налогообложения пивоваренной отрасли. Это произошло на усовершенствованной законодательной базе в XIX веке с введением так называемого «Мандата» 1806 года, который с распространением на все королевство (за некоторыми исключениями) ввел налог на солод (*Malzmausteuer*), и стал основой для действующего в настоящее время законодательства (*Malzaufschlaggesetzgebung*). После различных изменений на протяжении нескольких десятилетий на основе Закона 31.X.1879 произошло повышение налога с 4 до 6 М — сначала он многократно устанавливался на 2 года, пока наконец не был установлен на постоянной основе новеллой 8.XII.1889, которая одновременно закрепила шкалу налогообложения (*Steuerstaffelungen*)². Мировая слава баварского пива имеет под собой существенную регулятивную основу — законодательно закрепленное требование о чистоте производства пива (*Reinheitsgebot*), которое действовало с 1516 года, а в Нижней Баварии (*Niederbayern*) уже с 1493 года. В соответствии с ним было запрещено использование иных ингредиентов, кроме злакового сусла, хмеля, дрожжей и воды. Это требование сохранилось в Баварии и в XX веке, для так называемого пива низового брожения (*untergärige*), для которого могло применяться только ячменное сусло (*Gerstenmalz*), в то время как в пиво верхового брожения (*obergärige*) допускалось добавление сусла других злаков³.

«Начало налогообложения пива в Вюртемберге прослеживается лишь с XVI века как составная часть возникших в XIV веке налогов на питейное заведение (*Schanksteuern*). После различных неудачных изменений законодательства (в частности, 01.01.1827) с прежним положением было покончено путем введения налогообложения солода по образцу Баварии. Основа современной формы налога на пиво была заложена в Законе о налогообложении хозяйственной деятельности (*Wirtschaftsabgabengesetz v. 09.07.1827*). В 1856 году налог на солод был выделен из Закона о налогообложении хозяйствен-

ной деятельности, которым он охватывался ранее, и был урегулирован отдельным законом от 08.07.1856, чья редакция в основных положениях с тех пор осталась неизменной⁴. Этим законом был также введен запрет на использование суррогатов⁵.

«В Бадене история налогообложения пива интересна тем фактом, что выделившись изначально из налогов на сырье, он снова вернулся к таковому. Он был впервые введен в 1812 году в рамках акцизного законодательства земельно-го уровня (*Accis-und Ohm geldgründung*)⁶ в виде налога на сусло (*Malzmassteuer*). Однако его техническая организация еще не была удовлетворительной: он взимался в зависимости от объема (*Rauminhalte*) пивного котла и назывался налогом на котел (*Kesselsteuer*). Введенный затем пивной акциз (*Bieraccise*) сохранялся длительное время (в редакции 01.01.1845.), несмотря на то, что с самого начала также вызывал многочисленные нарекания⁷. В 1880 году в Баварии, Вюртемберге и в Бадене в результате резкого повышения налога (на 50%) возникло активное движение за системное изменение формы налогообложения. После неудачной попытки 01.01.1883 эти усилия привели наконец к принятию Закона от 30.04.1896, ставшего основой вступившего в силу 01.01.1897 современного налога на сусло (*Braumalzsteuer*), который включал в налогообложение пива все виды суррогатов солода. Новеллой 01.04.1904 была изменена тарифная шкала. Сконструированный по примеру Баварии и Вюртемберга, он взимался в зависимости от веса перерабатываемого солода (*Braumalzes*). Солодом считались все искусственно пророщенные (*zum Keimen gebrachte*) злаки⁸. Таким образом произошла территориальная «конституционализация» налогообложения пива и его органичное включение в государственную налоговую систему, формирование его основных черт, задавших направление его развития в Новое время.

Развитие техники пивного налога и практики его применения на протяжении XIX века во всех землях привело к формированию современного законодательства; это затронуло главным образом формы взимания налога и правоприменительную практику⁹. С целью сохранения конку-

² Ibid.

³ Dr. H. Zacher. Der Kampf um das reine Bier. Bayerische Staatszeitung. Nr. 16. 16. April 1955. С. 2.

⁴ Новеллы касались лишь шкалы тарифных ставок (1871, 1875, 1879, 1893, 8.7.1893 и 5.7.1895, 4.7.1900).

⁵ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1038–1082, 1062.

⁶ Ohm — старая немецкая мера жидкостей, равная 130–160 л. — Большой немецко-русский словарь / сост. О.И. Москальская и др.: в 2 томах. Том 2. М., 1980. С. 168.

⁷ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1063–1064.

⁸ Ibid.

⁹ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1038–1082, 1046.

рентоспособности с баварским пивом Баден и Вюртемберг на рубеже XIX и XI веков тоже законодательно закрепили абсолютное требование о чистоте производимого на своих территориях пива (*Reinheitsgebot*)¹⁰. «Исторически еще более укреплявшаяся эффективность, прибыльность налога на пиво создавала подходящий масштаб для его принципиального обоснования, и с подъемом пивоварения и всеобщего распространения потребления пива в Новое время возросли поступления от налогообложения пива, что придало этому налогу дополнительное значение. В государственных налоговых поступлениях налог на пиво во многих землях приобрел существенную и растущую роль. «В Баварии, например, все обслуживание государственно-го долга (*Staatsschuldenverwaltung*) основано на поступлениях от налогообложения пива, которые превышают регулярные поступления от так называемых прямых налогов. Правда, и потребление пива здесь тоже чрезвычайно высоко»¹¹.

Местом происхождения действующего в северогерманской, а затем в имперской области (*Reichs-oder norddeutsche Steuergelände*) единого налога на пивоварение (*Reichsbrausteuern*) являлась Пруссия. Введенный Законом 02.11.1819 прусский налог на солод (*Braumalzsteuer*) начал исчисляться не как прежде в зависимости от объема (*Mass*), а по весу. В нем был впервые реализован отраженный ранее в актах («эдиктах») от 27 и 28 октября принцип равномерности (*Gleichmassigkeit*) налогообложения на всей территории государства: переход государству прежде в основном сословных (*standischen*) пивных акцизов (*Bierzieseln*) взамен на компенсационные выплаты местным бюджетам из государственной казны способствовал выравниванию положения города и деревни в области промыслов и налогообложения. Таким образом, особенно благодаря устранению регалий в виде права на содержание пивоварен и мельниц (*Bannrechte*), была создана почва для современного косвенного налогообложения, включая налог на пиво. Таким образом было окончательно покончено с сохранившимся от прежнего раздробленного государства (*Territorialstaat*) налоговым режимом, который по способу налогообложения пива восходил еще к XV веку и сопровождался сложными отношениями с земскими представительствами¹².

Происходящее в период с 1830 до 1870 годов преобразование прусской области налога на пивоварение (*Brausteuergelände*) в имперскую (ра-

нее Северогерманскую — *Norddeutschen*) область, называемую ныне областью налога на пивоварение („*Brausteuergelände*“), протекала поначалу довольно сходно с фазами развития Германского таможенного союза (*dt Zollvereins*). До 01.01.1867 область Северогерманского союза (*Norddeutsche Bund*), внутри которой наблюдались лишь незначительные территориальные модификации налога, создала основу для единогообразного налогообложения пива. Определенную роль в гармонизации налогообложения на начальных этапах складывания единой финансовой системы империи играли особые соглашения с южногерманскими государствами, положившие начало их обособленному положению в рамках Германской империи¹³. В созданный в 1833 году Таможенный союз (*Deutsche Zollverein*) вошли 18 крупных государств Северной Германии с общей численностью населения 23 млн человек¹⁴. Уже в первом германском Договоре о таможенном союзе (*Zollvereinsvertrag*) 22.03.1833 (ст. 11) отражено то же намерение и почти в той же текстовой редакции, что впоследствии вошло в ст. 35 Конституции Германской империи 1871 года: имперские земли (*Bundesstaaten*) «нацелят свои устремления на то, чтобы обеспечить согласование законодательства по налогообложению этих объектов» (спиртных напитков и пива. — *Прим. авт.*)¹⁵. «На основе конституции Северогерманского союза v. 26.07.1867 налог на пивоварение (*Braumalzsteuer*) был распространен на расположенную внутри таможенной линии (*Zolllinie*) федеральную область, и сам налог стал общегерманским налогом. Введения особого универсального, повсеместно действующего общеимперского налога на пиво в этот момент не произошло, однако в соответствующем законодательстве стран-участниц (*Bundesstaaten*) существовали лишь незначительные различия. Например, более высокие налоговые ставки в некоторых государствах Тюрингии, особый режим налогообложения суррогатов солода (*Malzsurogaten*) в Великом герцогстве Саксонии, а также различное налоговое регулирование производства виноградных напитков (*Haustrunkbereitung*) и экспорта пива, различные правила возмещения налогов (*Steuerrückvergütung*)»¹⁶.

¹³ Ibid. С. 1038–1082, 1053.

¹⁴ Первоначально был заключен союз сроком на восемь лет (с 1834 г.), который в 1842 г. был продлен еще на 10 лет. От имени Таможенного союза заключались торговые договоры, в частности, с Англией, Голландией, Грецией, Турцией, Бельгией. — Тимошина Т.М. Экономическая история зарубежных стран. Учебное пособие / под ред. проф. М.Н. Чепурина. М.: Юридический дом «Юстиформ», 2000. С. 276.

¹⁵ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1038–1082, 1053.

¹⁶ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1038–1082, 1054.

¹⁰ Dr. H. Zacher. Der Kampf um das reine Bier. Bayerische Staatszeitung. Nr. 16. April 1955.

¹¹ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1038–1082, 1046.

¹² Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1038–1082, 1054.

После упразднения Германского таможенного союза в июне-июле 1867 года между Северогерманским союзом и четырьмя южногерманскими государствами (Баденом, Баварией, Гессеном, Вюртембергом) были заключены договоры о таможенном союзе (Zollvereinsverträge) сроком на 10 лет, а также «оборонительные договоры» (с Баденом, Баварией, Вюртембергом, Гессен-Дармштадтом)¹⁷. Заключенные 23 и 25 ноября 1870 года Договоры с южногерманскими государствами Баденом, Гессеном, Баварией, Вюртембергом (BGBl. 1870. S. 9; BGBl. S. 654) об их вхождении в Северогерманский союз предусматривали внесение некоторых изменений в конституцию Северогерманского союза — предоставление несколько большей самостоятельности входящим в его состав государствам¹⁸. На основании упомянутых договоров впоследствии в конституции Германской империи 16 апреля 1871 года были закреплены привилегии, предоставленные некоторым южногерманским государствам. Конституция Германской империи 16 апреля 1871 года «...учла договоры с южногерманскими государствами путем ряда конституционных новаций. За этими государствами закреплялись некоторые особые права. Например, Бавария и Вюртемберг сохранили право на такую доходную статью местного бюджета, как налог на водку и пиво, а также на управление почтой и телеграфом»¹⁹. Конституция 1871 года не только подробно регулировала получаемые от этих налогов финансовые потоки, но также закрепила определенную декларацию о намерениях по согласованию соответствующего законодательства на будущее²⁰.

¹⁷ Парламентской формой таможенно-политического присоединения южногерманских государств к Северо-германскому союзу стал заседавший в Берлине Таможенный парламент (Zollparlament), состоявший из депутатов Северогерманского рейхстага и депутатов, избираемых от южногерманских земель. Заседал парламент в трех созывах (апрель-май 1868 г., июнь 1869 г., апрель-май 1870 г.). Все попытки превратить Таможенный парламент в полноценный парламент потерпели неудачу из-за позиции большинства депутатов юга Германии и прусского юнкерства. С учреждением империи в 1871 г. Таможенный парламент был упразднен. Wörterbuch der Geschichte. In 2 Bänden. Band 2. Berlin, 1984. S. 1211.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 томах. Том 6. М., 1987. С. 583.

¹⁹ История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. Том 2. Современная эпоха / отв. ред. д.ю.н. проф. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, 2005. С. 257.

²⁰ Ст. 35 абз. 2 Конституции: «В Баварии, Вюртемберге и Бадене налогообложение производимых на их территории спиртных напитков и пива остается в ведении законодательства земель. Однако федеральные государства направят свои устремления на то, чтобы осуществить согласование законодательства по налогообложению и этих объектов». Ст. 38 абз. 4 Конституции: «Бавария, Вюртемберг и Баден не получают доли от поступающих в имперскую казну нало-

гов на спиртные напитки и пиво и соответствующее этим долям ранее упомянутое обратное возмещение (Aversums)» (Bundesgesetzblatt für den Deutschen Bund. 1871. Nr 16. S. 63).

К концу XIX века стала очевидной необходимость унификации налогов из-за притязаний империи на финансовые средства земель, которые взимались с них в виде матрикулярных платежей и в результате перехода на имперский уровень некоторых источников финансовых поступлений земель. Налоги на потребление, в основном на напитки (в первую очередь на пиво), сохраняли особое положение в финансовых системах юга Германии и после образования империи, в то время как другие налоги на потребление — на соль, табак, сахар — изначально регулировались в рамках Таможенного союза 1834 года, что вело к сближению направленности налоговых реформ, проводимых в землях. По мере того, как с образованием империи налоги на потребление стали все больше привлекаться к покрытию имперских нужд, эти налоги, составлявшие важную часть бюджетов земель и бюджетов общин южной части Германии, постепенно утрачивали там свое значение. Еще одним побудительным мотивом для проведения общегосударственных налоговых реформ являлась неравномерность обременения прямыми налогами в различных землях. С этим можно было мириться, пока отдельные немецкие государства представляли собой закрытые экономические области, как это было с начала до середины XIX столетия. Неравномерность сглаживалась за счет различий в иных видах налогов. Отдельные земли унифицировали налоги на потребление товаров, оборот которых осуществлялся между ними (в том числе на базе двух- и многосторонних соглашений), и на этом фоне еще более чувствительными становились сохраняющиеся различия прямого налогообложения.

После основания Германской империи была наконец достигнута цель введения общеимперского налога на пиво. Имперская конституция 1871 года передала империи законодательные полномочия и полномочия по взиманию налога на так называемой Северогерманской области пивного налога (*Norddeutsche Brausteuergebiet*). Взимание и администрирование имперского налога на пивоварение (*Reichsbrauststeuer*), как и таможенных пошлин и налогов на потребление (*Verbrauchssteuern*), было передано каждому субъекту империи в пределах своей территории, поскольку таковой там ранее взимался (Art. 36 RV, RGBl. S. 63). Три южногерманских федеральных государства (*Bundesstaaten*) и Эльзас-Лотарингия не получали своей доли в имперском налоге на пивоварение (*Reichsbrauststeuer*), поступавшем в имперскую кассу в соответствии с абз. 2 ст. 38 Имперской конституции (абз. 2 ст. 38 Конституции Германской империи и Имперский закон 25.04.1873 пар. 4 абз. 2). Взамен им остава-

гов на спиртные напитки и пиво и соответствующее этим долям ранее упомянутое обратное возмещение (Aversums)» (Bundesgesetzblatt für den Deutschen Bund. 1871. Nr 16. S. 63).

лись в полном объеме поступления от взимаемого ими налога на пиво, и в качестве компенсации они должны были перечислять империи особые взносы (так называемые *Aversa*). Их размеры рассчитывались империей исходя из поступающих из области взимания имперского налога на пивоварение (*Reichsbrausteuergebiet*) так называемых поступлений от налога на пивоварение (*Brausteuererinnahmen*), в соответствии с численностью населения земель и учитывались в годовом имперском бюджете (*Reichshaushaltsetate*)²¹.

На основе конституции был принят Указ имперского правительства (*Erlass des RG*) 31.05.1872 о взимании налога на пивоварение (вступил в силу 01.01.1873)²². С 1872 года для взимания пивного налога было учреждено северогерманское Сообщество пивного налога (*Biersteuergemeinschaft*), в то время как в Бава-

рии, Бадене, Вюртенберге и имперской земле Эльзас-Лотарингия пивной налог взимался самостоятельно (*Biersteuergebiete*). Бремен, Гамбург, а также Великое герцогство Люксембург присоединились к Сообществу пивного налога с 1 октября 1888 года²³. Самостоятельность еще сохраняющихся в империи четырех областей налога на пиво (*Biersteuergebiete*) — Северогерманской (*Norddeutsche*), называемой областью имперских налогов (*Reichssteuergebiet*), а также Баварии, Вюртемберга и Бадена — была установлена для всей области Германского таможенного союза (*dt Zollgebiet*) статьей 40 Конституции Германского таможенного союза (*RV dt Zollgebiet*). Она осталась в силе и после принятия Закона о налоге на пивоварение (Закон о налоге на пивоварение (*Brausteuerergesetz*) 03.04.1906, § 35 абз. 2), ее действие лишь ограничивалось в последующих пунктах, которые в конечном счете восходили к договоренностям, закрепленным в действовавшем ранее Договоре о государственном и таможенном союзе 8 июля 1867 года (*Staats-Zollvereinsvertrag*, ст. 5)²⁴.

²¹ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1038–1082, 1054.

²² В зону действия имперского налога на пивоварение (*Reichsbrausteuer*) вошли: Пруссия, Шаумбург-Липпе и Шаумбург цур Липпе, Саксония, Гессен, Мекленбург-Шверин, Штерлиц, государства Тюрингии (за некоторыми исключениями), Ольденбург, Брауншвейг, Ангальт, Любек.

²³ Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena, 1909. С. 1038–1082, 1054.

²⁴ Ibid. С. 1038–1082, 1053.

Литература

1. Большой немецко-русский словарь / составители О.И. Москальская и др. : в 2 томах. Том 2. М., 1980. 760 с.
2. История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. Том 2. Современная эпоха / отв. ред. д.ю.н. проф. Н.А. Крашенинникова. М. : Норма, 2005. 816 с.
3. Маркс К. Избранные сочинения в 9 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. Том 6. М., 1987. 664 с.
4. Тимошина Т.М.. Экономическая история зарубежных стран. Учебное пособие / Т.М. Тимошина; под ред. проф. М.Н. Чепурина. М. : Юридический дом «Юстинформ», 2000. 494 с.
5. Huber E.R.. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789 / E.R. Huber. Bd. VI. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1981. 732 s.
6. Popitz J. Der Finanzausgleich und seine Bedeutung für die Finanzlage des Reichs, der Länder und Gemeinden / J. Popitz. Berlin, 1930.
7. Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung / E. Struve // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena. 1909. С. 1038–1082.
8. Unsere Steuern von A bis Z. // Bundesministerium der Finanzen. Auflage September 1993. Bonn.
9. Wörterbuch der Geschichte. In 2 Bänden. Band 2. Berlin, 1984. 621 s.
10. Zacher H. Der Kampf um das reine Bier / H. Zacher // Bayerische Staatszeitung. Nr. 16. 16. April 1955. С. 2.

References

1. Bolshoy nemetsko-russkiy slovar / sostaviteli O.I. Moskalskaya i dr.: v 2 tomakh. Tom 2 [Unabridged German-Russian Dictionary / compiled by O.I. Moskalskaya et al. : in 2 vol. Vol. 2]. Moskva — Moscow, 1980. 760 s.
2. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhny'kh stran : uchebnik dlya vuzov. Tom 2. Sovremennaya epokha / отв. red. d.yu.n. prof. N.A. Krashennnikova [History of State and Law of Foreign Countries. Textbook for Higher Education Institutions. Vol. 2. The Modern Epoch]. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2005. 816 s.
3. Marx K. Izbranny'e sochineniya v 9 tomakh [Selected Works in 9 volumes] / K. Marx, F. Engels. Tom 6. Moskva — Moscow, 1987. 664 s.
4. Timoshina T.M. Ekonomicheskaya istoriya zarubezhny'kh stran. Uchebnoe posobie [Economic History of Foreign Countries. Textbook] / T.M. Timoshina; pod red. prof. M.N. Chepurina. Moskva : Yuridicheskii dom «Yustinform» — Moscow : Justice Inform legal house, 2000. 494 s.
5. Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789 / E.R. Huber. Bd. VI. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1981. 732 s.
6. Popitz J. Der Finanzausgleich und seine Bedeutung für die Finanzlage des Reichs, der Länder und Gemeinden / J. Popitz. Berlin, 1930.
7. Struve E. Bier, Bierbrauerei und Bierbesteuerung / E. Struve // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 1. Jena. 1909. S. 1038–1082.
8. Unsere Steuern von A bis Z. // Bundesministerium der Finanzen. Auflage September 1993. Bonn.
9. Wörterbuch der Geschichte. In 2 Bänden. Band 2. Berlin, 1984. 621 s.
10. Zacher H. Der Kampf um das reine Bier / H. Zacher // Bayerische Staatszeitung. Nr. 16. 16. April 1955. S. 2.

Способы защиты права пользования в римском, европейском и российском праве

Мацакян Гоар Суменовна,
аспирантка кафедры гражданского права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
goar.matsakyan@gmail.com

В связи с реформой законодательства о вещных правах особо актуальное значение приобрел вопрос о защите ограниченных вещных прав, включая права пользования (узуфрукта), являющегося новым институтом для современного российского правопорядка. Рассматривая особенности защиты права пользования (узуфрукта) в отдельных европейских странах континентального типа, автор приходит к выводу об отсутствии единообразия в рецепции римского права. Ряд стран, например Франция, Австрия, восприняли разработанный римскими юристами конфессорный иск, служащий универсальным способом защиты права пользования (узуфрукта) от любых нарушений со стороны третьих лиц, включая собственника. Другие страны, в частности, Германия, где вещные права устанавливаются с помощью особой правовой конструкции — вещного договора, предоставляет субъекту узуфрукта (узуфруктуарию) те же возможности, которые имеются у собственника при защите права собственности. В статье раскрываются предмет конфессорного иска, его стороны, условия предъявления, отличие от владельческого (поссессорного) иска. Затрагивается проблема «конкуренции исков», которая может возникнуть с учетом предложенной в проекте изменений ГК РФ системы защиты вещных прав.

Ключевые слова: узуфрукт, ограниченное вещное право, средство правовой защиты, конфессорный иск, владельческий иск, владение.

Usufruct Protection Means in the Roman, European and Russian Law

Matsakyan Goar S.
Postgraduate Student of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

In connection with the reform of property legislation the question of protection of limited real rights, including the right of usufruct being a new legal institute for Russian law and order, has acquired particularly relevant. Considering features of protection of the right of usufruct in certain European countries of the continental legal system, the author comes to the conclusion that there is no uniformity in the reception of Roman law. A number of countries, for example, France and Austria, apprehended the "confessory" action developed by Roman lawyers that serves as a universal legal remedy of the right of usufruct against any violations from third parties, including an owner. Other countries, in particular Germany, where real rights are established by means of a special legal construction — a property agreement, provides the person in whose favour a right of usufruct is created (usufructuary) with the same opportunities that the owner has in case of protection of a property right. The article deals with the subject of the "confessory" action, its parties, conditions of bringing, the difference from a possessory action. There is discussed the problem of "competition of actions", which may arise taking into account the system of protection of real rights proposed by the Bill on Amendments to the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: usufruct, limited real right, legal remedy, "confessory" action, possessory action, possession.

Право пользования по сути является современным аналогом возникшего в классическом римском праве узуфрукта (*ususfructus*) — особой разновидности личного сервитута, предоставляющего своему субъекту — узуфруктуарию — возможность пользоваться и извлекать плоды из чужих вещей при сохранении в неприкосновенности их хозяйственного назначения¹.

Узуфруктуарию, как и всякому обладателю сервитутного права, предоставлялась возможность защищать свое право от непосредственного неправомерного воздействия со стороны третьих лиц с помощью так называемого конфессорного иска (*actio confessoria*).

Рассматривая вопрос о защите сервитутов, римский юрист Ульпиан различал два специальных вещно-правовых иска: иск о признании наличия узуфрукта (*actio confessoria*) и иск о признании узуфрукта отсутствующим (*actio negatoria*) (D.8.5.2).

¹ См.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право. М.: КНОРУС, 2014. С. 235.

Первый из указанных вещных исков принадлежал узурпатору, утратившему владение узурпатором, и применялся в целях восстановления владения соответствующим вещным правом путем истребования обремененной вещи из фактического господства третьего лица, в том числе собственника.

Второй иск принадлежал собственнику, который отрицал факт обременения его имущества узурпатором в пользу определенного лица. Очевидно, что в данном конкретном случае негативный иск составлял прямую противоположность конфессорному иску, который, наоборот, был направлен на признание узурпатора за определенным лицом.

Предметом конфессорного иска служили следующие требования: 1) признание узурпатора и восстановление владения соответствующим вещным правом через истребование обремененной вещи у третьего лица, в том числе у собственника, отрицающего факт существования узурпатора; 2) устранение препятствий (действий фактического характера) в осуществлении узурпатора, которые не были связаны с лишением узурпатора владения узурпатором.

Субъектом права на предъявление конфессорного иска (истцом) выступал узурпатор, как владеющий, так и не владеющий узурпатором, права которого нарушались со стороны третьего лица, в том числе собственника обремененной вещи.²

Субъектом обязанности (ответчиком по иску) выступало третье лицо, как заявляющее о своих правах на спорную вещь, так и не предъявляющее таких требований.

Следует подчеркнуть, что римское право относило конфессорный иск к петиторным способам вещно-правовой защиты, основанным на доказывании истцом наличия у него вещного права на спорный объект.

При разрешении споров, связанных с защитой узурпатора, в судебном решении ставилась следующая альтернатива: «допускает ли ответчик узурпатор («*patitur uti frui*»), а на случай недопущения следовала конфемнация³, присуждение истцу денежной суммы»⁴.

Для узурпатора была возможна и посессорная защита с помощью вещновладельческих интердиктов, которая опиралась не на правовое основание, а на его фактическое осуществление⁵. Одним из таких интердиктов служил *interdictum uti possidetis utile* — интердикт, защищающий фактическое осуществление узурпатора от посягательств третьих лиц⁶.

В настоящее время по модели римского права построены нормы о защите узурпатора во французском гражданском законодательстве. Узурпатор может защищать свое право от непосредственного неправомерного воздействия со стороны третьих лиц двумя способами: владельческим (посессорным) или конфессорным иском. В Гражданском процессуальном кодексе Франции (далее — ГПК Франции) прямо указано, что если лицо (истец) предъявляет вещный иск, то он тем самым утрачивает свое право на владельческий иск (ст. 1265 ГПК Франции)⁷. Ответчик же по владельческому иску вправе обратиться в суд с вещным иском только тогда, когда он устранит нарушение владения (ст. 1267 ГПК Франции).

Французское законодательство, подобно римскому праву, разделяет категории «владение» и «держание». Субъекты ограниченных вещных прав или так называемых «расчленений права собственности» (*le démembrement de la propriété*) наряду с субъектами обязательственных прав рассматриваются как держатели (*détenteur*) имущества, осуществляющие держание в силу какого-либо титула. До реформы гражданского законодательства 1975 года владельческой защитой во Франции мог пользоваться только владелец вещи — собственник, а в случаях, установленных законом, — не являющееся собственником лицо, постоянно, непрерывно, мирно, открыто осуществляющее неоспариваемое владение вещью (ст. 2261 ФГК)⁸. Для держателей вещи такое положение было исключено: всякий раз, когда на практике возникал вопрос о защите их законных интересов, они были вынуждены прибегать к помощи собственника, ибо только последний формально-юридически мог предъявить владельческий иск против нарушителя. Ввиду этого обстоятельство французский законодатель, как и в свое время римские классики, считал необходимым вносить в ФГК правило, которое устанавливает, что защита владения равным образом предоставляется и держателю вещи в отношении всех иных лиц, за исключением того, от которого он свои права получил (ст. 2278 ФГК). Из приведенного положения следует, что узурпатор, будучи держателем обремененного имущества и одновременно «квазивладельцем» узурпатора, вправе самостоятельно защищать свое законное владение от посягательств со стороны третьих лиц с помощью владельческого иска¹⁰. Однако то обстоятельство,

² См.: Дернбург Г. Пандекты. Т. II: Вещное право / пер. с нем. А.Ю. Блоха, А.Я. Гальперна, Г.И. Утнелова; под ред. А.Ф. Мейендорфа. СПб., 1905. С. 249.

³ Кондемнация (*condemnatio*) (лат.) — заключительная часть судебного решения, в которой судье предоставлялась возможность осудить или оправдать ответчика.

⁴ Дернбург Г. Указ. соч. С. 246.

⁵ Зом Р. История и система римского частного права. Ч. 2: Система. Вып. I: Общая часть и вещное право. Сергиев Посад: Типография И.И. Иванова, 1916. С. 216.

⁶ См. об этом подробнее: Строгоцкий В.М. Римское право. М. — Берлин: Директ-Медиа, 2014. С. 204.

⁷ Текст ГПК Франции приводится согласно электронной версии Кодекса на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: <http://lawbook.online//URL:http://lawbook.online/protsess-zarubejnyh-grajdanskij/titul-imuschestvo-56624.html> (дата обращения: 02.11.2017).

⁸ Гражданский кодекс Франции — Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. В.Н. Захватаева. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

⁹ См. об этом подробнее: Cornelius Van Der Merwe, Alain Laurent Verbeke. Time limited interests in land. Cambridge University Press, 2012. P. 199.

¹⁰ См.: Василевская А.Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения // Цивилист. 2011. № 1. С. 48.

что он наделен возможностью самостоятельно осуществлять защиту своего права, не освобождает его от обязанности уведомить о допущенном нарушении собственника обремененного имущества, в противном случае он несет риск наступления негативных последствий соответствующего нарушения (ст. 614 ФГК).

При рассмотрении споров, связанных с защитой владения посредством посессорного иска, судья вправе ознакомиться с правоустанавливающими документами, с тем чтобы проверить, удовлетворяются ли все условия защиты владения, однако меры по проверке доказательств не могут распространяться на вещное право (ст. 1265 ГПК Франции). Иными словами, он не волен требовать от истца предъявления доказательств о наличии у него вещного права на предмет спора — в этом (повторим) и заключается принципиальное отличие между владельческим и конфессорным исками.

Исходя из буквального смысла нормы, содержащейся в ст. 2278 ФГК, следует сделать вывод о том, что узуфруктуарий не может предъявить владельческий иск против самого собственника. Однако если его права нарушаются в результате неправомерных действий (бездействия) последнего, то он может применить против него конфессорный иск, который, как отмечалось, служит универсальным способом защиты узуфрукта против любых нарушений.

Сходными исками обеспечивает узуфруктуария Австрийское гражданское уложение (далее — АГУ), отличаясь в то же время некоторыми особенностями. Так, согласно § 523 АГУ, в отношении сервитутов (включая узуфрукт, являющийся разновидностью личного сервитута) действует «двойное право на иск»¹¹. Лицо, притязующее на обладание сервитутным правом, вправе обратиться в суд с иском о признании сервитута и восстановлении владения, который, по сути, является аналогом конфессорного иска. Собственник, в свою очередь, может обжаловать незаконное присвоение сервитута с помощью негаторного иска. В первом случае истец должен доказать приобретение сервитута или владение им как вещным правом, во втором — незаконное присвоение сервитута на его вещь (§ 523 АГУ).

Значительным своеобразием отличается защита узуфрукта в германском гражданском законодательстве. Параграф 1065 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) предусматривает, что, если право узуфруктуария нарушено, к притязаниям узуфруктуария соответственно применяются правила о притязаниях, основанных на праве собственности¹². Следовательно, по германскому законодательству узуфруктуарий в целях защиты узуфрукта может при-

менить следующие способы защиты гражданских прав: 1) виндикационный иск (иск к фактическому владельцу вещи о выдаче последней) при незаконном лишении владения (§ 985 ГГУ); 2) негаторный иск (иск об устранении нарушений и иск о воздержании от определенных действий) при нарушениях, не связанных с лишением владения (§ 1004 ГГУ); 3) иск из противоправных действий (абз. 1 § 823), а в случае необходимости — из смягчающих ответственность специальных законов (Закон о дорожном движении¹³, Закон об ответственности товаропроизводителя за некачественную продукцию¹⁴, Закон об ответственности за нанесение ущерба окружающей среде¹⁵); 4) иск в административном суде (абз. 2 § 42 Закона об административных судах¹⁶) при нарушении или незаконном лишении права действиями (бездействием) органов государственной власти¹⁷. Вещно-правовая защита узуфрукта производится вне зависимости от вины нарушителя права. При нанесении вреда обремененной вещи защита узуфрукта осуществляется на основе норм деликтного права и предоставляется при условии наличия вины причинителя вреда, кроме случаев ответственности за вред, вызванный источником повышенной опасности¹⁸.

Право пользования (узуфрукт) как особое вещное право не предусмотрено в действующем Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ). Между тем в Концепции развития гражданского законодательства РФ (далее — Концепция) указано, что «в законе установлены отдельные права, близкие по своему содержанию к узуфрукту, например, права членов семьи собственника, права отказополучателя. Однако их содержание не раскрыто, вид вещного права не определен»¹⁹. Особый интерес в связи с этим вызывает разработанный на основе Концепции проект Федерального закона о внесении изменений в ГК РФ (далее — Законопроект)²⁰, в который (в раздел

¹³ Das Straßenverkehrsgesetz (StVG) vom 3. Mai 1909.

¹⁴ Das Produkthaftungsgesetz (Gesetz über die Haftung für fehlerhafte Produkte — ProdHaftG) vom 15. Dezember 1989.

¹⁵ Das Gesetz über die Vermeidung und Sanierung von Umweltschäden vom 10. Mai 2007.

¹⁶ Das Bundesgesetz über die Organisation des Bundesverwaltungsgerichtes (BVwGG) vom 11. Januar 2013.

¹⁷ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем. В. Бергманн. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 448 (Серия «Германские и европейские законы»).

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // СПС «КонсультантПлюс»: Комментарии законодательства.

²⁰ Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении

¹¹ Всеобщий гражданский кодекс Австрии / пер. с нем. (С.С. Маслов). М.: Инфотропик Медиа, 2011.

¹² См. об этом подробнее: Василевская Л.Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву. М.: Статут, 2004. С. 365.

второй «Вещное право») включена новая глава 20.3 «Право личного пользования».

Следует обратить внимание на то, что авторы Законопроекта выделяют два основания приобретения узфрукта (за исключением социального пользования, возникающего непосредственно на основании закона или судебного решения): соглашение между собственником недвижимой вещи и узфруктуарием и завещание собственника недвижимой вещи (п. 1 ст. 302.2 Законопроекта). Очевидно, что в первом случае речь идет о самостоятельном договоре, заключаемом между собственником обременяемой вещи и узфруктуарием, который будет иметь обязательно-правовую природу, поскольку конструкция вещного договора не предусмотрена ни в действующем ГК РФ, ни в Законопроекте²¹. Однако, на наш взгляд, попытка решить вопрос об установлении узфрукта посредством обязательно-правового договора впоследствии может обернуться проблемой «конкуренции исков». Заключение договора об установлении узфрукта приведет не только к возникновению у узфруктуария вещного права на недвижимую вещь, но и обязательно-правового права. В связи с этим

возникает вопрос: каким средством правовой защиты узфруктуарию следует воспользоваться в ситуации, когда собственник отказывается передать обремененную вещь в его владение и пользование? С одной стороны, узфруктуарий как субъект ограниченного вещного права может воспользоваться вещно-правовыми способами защиты, а именно — требовать признания узфрукта и передачи вещи от собственника в свое владение виндикационным иском (п. 1 ст. 227 Законопроекта). С другой стороны, ввиду того, что по договору об установлении узфрукта подлежит передаче индивидуально-определенная вещь, узфруктуарий вправе требовать отобрания этой вещи у собственника и передачи ее на предусмотренных договором условиях. Более того, вместо требования передать ему вещь, являющуюся объектом обязательства, узфруктуарий может потребовать от собственника возмещения убытков (ст. 398 ГК РФ). Таким образом, вопрос о том, какому же иску (вещно-правовому или обязательно-правовому) следует отдавать предпочтение в подобной ситуации, оставлен открытым. На наш взгляд, при включении узфрукта в систему ограниченных вещных прав было бы целесообразно установить для него единый, универсальный способ вещно-правовой защиты, каковым, в частности, является конфессорный иск. Именно благодаря ему французскому законодательству, где узфрукт также устанавливается на основании обязательно-правового договора, удается избежать проблемы «конкуренции исков».

27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс»: Комментарии законодательства.

²¹ См. об этом подробнее: Мацакян Г.С. Договор об установлении узфрукта // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 101.

Литература

1. Василевская Л.Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву / Л.Ю. Василевская. М. : Статут, 2004. 538 с.
2. Василевская Л.Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения / Л.Ю. Василевская // Цивилист. 2011. № 1. С. 48–54.
3. Дербург Г. Пандекты. Т. II: Вещное право / Г. Дербург; пер. с нем. А.Ю. Блоха, А.Я. Гальперна, Г.И. Утнелова; под ред. А.Ф. Мейендорфа. СПб., 1905. 364 с.
4. Зом Р. История и система римского частного права. Ч. 2: Система / Р. Зом. Вып. I: Общая часть и вещное право. Сергиев Посад : Типография И.И. Иванова, 1916. 375 с.
5. Мацакян Г.С. Договор об установлении узфрукта / Г.С. Мацакян // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 100–107.
6. Новицкий И.Б. Римское частное право / И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. М. : КНОРУС, 2014. 608 с.
7. Строгетский В.М. Римское право / В.М. Строгетский. М. — Берлин : Директ-Медиа, 2014. 441 с.
8. Cornelius Van Der Merwe, Alain Laurent Verbeke. Time limited interests in land. Cambridge University Press, 2012. 551 с.

References

1. Vasilevskaya L.Yu. Uchenie o veschny'kh sdelkakh po germanskomu pravu [Property Transaction Doctrine under the German Law] / L.Yu. Vasilevskaya. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2004. 538 s.
2. Vasilevskaya L.Yu. Vladenie i vladelcheskaya zaschita: problemy' teorii i pravoprimeneniya [Ownership and Owner Protection: Issues of Theory and Law Enforcement] / L.Yu. Vasilevskaya // Tsivilist. Civilist. 2011. № 1. S. 48–54.
3. Dernburg H. Pandekty'. T. II: Veschnoe pravo [The Pandects. Vol. II: Property Law] / H. Dernburg; per. s nem. A.Yu. Blokha, A.Ya. Galperna, G.I. Utnelova; pod red. A.F. Meyendorfa. SPb. — Saint Petersburg, 1905. 364 s.
4. Sohm R. Istoriya i sistema rimskogo chastnogo prava. Ch. 2: Sistema [The History and System of Roman Private Law. Part 2: System] / R. Sohm. Vy'p. I: Obschaya chast i veschnoe pravo. Issue I: General Part and Property Law. Sergiev Posad : I.I. Ivanov's printing office, 1916. 375 s.
5. Matsakyan G.S. Dogovor ob ustanovlenii uzufrukta [Usufruct Establishment Agreement] / G.S. Matsakyan // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava. Relevant Issues of Russian Law. 2016. № 1. S. 100–107.
6. Novitsky I.B. Rimskoe chastnoe pravo [Roman Private Law] / I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. Moskva : KNORUS — Moscow : KNORUS, 2014. 608 s.
7. Strogetsy V.M. Rimskoe pravo [Roman Law] / V.M. Strogetsy. Moskva — Berlin: Direkt-Media — Moscow — Berlin : Direct Media, 2014. 441 s.
8. Cornelius Van Der Merwe, Alain Laurent Verbeke. Time limited interests in land. Cambridge University Press, 2012. 551 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-1-45-51

Судебные учреждения и правоприменительная практика участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.*

Цысь Валерий Валентинович,
 заведующий кафедрой истории России
 Нижневартовского государственного университета,
 доктор исторических наук, профессор
 roshist@mail.ru

В статье раскрыты основные особенности организации судебной системы, а также правоприменительной практики участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. на территории Тобольского, Сургутского и Березовского уездов Тюменской губернии (в современных границах — Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и северная часть Тюменской области). Отмечается, что руководители восстания стремились восстановить судебные учреждения периода Временного правительства, внося в их структуру коррективы, обусловленные условиями военного времени. Декларировались возврат к положениям судебной реформы 1864 г., воссоздание мирового и окружного судов, ликвидация коммунистических «народных судов», что привело к необходимости привлечь к работе отстраненных большевиками чиновников дореволюционных судебных органов. Указывается, что, несмотря на провозглашенные повстанцами демократические преобразования, на практике значительная часть вопросов регулировалась во внесудебном порядке военными властями. Эволюция политики повстанцев в сфере судопроизводства состояла в возрастании роли военно-следственных комиссий и расширении применения методов внесудебной расправы. Делается вывод, что, как и в случае с другими политическими режимами, претендовавшими на роль выразителя общенародных интересов в период Гражданской войны, повстанцы не смогли восстановить закон и порядок на подконтрольной им территории.

Ключевые слова: Гражданская война, Западно-Сибирское крестьянское восстание, Тобольск, судебная система, правоприменительная практика.

Judicial Institutions and the Law Enforcement Practice of the Participants of the West Siberia Peasant Uprising of 1921

Tsys Valery V.
 Head of the Department of Russian History of the Nizhnevartovsk State University
 Doctor of History
 Professor

The article brings to light the main peculiarities of the judicial system arrangement and the law enforcement practice of the participants of the West Siberia Peasant Uprising of 1921 in the territory of the Tobolsky, Surgutsky and Berezovsky uyezds of the Tyumen governorate (in the present day boundaries of the Khanty-Mansiysk, Yamalo-Nenets Autonomous Districts and the northern part of the Tyumen region). The author notes that the heads of the uprising aimed at restoration of the judicial institutions of the Provisional Government period amending their structures according to the military time conditions. The uprising declared return to the provisions of the judicial reform of 1864, restoration of the justice of the peace and district courts, liquidation of the communist people's courts, which led to the need to involve the officials of the pre-revolutionary judicial authorities removed by the Bolsheviks. The article indicates that notwithstanding the democratic transformations declared by the rebels, many issues were actually regulated by the military authorities in an extrajudicial procedure. The evolution of the rebels' policy in the judicial proceedings sector consisted in the growth of the role of the military investigative commissions and widening of application of the extrajudicial execution methods. The author concludes that the rebels were unable to restore law and order in the territory under their control as was the case with other political regimes making claims for the role of a mouthpiece of the public interests in the Civil War period.

Keywords: the Civil War, the West Siberia Peasant Uprising, Tobolsk, judicial system, law enforcement practice.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 17-11-86001.

История судебных учреждений и судопроизводства в период Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г., как правило, становилась предметом изучения лишь в связи с двумя основными сюжетами: процессы против участников антибольшевистского народного движения и нарушения закона со стороны противоборствующих сил. В советской историографии внимание уделялось расправам над коммунистами и их сторонниками¹, с конца 1980-х — начала 1990-х гг. много говорилось о злоупотреблениях продработников, ревкомов и карательных отрядов, подавлявших восстание².

До настоящего времени очень слабо охарактеризована как внутренняя политика сторонников «советской власти без коммунистов» в целом, так и их попытки создать систему судебных учреждений в частности. Эта малоисследованная страница истории Гражданской войны дает возможность составить представление об одном из альтернативных вариантов политического устройства, предлагавшемся сторонниками «третьей силы», противопоставлявшей себя и красным, и белым.

Центром наиболее организованной части «партизан» являлся Тобольск, под властью которого в марте — апреле 1921 г. находились Тобольский, Сургутский и Березовский уезды Тюменской губернии (в современных границах — Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и северная часть Тюменской области).

В течение непродолжительной паузы между оставлением Тобольска коммунистическими отрядами и вступлением в город повстанцев (20–21 февраля 1921 г.) власть в свои руки взяли местные профсоюзные лидеры, которые не хотели допустить беспорядков и стремились направить народную стихию в русло государственного строительства, основанного на демократических началах.

Общие принципы, которыми старались руководствоваться наиболее образованные, политически подкованные и перспективно мыслящие руководители народного движения, были

выражены на страницах издававшейся в Тобольске газеты «Голос Народной Армии».

В статье «Основные принципы организации новой власти» отмечалось: «Коммунистический суд на основании революционной «совести» должен смениться судом юристов на основании писаных законов, во всей полноте должен быть восстановлен также и институт суда присяжных — ценнейшее достижение в судебной области»³.

Анонимный автор другой программной статьи утверждал, что «мы не можем допустить, чтобы какой-либо властью, в том числе военной, была введена смертная казнь... Примем за правило, что у нас для всех виновных существует гражданский суд, будем помнить, что жесткость в борьбе не помогает... Во всех случаях нужно обращаться к гражданскому суду, и никоим образом не наказывать виновных самим враждующим, на это должно существовать правосудие и только на него мы должны опираться»⁴.

Однако между теоретическими постулатами и их практической реализацией, как известно, может пролегать огромная дистанция. В деятельности судебных учреждений повстанцев наблюдались две противоположные тенденции. Одна олицетворялась различными чрезвычайными комиссиями, фактически органами внесудебной расправы, действовавшими по законам военного времени и близкими по сути большевистским ревтрибуналам. Другая была связана со стремлением придать судопроизводству характер «правильной» системы, противопоставить собственные судебные учреждения различного рода экстраординарным органам, показать, что во главе угла должен быть закон, а не «революционная сознательность» и классовое чутье.

Сразу же после занятия города повстанцами стали производиться хаотичные аресты коммунистов и заподозренных в сочувствии им лиц. Сформированный профсоюзами Временный Тобольский городской совет (далее — ВГС) выразил по этому поводу протест начальнику гарнизона В. Желтовскому. 22 февраля решением ВГС образована Военно-гражданская следственная комиссия в составе пяти человек под председательством А.Е. Корякова — в тот момент руководителя ВГС. Первое заседание было назначено на 23 февраля в здании тюрьмы с целью «определения правильности произведенных арестов»⁵. Народный суд первоначально был оставлен «с прежними функциями и в прежнем составе».

Военное руководство также осознавало необходимость наведения порядка и соблюдения

¹ См., напр.: Богданов М.А. Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.

² См., напр.: Петрушин А.А. Особенности органов власти, созданных на территории, контролируемой повстанцами (на примере Сургутского Комитета общественной безопасности и Тобольского Крестьянско-Городского совета // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года. Материалы Дня истории. 15 февраля 2001 г. Тюмень, 2001. С. 18–23; Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы международной научной конференции. Сер. «История сталинизма». Екатеринбург, 2011. С. 129–142; Московкин В.В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 г. // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 46–65; и др.

³ Основные принципы организации новой власти // Голос Народной Армии. 1921. 11 марта.

⁴ К текущему моменту // Голос Народной Армии. 1921. 1 марта.

⁵ Вестник Временного Тобольского Городского Совета. 1921. 25 февраля.

законности. Уже одним из первых приказов, датированным 23 февраля, запрещается производство самовольных обысков «без надлежащего на то ордера следственной комиссии или Начальника Гарнизона»⁶. Приказом по гарнизону г. Тобольска от 26 февраля образуется Особая Следственная комиссия «для расследования дел о политических и общественных деятелях коммунистической власти»⁷. В ее состав назначались представители штаба Народной армии, профсоюзов, а также юристы-специалисты. С этого момента запрещались аресты без ордеров, выданных начальником штаба Народной армии. В результате 50 из 53 ранее арестованных удалось освободить⁸.

Этим же приказом рассмотрение уголовных и гражданских дел оставалось в ведении Народного суда, расследование по таким делам должно было производиться милицией, уголовным розыском и Народными следователями.

За поддержание правопорядка должна была отвечать «Городская Гражданская Милиция», которую ВГС поручил составить «через посредство Профсоюзов и путем приема добровольцев, представивших рекомендации от Профсоюзов, общественных учреждений и отдельных, заслуживающих доверия лиц»⁹. Город был разбит на 3 района во главе с районными начальниками. Организуется сыскное отделение¹⁰.

В начале марта ВГС был заменен демократически избранным Тобольским Крестьянско-Городским советом (далее — КГС), который согласно принятому 15 марта «Положению» являлся «вполне самостоятельным органом, имеющим высшую законодательную, административную и судебную власть» на освобожденных от коммунистов территориях Тобольской губернии¹¹. В его полномочия входило «законодательство административное, уголовное, гражданское; судоустройство и судопроизводство»¹². Охрана общественного порядка и безопасности на местах возлагалась на волостные советы.

По инициативе КГС 6 марта в помещении Народного суда состоялось собрание юристов-практиков по вопросу о реформировании суда, в котором приняли участие 22 чел. По его итогам принимается единое решение о необходимости восстановления судебных уставов 1864 года¹³. 8 марта Президиум КГС одобрил

это решение и поручил Юридической комиссии разработать соответствующий проект, а также представить кандидатов на должности в окружном суде¹⁴.

11 марта КГС постановил «принять выработанное Комиссией положение об организации дела Суда в следующем виде:

1. Восстановить судебные законы 1864 года т. X, т. XV, т. XVI в том виде, как они действовали до октябрьского переворота.

2. Восстанавливая действие существовавших до Октябрьской революции судебных законов 1864 года в целом, как готового стройного кодекса, Крестьянско-Городской Совет находит возможным и желательным теперь же допустить некоторые частичные изменения этих законов в соответствии с требованиями, предъявляемыми современной жизнью, при этом законодательная инициатива по этим вопросам предоставляется кроме Крестьянско-Городского Совета Окружному Суду.

3. Декреты и распоряжения, изданные коммунистической властью в отмену указанных в § 1 судебных законов, считать аннулированными.

4. Созданный коммунистический народный Суд упразднить.

5. Восстановить на основах судебных уставов 1864 г. (т. XVI ч. 1) окружной Суд с отделениями уголовным и гражданским...

9. Восстановить мировой суд в составе одного постоянного члена — мирового судьи и двух очередных заседателей — представителей народа, которые участвуют с правом решающего голоса как в вопросах факта, так и в вопросах права по всем уголовным и гражданским делам, подсудным мировому суду...»¹⁵.

Таким образом, лидеры повстанческого движения в соответствии с принятой ими линией на восстановление поправленных большевиками прав и свобод, приняли решение вернуться к созданной еще в период Великих реформ Александра II судебной системе. Соответственно возрождаются и отмененные или искаженные большевиками принципы, положенные в основу реформы 1864 г.: полное отделение судебной власти от административной; процессуальная независимость судей; устный и состязательный характер судопроизводства и др.

Возврат к основам реформы 1864 г. следует воспринимать не как признак консервативности повстанцев, проявление их реставраторских устремлений, а — так же, как и во многих других случаях — намерение опереться на проведенные в марте-октябре 1917 г. реформы. Известно, что в сфере судоустройства Временное правительство стояло на позициях восстановления Судебных уставов 1864 года.

⁶ Там же.

⁷ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142. Л. 21.

⁸ Петрушин А.А. Указ. соч. С. 20.

⁹ Организация власти в городе Тобольске // Вестник Временного Тобольского Городского Совета. 1921. 25 февраля.

¹⁰ Голос Народной Армии. 1921. 6 марта.

¹¹ Положение о Тобольском Крестьянско-Городском Совете // Голос Народной Армии. 1921. 29 марта. Приложение.

¹² Там же.

¹³ Хроника // Голос Народной Армии. 1921. 8 марта.

¹⁴ ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 139. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 10 об. — 11.

25 марта 1917 г. его указом при Министерстве юстиции была учреждена «Комиссия для восстановления основных положений Судебных Уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве». В дальнейшем происходило не просто слепое копирование положений реформы 1864 г., но их творческое развитие в направлении либерализации.

По этому же пути шли и повстанцы, которые учли некоторые завоевания революции, в частности, в вопросе о коллегиальности мирового суда. В марте 1917 г. постановлением Временного правительства и по инициативе Петроградского совета стали учреждаться временные суды, состоявшие из мирового судьи и двух заседателей (рабочего и солдата). В их компетенцию входили дела местного масштаба. Они просуществовали четыре месяца и после июльского выступления большевиков были упразднены. Этот принцип также напоминал положения Декрета о суде от 24 ноября 1917 г., где мировые судьи заменялись «местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей»¹⁶.

Мировые судьи до революции рассматривали гражданские иски не свыше 500 рублей. Инфляция привела к тому, что в ведение мировых судей повстанческой власти передаются гражданские дела по искам, значительно превышавшим установленные ранее нормы. Мировым судьям были подсудны иски до 300 тыс. руб. по гражданским и уголовным делам. По искам до 30 тыс. руб. решения были окончательны и обжалованию не подлежали¹⁷.

Также происходит некоторое упрощение судебной системы (отказ от восстановления волостных судов, передача функций мировых съездов окружному суду) в соответствии с условиями военной обстановки.

Восстановление судебных уставов 1864 г. требовало привлечения старых кадров, оказавшихся не у дел при большевиках. На заседании КГС 11 марта формируется и состав окружного суда. Большинство голосов при небольшом количестве воздержавшихся председателем избирается Петр Емельянович Маковецкий, по данным на 1914 г. — действительный статский советник, председатель Тобольского окружного суда, почетный мировой судья по Тобольскому уезду¹⁸. Он окончил юридический факультет Киевского университета, занимал должность председателя окружного суда при царской и

колчаковской власти, являлся председателем общества патроната лицам, освобожденным из мест заключения г. Тобольска.

Его товарищем избирается Я.В. Котов, членами окружного суда — барон И.А. Будберг (член Тобольского окружного суда в 1915 г., член общества патроната лицам, освобожденным из мест заключения г. Тобольска)¹⁹, В.М. Чистяков (на 1915 г. — титулярный советник, мировой судья 6-го участка Курганского уезда)²⁰, С.Д. Рачинский (на 1915 г. — титулярный советник, мировой судья 4-го участка Тобольского уезда)²¹, В.П. Новодворский, прокурором — П.И. Роецкий, товарищем прокурора — А.А. Важенин²². На местах за пределами повстанческой «столицы» до воссоздания мировых судов и др. элементов дореволюционного судопроизводства, по-видимому, дело так и не дошло.

Помимо гражданского судопроизводства, основанного на либеральных процессуальных нормах, повстанцами использовались и чрезвычайные органы. 4 марта на заседании представителей всех отрядов партизан производятся выборы в Тобольский Военно-полевой суд, состоявший из пяти членов и пяти кандидатов²³. Данный вопрос можно также рассмотреть на примере Сургута. Высшим органом уездной власти здесь являлся избранный 9 марта 1921 г. на общем собрании горожан Комитет общественной безопасности (КОБ). В его состав был включен Н.Ю. Закорюкин, ставший руководителем юридического и следственного отдела КОБа. Он же занимал должность председателя военно-следственной комиссии, разбиравшей политические преступления коммунистов и им сочувствующих. В начале апреля КОБ сменил Городской совет, включавший пять отделов, в том числе — «юридический судебно-следственный». Продолжала функционировать милиция, состав которой существенно обновился, а во главе поставлен М.А. Шестаков, служивший приставом 2-го стана Сургутского уезда до революции и начальником волостной милиции при Временном правительстве.

О том, как на практике действовала правоохранительная и судебная система повстанцев, можно составить лишь косвенное представление по данным газеты «Голос Народной армии» и протоколам допросов арестованных участников антибольшевистского движения.

Газетные материалы указывают, что множество распоряжений, касавшихся не только вопросов безопасности или политической жизни, минуя гражданские органы управления, исходили от военных властей.

¹⁶ Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Freq%3Ddoc%3Bbase%3DESU%3Bn%3D4029#0> (дата обращения: 12.07.2017).

¹⁷ Голос Народной Армии. 1921. 26 марта.

¹⁸ Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Тобольск, 1914. С. 37, 38.

¹⁹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск, 1915. С. 38, 68.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ Там же.

²² ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 139. Л. 11 об.

²³ Там же. Д. 122. Л. 21.

Так, согласно приказу штаба от 3 марта, «Граждане, уличенные в употреблении спиртных напитков, подлежат преданию военному суду, который будет применять к ним высшую меру наказания вплоть до расстрела»²⁴. Приказом от 14 марта эта норма была распространена и на сельскую местность, правда, без угрозы смертной казни²⁵.

Предание военно-полевому суду предполагалось не только за уклонение от мобилизации в Народную армию, но и за: несвоевременную подачу сведений домовладельцами и квартирохозяевами письменных заявлений об опечатанных складах с указанием хранящегося имущества, а также обо всех оставленных коммунистами на квартирах вещах²⁶; не сдачу пороха и дрови в трехдневный срок; непредоставление домовладельцам и квартиранимателям сведений о лицах, выбывших и прибывших «с указанием куда выбыл откуда прибыл»²⁷ и т.п.

За подписью начальника гарнизона г. Тобольска 11 марта вышел приказ о запрете гражданам города выпускать собак без намордников. Нарушителям грозило тюремное заключение до 3 месяцев²⁸. Такой же срок можно было получить согласно приказу начальника гарнизона от 17 марта за «распространение ложных слухов»²⁹. Военными властями был закрыт городской театр под предлогом, что «не время веселиться» в период напряженной борьбы с коммунистической угрозой. Во всех указанных выше случаях задачи контроля за исполнением приказов возлагались на городскую милицию.

Часто различные объявления, издававшиеся от имени военных, сопровождалась угрозами самого общего свойства, без конкретизации: «виновные лица в неисполнении тех или других распоряжений, будут привлекаться к самой суровой ответственности по законам военного времени»³⁰.

Таким образом, вопросы городской жизни регулировалось штабом Народной армии и начальником гарнизона вне правового поля. Это было связано, с одной стороны, с тем обстоятельством, что система гражданского судопроизводства в течение марта находилась в организационной стадии и к планомерной работе приступить не могла, с другой — с условиями военного времени, требовавшими быстрых и жестких решений.

Примерно такая же ситуация наблюдалась и в подчиненном Тобольску Сургуте. По показаниям секретаря Сургутской Военно-следствен-

ной комиссии М.А. Носкова: «Большинство обысков и арестов производились проходящими отрядами, которые лишь требовали от Комитета [общественной безопасности] представителя или понятых... Сам Комитет был против репрессий, но приходящие отряды, а равно мстительность населения вынуждали его делать не так, как это хотел бы сам Комитет... Военно-Следственная Комиссия производила только следствия или, вернее, рассматривала следственный материал и сообразно с таковым решала, или отпустить обвиняемого на свободу или оставить его под арестом до суда, а также определяла, какому суду подлежит... Вообще же права и обязанности Комиссии никаким письменным наказом не были определены»³¹.

Таким образом, на местах аресты, а часто и внесудебные расправы, производились командованием отдельных повстанческих отрядов без согласования, а иногда и вопреки мнению представителей гражданских властей. В источниках встречаются упоминания об «арестных домах при банде»³² (т.е. о содержании арестованных непосредственно при повстанческих отрядах). Здесь не стеснялись применять самые жестокие меры по отношению к своим реальным и потенциальным врагам. В некоторых случаях старались связать кровью тех людей, которые попали в плен и заявляли, что готовы служить повстанцам. Встречаются такие способы казни, как «размозжил голову пешней коммунисту» (по показаниям арестованного Бесперстова)³³.

О том, что аресты политических противников на контролируемой повстанцами территории носили массовый и малообоснованный характер, свидетельствует один из приказов по гарнизону г. Тобольска и его уезда. Документ констатирует, что из штабов и волисполкомов поступают арестованные женщины с детьми, и предписывает направлять в город лишь явных приспешников коммунистической власти, в качестве сопроводительных документов представлять постановления сельских или волостных обществ с подписями. «Военно-Гражданским особым следственным комиссиям...» давалось указание: «если не обнаружат прямой или косвенной связи с коммунистами», освобождать арестованных и передавать по месту жительства под надзор милиции, волисполкомов и сельсоветов. В дальнейшем поднадзорные должны являться для регистрации и учета в городе два раза в неделю, в среду и субботу, в милицию, в сельской местности — раз в неделю в волисполкомы и сельсоветы. Поднадзорные не имели права выезда с места жительства.

²⁴ Там же. Л. 15.

²⁵ Там же. Л. 32.

²⁶ Там же. Л. 26.

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Там же. Л. 29.

²⁹ Там же. Л. 44.

³⁰ Там же. Л. 13.

³¹ ГАТомО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 125. Л. 19–20 об.

³² Там же. Д. 81. Л. 14.

³³ Там же.

Особый отдел штаба Народной армии выдавал им взамен паспортов удостоверения³⁴.

Об огромной дистанции между провозглашенными повстанцами демократическими принципами судопроизводства и их практическим применением говорит примечательная заметка, помещенная в одном из номеров «Голоса Народной Армии». «Письмо в редакцию» сообщало, что 26 марта в дом автора явилась группа из шести человек, часть из которых была вооружена и провела несанкционированный обыск. «Обыскивающие перерыли все небольшие запасы продуктов, заглядывали во все углы, лазали на чердак... сопровождая все это плоскими замечаниями»³⁵. Происшествие можно было бы в условиях нестабильной военной обстановки назвать рядовым, если бы обыск не проводился в доме председателя Тобольского окружного суда П.Е. Маковецкого — высшего должностного лица гражданского судопроизводства повстан-

ческой власти! Что в таком случае ожидало простых обывателей, можно только догадываться.

Нарушения были массовыми, о чем свидетельствует тот факт, что 27 марта КГС избрал в комиссию при штабе Народной армии двух представителей для разбора жалоб «по поводу проведенных в городе обысков».

Как и в случае с другими политическими режимами, претендовавшими на роль выразителя общенародных интересов, повстанцы не смогли восстановить закон и порядок на подконтрольной им территории.

Развитие судебной системы сторонников «советской власти без коммунистов» было прервано взятием частями Красной армии Тобольска 8 апреля 1921 года. Руководители движения и остатки Народной армии отступили на север, где сопротивление продолжалось еще в течение полутора месяцев. В этот последний период существования повстанческой квазигосударственности формы управления и судопроизводства приняли исключительно чрезвычайный характер.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142. Л. 96.

³⁵ Там же. Л. 218.

Литература

1. Богданов М.А. Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. / М.А. Богданов. Тюмень: [б. и.], 1961. 111 с.
2. Вестник Временного Тобольского Городского Совета. 1921. 25 февраля.
3. Голос Народной Армии: Издание Тобольского Штаба Народной Армии. 1921. 1, 6, 8, 11, 28, 29 марта.
4. ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048 (Архивная коллекция документов личного происхождения «Воспоминания участников установления Советской власти и Гражданской войны»).
5. ГАТомО — Государственный архив Томской области. Ф. Р-236 (Томский губернский революционный трибунал (губревтрибунал)).
6. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?3Freq%3Ddoc%3Bbase%3DESU%3Bn%3D4029#0> (дата обращения: 12.11.2017).
7. Лагунов К.Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания / К.Я. Лагунов. Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1991. 144 с.
8. Московкин В.В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 г. / В.В. Московкин // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 46–65.
9. Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Тобольск : Губернская типография, 1914. 114 + 101 с.
10. Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск : Губернская типография, 1915. 178 + 75 с.
11. Петрушин А.А. Особенности органов власти, созданных на территории, контролируемой повстанцами (на примере Сургутского Комитета общественной безопасности и Тобольского Крестьянско-Городского совета / А.А. Петрушин // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года. Материалы Дня истории. 15 февраля 2001 г. Тюмень : [б. и.], 2001. С. 18–23.
12. Третьяков Н.Г. Западно-Сибирское восстание 1921 года : автореф. дисс ... канд. ист. наук / Н.Г. Третьяков. Новосибирск, 1994. 22 с.
13. Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. / В.И. Шишкин // История сталинизма: крестьянство и власть : материалы международной научной конференции. Сер. «История сталинизма». Екатеринбург : РОССПЭН, 2011. С. 129–142.
14. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41 (Свердловский (Уральский) истпарт).

References

1. Bogdanov M.A. Razgrom Zapadno-Sibirskogo kulatsko-eserovskogo myatezha 1921 g. [Overthrow of the West Siberia Kulak Socialist Revolutionary Uprising of 1921] / M.A. Bogdanov. Tyumen : [b. i.] — Tyumen : [no publishing house specified], 1961. 111 s.
2. Vestnik Vremennogo Tobolskogo Gorodskogo Soveta [Bulletin of the Provisional Tobolsk Town Council]. 1921. February 25.
3. Golos Narodnoy Armii: Izdanie Tobolskogo Shtaba Narodnoy Armii [The Voice of the People's Army: Periodical of the Tobolsk Headquarters of the People's Army]. 1921. March 1, 6, 8, 11, 28, 29.
4. GASPITO. Gosudarstvenny'y arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti. F. 4048 (Arkhivnaya kolleksiya dokumentov lichnogo proiskhozhdeniya «Vospominaniya uchastnikov ustanovleniya Sovetskoy vlasti i Grazhdanskoy voyny'») [SASPHTR — State Archive of Sociopolitical History of the Tyumen Region. File 4048 (Archive Collection of Personal Provenance Documents Memoirs of Participants of Establishment of the Soviet Rule and the Civil War)].
5. GATomO. Gosudarstvenny'y arkhiv Tomskoy oblasti. F. R-236 (Tomskiy gubernskiy revolyutsionny'y tribunal (gubrevtribunal)) [SATR. State Archive of the Tomsk Region. File P-236 (Tomsk Governorate Revolutionary Tribunal (Govrevtribunal))].
6. Dekret SNK RSFSR ot 24.11.1917 «O sude» [Decree of the Council of People's Commissars of RSFSR of November 24, 1917, On Court] [Electronic source] // Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Freq%3Ddoc%3Bbase%3DESU%3Bn%3D4029#0> (reference date: November 12, 2017).
7. Lagunov K.Ya. Dvadsat pervy'y: Khronika Zapadno-Sibirskogo krestyanskogo vosstaniya [The Twenty-First: Chronicle of the West Siberia Peasant Uprising] / K.Ya. Lagunov. Sverdlovsk : Sredne-Uralskoe kn. izd-vo — Sverdlovsk : Middle Ural Book Publishing House, 1991. 144 s.
8. Moskovkin V.V. Vosstanie krestyan v Zapadnoy Sibiri v 1921 g. [The West Siberia Peasant Uprising of 1921] / V.V. Moskovkin // Voprosy' istorii — Issues of History. 1998. № 6. S. 46–65.
9. Pamyatnaya knizhka Tobolskoy gubernii na 1914 god [Memorandum Book of the Tobolsk Governorate for 1914]. Tobolsk : Gubernskaya tipografiya — Tobolsk : Governorate Printing Office, 1914. 114 + 101 s.
10. Pamyatnaya knizhka Tobolskoy gubernii na 1915 god [Memorandum Book of the Tobolsk Governorate for 1915]. Tobolsk : Gubernskaya tipografiya — Tobolsk : Governorate Printing Office, 1915. 178 + 75 s.
11. Petrushin A.A. Osobennosti organov vlasti, sozdanny'kh na territorii, kontroliruemoy povstantsami (na primere Surgutskogo Komiteta obschestvennoy bezopasnosti i Tobolskogo Krestyansko-Gorodskogo soveta) [Peculiarities of the Authorities Established on the Territory under the Control of the Rebels (on the Example of the Surgut Public Safety Committee and the Tobolsk Peasant City Council)] / A.A. Petrushin // Zapadno-Sibirskoe krestyanskoe vosstanie 1921 goda. Materialy' Dnya istorii. 15 fevralya 2001 g. — The West Siberia Peasant Uprising of 1921. Materials of the History Day. February 15, 2001. Tyumen : [b. i.] — Tyumen : [no publishing house specified], 2001. S. 18–23.
12. Tretyakov N.G. Zapadno-Sibirskoe vosstanie 1921 goda : avtoref. diss ... kand. ist. nauk [The West Siberia Peasant Uprising of 1921 : author's abstract of thesis of ... Candidate of Historical Sciences] / N.G. Tretyakov. Novosibirsk — Novosibirsk, 1994. 22 s.
13. Shishkin V.I. Vooruzhennoe soprotivlenie sibirskogo krestyanstva kommunisticheskomu rezhimu v nachale 1920-kh gg. [Armed Resistance of the Siberia Peasantry to the Communist Regime in the Early 1920s] / V.I. Shishkin // Istoriya stalinizma: krestyanstvo i vlast: materialy' mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ser. «Istoriya stalinizma» — The History of Stalinism: Peasantry and Authorities: Materials of an International Scientific Conference. Series The History of Stalinism. Ekaterinburg : ROSSPEN — Ekaterinburg : Political Encyclopedia publishing house, 2011. S. 129–142.
14. TsDOOSO. Tsentri dokumentatsii obschestvenny'kh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. F. 41 (Sverdlovskiy (Uralskiy) istpart) [CDPOSR. Centre for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region. File 41 (Sverdlovsk (Ural) History of the Party)].

Судебник Ивана Грозного: права и полномочия судебного пристава в период реформ Ивана IV

Семяхина Елизавета Дмитриевна,*
студент 3 курса кафедры
«Финансы и экономическая безопасность»
экономического факультета
Курганского государственного университета
elizaveta.semyahina@mail.ru

В данной научной работе автор изучает и анализирует права и полномочия судебного пристава во времена правления Ивана Грозного и сравнивает их с современным этапом.

Методы проведенных исследований состояли из поиска информации, теоретического анализа Судебника 1550 года, эмпирического анализа, изучения и обобщения полученных фактов.

Основными результатами научного исследования являются сущность видов должностей судебных приставов во времена правления Ивана IV, особенности прав и полномочий судебных приставов, анализ и различия между ФССП современной России и службой судебных приставов в XVI веке.

Ключевые слова: Иван IV Грозный, Судебник 1550 года, служба судебных приставов, недельщики, заговорщики, исполнительное производство, суд, истец и ответчик.

The Ivan the Terrible's Code of Laws: Bailiff's Rights and Powers in the Period of Reforms of Ivan IV

Semyakhina Elizaveta D.
3rd year Student of the Department of Finance and Economic Security of the Faculty of Economics
of the Kurgan State University

In this scientific work the author studies and analyzes the bailiff's rights and powers during the reign of Ivan the Terrible and compares them with the ones on the modern stage.

The performed research used such methods as search for information, theoretical analysis of the Code of Laws of 1550, empirical analysis, research and aggregation of the received facts.

The main results of the research are the essence of the bailiff position types during the reign of Ivan IV, peculiarities of the bailiff's rights and powers, analysis and differences between the Federal Bailiff Service of modern Russian and the bailiff service of the XVI century.

Keywords: Ivan IV the Terrible, the Code of Laws of 1550, bailiff service, nedelschiki, coup plotters, enforcement proceedings, court, claimant and defendant.

Судебник Ивана IV Грозного (Царский судебник) — сборник русского феодального права — был утвержден на заседании Земского собора на Руси в 1550 году и одобрен Стоглавым церковным собором в 1551 году.

В конце XV века на Руси появляются первые «приказы» — это центральные правительственные учреждения, ведающие отдельными отраслями управления. В основе приказной системы лежал принцип неразделенности административной и судебной власти, то есть судебные функции выполняли органы управления. По роду деятельности выделялись приказы функцио-

нальные и территориальные, дворовые и общегосударственные. Приказы создавались для решения различных задач. Во главе приказов стоял судья, иногда имевший специальный титул: дворецкий, окружничий, казначей и другие.

В судебной системе, в соответствии с законодательством, ни один судья не обходится без помощника. Значительную роль в решении судебных исков играл пристав. Это было официальное лицо, которое со специальной грамотой — приставной, то есть грамотой, дающей право на ведение им дел, могло самостоятельно решать тот или иной судебный вопрос за пределами волости.

* Научный руководитель: Бушмакин Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Курганского государственного университета, доцент.

Прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению прав и обязанностей судебных приставов, нужно определить, кто такие судебные приставы, как на самом деле они именовались и в чем заключается значение их должности.

Недельщики — это особые судебные исполнители (приставы), называемые так во времена допетровской Руси, исполнявшие свои обязанности по неделям («быть в неделях»). Недельщикам запрещалось посылать за ответчиком своих родных или знакомых, но для несения службы им разрешалось иметь не более 7 ответственных помощников — ездовых (потому что кормление не должно было разрастаться в крупное предприятие)¹.

Новым звеном аппарата судебных приставов стали заговорщики. Это люди, вступившие с недельщиком в заговор с целью совместного несения его служебных обязанностей и получения соответствующего вознаграждения. Круговая порука (ответственность всех за каждого и каждого за всех) заговорщиков, отвечавших за неправильные действия одного из них своим имуществом, гарантировала возмещение нанесенного стороне вреда. Заговорщики были сослуживцами недельщиков, в отличие от подвластных ему ездовых.

Недельщиков контролировал приказной дьяк (государственный служащий, начальник органа управления (приказа)). Дьякам в приказах предписывалось Судебником завести особые книги для учета недельщиков и ездовых. Утвержденный в должности, он обязан был определить число заговорщиков (помощники недельщика и ездовых), привести к дьякам — кормленщикам и записать в книги². Это закрепляло ездовых за определенным недельщиком по особому договору и усиливало контроль за деятельностью судебных приставов на предмет взыскания с них убытков потерпевших, а также исключало появление самозванных приставов, притесняющих население под видом государевых слуг.

Судебные приставы — это государственные служащие, задача которых — обеспечить исполнение судебных решений и постановлений.

Полномочия судебных приставов в Московской Руси были достаточно широки и включали в себя элементы судебной и следственной деятельности:

- 1) досудебное исследование обстоятельств совершенного преступления;
- 2) соби́рание доказательств;
- 3) обеспечение надлежащего порядка при рассмотрении дела в суде;
- 4) контроль за своевременной уплатой судебных пошлин;

5) розыск и принудительный привод ответчика или обвиняемого, уклоняющегося от явки в судебное заседание;

6) обеспечение исполнения решения суда;

7) содержание до суда ответчика или обвиняемого (а последнего и после суда).

К примеру, по некоторым источникам известно, что после сдачи Тулы царским войскам в 1607 году Иван Болотников был доставлен в Москву, где мог свободно передвигаться, но в сопровождении приставов.

По сложившейся традиции закрепленный за каким-либо населенным пунктом судебный пристав являлся воплощением правосудия, представителем государственной власти. И даже играл роль защитника государства.

Права и полномочия судебных приставов по Судебнику 1550 года

В основу Судебника 1550 года, как известно, были положены статьи Судебника 1497 года. Однако новый Судебник засвидетельствовал усиление роли центральных судебных органов в государственном управлении. В том числе была упорядочена и деятельность судебных приставов.

Судебный пристав сам составлял приставную грамоту, как документ на получение своего дохода³. Статья 44 «О приставных» Судебника регламентирует порядок выдачи приставных грамот, то есть грамот, разрешавших приставу брать на поруки ответчика при вызове в суд, производить обыски и другие действия, необходимые для расследования дела или приведения в исполнение приговора. Приставная грамота выдавалась только в том случае, когда цена иска превышала затраты, необходимые для отправки пристава за ответчиком. В настоящее время судебные приставы отправляются к ответчику в случае, когда к ним в службу поступил какой-либо из установленных законом исполнительный документ (судебный приказ, соглашение, акт, запрос, исполнительный лист, постановление).

Что касается вопроса установления минимального барьера для предъявления исковых требований в суд, то действующее законодательство РФ не устанавливает минимальный размер материальных претензий для обращения в суд с иском в защиту своих нарушенных прав.

Таким образом, взыскиваемая сумма зависит, скажем так, от здравого смысла, вряд ли кто-то судится из-за 100 рублей, но может и имеет право.

И все же с данной проблемой современные судебные приставы сталкивались. Это имело место в том случае, когда фонд социального страхования и пенсионный фонд предъявляли на исполнение постановления о взыскании

¹ Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 238.

² Там же.

³ Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 32, 44.

пеней и штрафов. Иной раз суммы составляли менее 1 рубля. Говорить здесь о целесообразности взыскания даже не стоит. Поэтому в 2013 году принят 358-й Федеральный закон, в котором определен минимальный предел суммы задолженности в пользу фондов для предъявления исполнительного документа к принудительному исполнению. В частности, в пользу Пенсионного фонда и Фонда обязательного медицинского страхования — 1,5 тыс. рублей, для Фонда социального страхования — 500 рублей.

При оформлении срочной грамоты недельщик получал одно хоженое (это пошлина, платившаяся недельщику и ездоку за выполнение обязанностей ими в пределах города) с обеих сторон, истца и ответчика⁴. В настоящее время пошлина переросла в исполнительский сбор. Согласно ст. 112 ФЗ «Об исполнительном производстве», исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства. Исполнительский сбор зачисляется в федеральный бюджет⁵.

Для примера: по данным итогового доклада о деятельности Федеральной службы судебных приставов в 2016 году, полученного с официального интернет-сайта ФССП России, Федеральной службе судебных приставов выделено 46 млрд рублей. В результате деятельности ФССП России в федеральный бюджет перечислено 183 млрд рублей.

Полномочия судебных приставов

Со стороны центральных органов над органами местного управления происходило усиление контроля, проводимого посредством кормленых дьяков. В их руках был сосредоточен контроль над весьма важной стороной в деятельности органов местного самоуправления, а именно, над исполнительной судебной властью, которой являлись недельщики. Похожая форма управления сохранилась и в наше время. По ФЗ «О судебных приставах» можно наблюдать, что Главный судебный пристав РФ, а также Главный судебный пристав субъекта РФ осуществляет руководство деятельностью службы судебных приставов субъекта РФ по исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц⁶.

Это говорит о том, что поддержание надзора, что в XVI веке, что в XXI веке, всегда способствовало усилению правопорядка и сохранению строго выстроенной иерархии в данном виде деятельности.

Недельщики обязывались посылать за вызываемыми людьми ездоков с приставной грамотой, то есть людей, принимавших на себя обязанность вызова по особым договорам с недельщиками. Данное обязательство по Судебнику 1550 года нашло отголоски в роли права по закону «О судебных приставах». Так, например, старший судебный пристав имеет право возложить на своих заместителей исполнение обязанностей судебного пристава-исполнителя, а в случае, если они прошли специальную подготовку, военно-врачебную экспертизу, периодическую проверку (не реже одного раза в год) на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, — судебному приставу по обеспечению установленного порядка деятельности судов⁷.

Лица, называемые как заговорщики и ездоки, являются непременными участниками в работе недельщика. Оба они подлежали записям в книгах за именем недельщика, поэтому в его обязанности было нести ответственность за их служебные преступления⁸. К примеру, Скурат Оничков 17 августа 1568 года бил челом царю Ивану Васильевичу о своем нежелании делиться доходами по должности «недельщика» со своими товарищами — «заговорщиками» и нести имущественную ответственность за «проделку» — превышение полномочий или неисправную службу. Очевидно, после этого «недельщик» должен был либо подыскать себе новых «заговорщиков», либо оставить службу. Наказание за превышение своих должностных обязанностей нашло отражение и в современном законодательстве. Так, по закону «О судебных приставах» пристав несет ответственность за проступки и правонарушения в соответствии с законодательством РФ, а также ущерб, причиненный судебным приставом гражданам и организациям, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством РФ⁹.

судебного пристава Российской Федерации. URL: <http://fssprus.ru> (дата обращения: 21.11.2017).

⁷ ФЗ от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (в ред. от 03.07.2016). Статья 10. Полномочия старшего судебного пристава. URL: <http://fssprus.ru> (дата обращения: 21.11.2017).

⁸ Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 238.

⁹ ФЗ от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (в ред. от 03.07.2016). Статья 19. Ответственность судебных приставов, надзор и контроль за их деятельностью. URL: <http://fssprus.ru> (дата обращения: 22.11.2017).

⁴ Цыганов В.Б. Судебник 1550 г. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>. Ст. 49 (дата обращения: 12.11.2017).

⁵ ФЗ «Об исполнительном производстве» (в редакции от 28.12.2016). URL: <http://fssprus.ru> (дата обращения: 03.11.2017).

⁶ ФЗ от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (в ред. от 03.07.2016). Статья 8. Полномочия главного

Недельщикам запрещалось брать взятки для себя или для судей, бояр, окольных, дворянских. За взятку наказывали торговой казнью, взыскивали сумму в тройном размере, из недельщиков увольняли¹⁰. К сожалению, коррупция в современном обществе довольно частое явление, которое со временем в своих показателях только увеличивается. Не обходит стороной она и службу судебных приставов. Так, в 2016 году по должностным преступлениям возбуждено 314 уголовных дел в отношении 292 работников, а также граждан, ранее проходивших службу в ФССП России¹¹.

Пристав, как и недельщик, засылался по иску¹². Пристав был обязан ездить из Москвы за ответчиком в определенные места (например, Езерецкое село)¹³, указанные в Судебнике. Пристав отправлялся за отсутствующими ответчиками во время судебного заседания¹⁴. Данный факт сохранился и в настоящем законе «О судебных приставах»: «Судебный пристав обязан на основании постановления суда (судьи) или дознавателя службы судебных приставов осуществлять привод лиц, уклоняющихся от явки по вызову суда», а также судебный пристав имеет право: «при осуществлении привода лица, уклоняющегося от явки по вызову суда, входить на территории, в помещения в целях задержания и принудительного доставления лица, уклоняющегося от явки по вызову»¹⁵. Что же касается отправки пристава по иску, то здесь форма уведомления частично сохранилась. Судебный пристав извещает ответчика или должника в письменной форме в виде повестки или извещения.

Судебный пристав обязывался высылать повестку свидетелю для явки в суд. В случае неверного указания даты свидетель мог предъявить судебный иск приставу¹⁶. Как уже рассматривалось выше, данный элемент исполнительного судопроизводства эволюционировал и до наших дней. В направляемой судебным приставом-исполнителем повестке или ином извещении

должна содержаться следующая информация: наименование и адрес подразделения судебных приставов, наименование адресата, указание, в качестве кого извещается или вызывается адресат, наименование или номер исполнительного производства, по которому извещается или вызывается адресат, дата, время и место совершения исполнительного действия или применения меры принудительного исполнения, последствия неявки адресата по вызову.

В случае «смесного» суда (суд, состоящий из представителей центральных и местных органов) истца и ответчика судили два судьи. Пристав посылал кого-либо за судьей для одной из сторон¹⁷. В современном судопроизводстве одно дело рассматривает один судья, но перед вынесением заключительного приговора он вправе посоветоваться с другими судьями в совещательной комнате. В обязанности пристава входит обеспечение судебного процесса, например в ФЗ «О судебных приставах» сказано: «Судебный пристав обязан обеспечивать в суде, а при выполнении отдельных процессуальных действий вне здания, помещений суда безопасность судей, присяжных заседателей и иных участников судебного процесса; обеспечивать по поручению судьи безопасность доставки уголовного дела и вещественных доказательств к месту проведения судебного заседания; поддерживать общественный порядок в здании, помещениях суда; выполнять распоряжения председателя суда, председательствующего в судебном заседании судьи по обеспечению общественного порядка в здании, помещениях суда; осуществлять охрану здания, помещений суда»¹⁸. Эти положения позволяют сделать вывод о том, что круг обязанностей судебных приставов по организации судебного заседания с веками значительно расширился и основывается на поддержании полной безопасности всех участников данного процесса.

Недельщика посылали арестовывать воров и разбойников¹⁹. Ему запрещалось без решения суда выдавать на поруки и освобождать сидящих ворах²⁰. А в действующем ФЗ «О судебных приставах» судебный пристав-исполнитель имеет право: «арестовывать, изымать, передавать на хранение и реализовывать арестованное имущество, за исключением имущества, изъятого из оборота в соответствии с законом; налагать арест на денежные средства

¹⁰ Цыганов В.Б. Судебник 1550 г. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>. Ст. 32 (дата обращения: 17.11.2017).

¹¹ Итоговый доклад о деятельности Федеральной службы судебных приставов в 2016 году // ФССП России. URL: http://fssp.ru/files/fssp/db/files/201704/itogovyy_doklad_z_a_2016_god_2017441647.pdf (дата обращения: 03.11.2017).

¹² Цыганов В.Б. Судебник 1550 г. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>. Ст. 50 (дата обращения: 18.11.2017).

¹³ Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 216.

¹⁴ Цыганов В.Б. Судебник 1550 г. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>. Ст. 20 (дата обращения: 18.11.2017).

¹⁵ Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (в ред. от 03.07.2016). Статья 11. Обязанности и права судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов. URL: <http://fssp.ru> (дата обращения: 23.11.2017).

¹⁶ Цыганов В.Б. Судебник 1550 г. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>. Ст. 18 (дата обращения: 18.11.2017).

¹⁷ Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 215.

¹⁸ ФЗ от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (в ред. от 03.07.2016). Статья 11. Обязанности и права судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов. URL: <http://fssp.ru>. (дата обращения: 25.11.2017).

¹⁹ Цыганов В.Б. Судебник 1550 г. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>. Ст. 53 (дата обращения: 19.11.2017).

²⁰ Там же.

и иные ценности должника в размере, указанном в исполнительном документе»²¹. Таким образом, в настоящее время пристав не имеет права арестовывать виновных людей, как это разрешалось в XVI веке, он может только арестовывать различные виды имущества и накладывать штрафы.

Недельщику запрещалось, в случае выдачи кого-то на поруки, затягивать дело с истцом и ответчиком, немедленно нужно было представлять их судьям²². Иными словами, соблюдение сроков, которыми ограничивается производство у судебного пристава, является неотъемлемой обязанностью каждого судебного пристава и в наше время. Согласно ФЗ «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 года № 229, после того как исполнительный акт вместе с заявлением об исполнении попадает в исполнительный орган, до его передачи конкретному приставу может пройти до 3 дней. И еще 3 дня есть у самого пристава, чтобы возбудить исполнительное производство. Само же производство длится не более 2 месяцев (ч. 1 ст. 36 ФЗ № 229-ФЗ). Именно такой срок отводится приставу для проведения всех необходимых действий в целях исполнения требований взыскателя.

В результате анализа можно сделать выводы о том, что институт судебных приставов во времена Ивана Грозного претерпевал множество изменений и таким образом совершенствовался в своем развитии. Если сравнивать статьи Судебника 1550 года с ФЗ № 118-ФЗ «О судебных приставах», то можно увидеть, как изменялись наименования должностей исполнительного судопроизводства, названия судебных документов, а обязанности и полномочия судебных исполнителей значительно конкретизировались.

Федеральная служба судебных приставов пережила кардинальные изменения со времен Судебника 1550 года. Современное исполнительное производство характеризуется тем, что:

1) судебные приставы подразделяются на судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и судебных приставов-исполнителей. Именно на судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов возложена обязанность по принудительному приводу в суд ответчиков и свидетелей, обеспечению безопасности судебных заседаний. Судебные приставы-исполнители исполняют уже вынесенные и вступившие в законную силу решения судов и иных уполномоченных органов;

2) каждый пристав исполняет возложенные на него обязанности в структурных подразделениях Федеральной службы судебных приставов и структурных подразделениях территориальных органов Федеральной службы судебных приставов;

3) современные судебные приставы, как и их предшественники, могут применять большой объем мер принудительного воздействия на должника. С течением времени под влиянием процессов гуманизации общественных отношений, расширения личных свобод и прав человека изменились и способы воздействия на должников. Сегодня в рамках федерального законодательства судебные приставы могут ограничить выезд должника из страны, временно лишить права на управление транспортным средством, объявить розыск должника и его имущества, но наложить арест можно только на имущество, права на арест должников судебные приставы не имеют.

Прошло много веков, и сегодня в России полномочия и обязанности судебных приставов стали еще более глубокими и расширенными, многое осталось в прошлом, и все же неизменными остаются цели и задачи судебных приставов во все времена — это защита законных интересов государства и его граждан.

²¹ ФЗ от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (в ред. от 03.07.2016). Статья 12. Обязанности и права судебных приставов-исполнителей. URL: <http://fssprus.ru>. (дата обращения: 25.11.2017).

²² Цыганов В.Б. Судебник 1550 г. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>. Ст. 49 (дата обращения: 19.11.2017).

Литература

1. Греков Б.Д. Судебники XV–XVI веков / Б.Д. Греков. М. : Академия наук СССР, 1952. 640 с.
2. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической истории России середины XVI в. / А.А. Зимин. М. : Соцэкгиз, 1960. 512 с.
3. Цыганов В.Б. Судебник 1550 г. / В.Б. Цыганов. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>

References

1. Grekov B.D. Sudebniki XV–XVI vekov [Codes of Laws of the XV to the XVI Centuries] / B.D. Grekov. Moskva : Akademiya nauk SSSR — Moscow : the Academy of Sciences of the USSR, 1952. 640 s.
2. Zimin A.A. Reformy' Ivana Groznogo: ocherki sotsialno-ekonomicheskoy istorii Rossii serediny' XVI v. [The Ivan the Terrible's Reforms: Essays on the Russian Socioeconomic History of the Middle of the XVI Century] / A.A. Zimin. Moskva : Sotsekgiz — Moscow : Publishing House of Socioeconomic Literature, 1960. 512 s.
3. Tsyganov V.B. Sudebnik 1550 g. [The Code of Laws of 1550] / V.B. Tsyganov. URL: <http://www.ipsub2.udsu.ru>

DOI:10.18572/1812-3805-2018-1-57-60

Судебные и сельские исполнители в жизни крестьян Брянской губернии 1920-х гг.

Кулачков Вадим Витальевич,
доцент кафедры философии, истории и социологии,
Брянского государственного
инженерно-технологического университета,
кандидат исторических наук,
бакалавр юриспруденции
vad2517@yandex.ru

В данной статье рассматривается роль судебных и сельских исполнителей в жизни крестьян Брянской губернии 1920-х гг. Реализация на практике судебных и иных решений в сельской местности имела свою специфику, т.к. их могли выполнять не только судебные исполнители, но и представители других структур. Большое количество дел, слабость органов власти на местах, недостаточная квалификация и престижность деятельности способствовали проблемам в исполнении решений. Одновременно с этим работа судебных и сельских исполнителей способствовала укреплению порядка и законности в сельской местности, повышению правовой культуры.

Ключевые слова: судебные и сельские исполнители, крестьянство, Брянская губерния, новая экономическая политика, милиция, общественный порядок, правовая культура, законность.

Court and Rural Bailiffs in the Life of the Peasants of the Bryansk Governorate in the 1920s

Kulachkov Vadim V.
Assistant Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology of the Bryansk State Technological University of Engineering
Candidate of Historical Sciences
Bachelor of Laws

This article discusses the role of the judiciary and rural artists in the life of the peasants in the Bryansk province of the 1920s, the Realization of fate-governmental and other decisions in the rural area had its own specifics, because they could perform not only the officers of the court, but also representatives of other structures. A large number of cases, the weakness of the authorities in the field, lack of qualified and kudos activity contributed to problems in implementation. Simultaneously, the judicial and rural artists contributed to the strengthening of law and order in rural areas, improving legal culture.

Keywords: court and rural artists, the peasantry, Bryansk province, the new economic policy, police, public order and legal culture, the rule of law.

После революции 1917 года в России начался слом старой судебной системы и формирование новых судебных структур. Эти кардинальные изменения отразились и на институтах исполнения решений, к которым прежде всего относились системы исполнения решений судов и местных органов власти. Понятно, что между вынесением решения и его реализацией на практике может быть дистанция огромного размера, поэтому конечное неисполнение вынесенного решения будет негативно влиять на престиж властных структур вообще и судебных в частности. Целью данной статьи является рассмотрение деятельности судебных и сельских исполнителей в жизни крестьян Брянской губернии 1920-х гг.

В современной отечественной историографии среди работ, посвященных исполнению решений судов и органов власти, можно выделить труды Р.С. Абдулина, В.М. Голубева, Д.Н. Парфирьева¹, которые изучают специфику деятельности преимущественно судебных исполнителей.

¹ Абдулин Р.С. Кадровое и организационное обеспечение судебной системы после Октябрьской революции 1917 г. // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 70–74 ; Голубев В.М. Становление института судебных исполнителей в советской России (1917–1941 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2 (7). С. 254–259 ; Парфирьев Д.Н. Должностные лица, осуществляющие принудительное исполнение судебных актов в период после образования СССР и до начала Великой Отечественной войны // Ученые записки

Кроме судебных исполнителей к должностным лицам, которые выполняли решения органов власти, относились и сельские исполнители. Основной их функцией было исполнение решений сельских советов, т.к., по обоснованному мнению Д.Н. Парфирьева, «в сельских местностях исполнение могло возлагаться на районные исполнительные комитеты, сельские советы и на органы милиции в случае отсутствия должности судебного исполнителя при народном суде соответствующего участка»². Изучению деятельности именно сельских исполнителей посвящены работы Л.В. Алиевой, И.В. Кацубы, О.Н. Мигушенко и др.³ Таким образом, деятельность судебных и сельских исполнителей рассматривается в современной отечественной историографии, но остаются пробелы в изучении региональной специфики данной темы.

К основным законодательным актам, в которых регламентировалась деятельность судебных исполнителей, относятся Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г.⁴, Положение о судеустройстве РСФСР 1926 г.⁵. В них указывалось, что судебный исполнитель является основным в плане реализации на практике судебных решений. Однако дополнительно из-за кадрового дефицита функции исполнения могли выполнять милиция, волостные исполнительные комитеты и сельские советы. Можно согласиться с выводом Д.Н. Парфирьева о том, что «...законодатель, употребляя различные наименования, не отождествляет «лиц, исполняющих судебное решение» и «судебных приставов», как бы подразумевая, что исполнять судебные решения могут не только судебные приставы (что отражало реальную ситуацию того времени)»⁶.

Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2016. Т. 12. С. 196–202.

² Парфирьев Д.Н. Указ. соч. С. 200.

³ Алиева Л.В. Сельский исполнитель в пространстве власти русской деревни 1920–1930-х гг. // Материалы международной научно-практической конференции «Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России)», Псков, 13 ноября 2014 г. Псков : Псковский государственный университет, 2015. С. 49–56 ; Кацуба И.В. Сельские исполнители как форма участия граждан в охране общественного порядка в СССР // История государства и права. 2009. № 3. С. 34–36 ; Мигушенко О.Н. Привлечение населения к охране общественного порядка и борьбе с преступностью в 30-е — 40-е годы XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 14. С. 62–75.

⁴ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1719.htm, свободный (дата обращения: 23.11.2017).

⁵ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lawru.info/dok/1926/11/19/n1202498.htm>, свободный (дата обращения: 23.11.2017).

⁶ Парфирьев Д.Н. Указ. соч. С. 196–197.

В материалах Государственного архива Брянской области отложились ценные материалы о контактах крестьянского населения с судебными и сельскими исполнителями. В переписке прокурора Брянской губернии с печатными средствами массовой информации за 1928 г. сохранилось письмо в редакцию газеты «Сельская правда» (рубрика «Крестьянский адвокат») от гражданина А.З. Саськова (пос. Нитоновское, Ояшинский район, Новосибирский округ). В письме он рассказывал, что в 1926 г. уехал из Клиновского уезда Брянской губернии и продал дом и надворные сооружения своему зятю М.Ф. Шиповаленкову за 80 руб. Вместо денег зять выдал расписку о том, что к 29 июня 1926 г. за дом рассчитается. Однако этого не произошло, и А.З. Саськов обратился в суд. Ему было предложено приехать на судебное заседание, но вместо этого он предпочел послать подлинную расписку, но положительного результата не получил. Собственно, поэтому он и обратился в газету с просьбой о юридической помощи⁷.

В результате А.З. Саськов получил ответ о том, что его дело было рассмотрено народным судом 12 мая 1928 г. в сумме иска 80 руб., поэтому теперь свои функции должен выполнить судебный исполнитель. Однако ему рекомендовали дать доверенность на какое-либо лицо для получения исполнительного листа и денег, т.к. судебный исполнитель может потребовать покрытия расходов по поездке и за совершение исполнительных действий, поэтому взыскание может затянуться⁸.

В последних фразах, как в зеркале, отражается реальная ситуация с исполнением судебных решений в 1920-е гг. По мнению В.М. Голубева, основанному на анализе опубликованных и архивных материалов, «...исполнение судебных решений было делом чрезвычайной сложности, так как на смену отлаженной бюрократической судебной системе пришли люди, по существу не подготовленные не только для управления правосудия, но и для исполнения судебных решений»⁹. К этому следует добавить, что в изучаемый период наблюдалось затягивание сроков исполнения судебных решений, которое было вызвано огромным количеством дел, отсутствием технических работников, недостаточной квалификацией. В итоге нарастала бюрократизация и волокита, низкий уровень заработной платы и невысокий статус судебных исполнителей способствовали кадровому дефициту и текучести кадров.

В свою очередь сельские исполнители действовали на основании Декрета «О сельских исполнителях», который был принят 27 декабря 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР. На должность

⁷ ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 271. Оп. 2. Д. 225. Л. 98.

⁸ Там же. Л. 101.

⁹ Голубев В.М. Указ. соч. С. 257.

сельского исполнителя обычно назначали гражданских лиц в возрасте от 18 до 50 лет (для мужчин) и до 45 лет (для женщин) сроком на два месяца, обладающих избирательными правами. За сельскими исполнителями закреплялся широкий круг обязанностей по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан. Согласно принятому советскому законодательству один сельский исполнитель назначался на 300 человек.

Милиция с согласия сельских советов имела право привлекать сельских исполнителей к исполнению различных поручений в плане задержания и конвоирования подозреваемых, выполнения обязанностей судебных приставов. Сельские исполнители несли ответственность как должностные лица органов власти. При этом сельские советы и, соответственно, сельские исполнители, могли принимать участие в исполнении не только своих, но и судебных решений. Так, В.М. Голубев отмечает, что «активное участие в исполнении мелких судебных решений принимали сельские советы, особенно в Сибири, где судьи самостоятельно решали, исполнение каких судебных решений можно поручить сельским советам»¹⁰.

Негативное влияние на деятельность сельских исполнителей, как и судебных, оказывала невысокая престижность их деятельности. Это приводило к тому, что наблюдались проблемы с исполнением решений органов местной власти. Этот тезис подтверждают архивные материалы прокуратуры Брянской губернии за 1928 г. В прокурорских циркулярах за декабрь 1928 г. отмечалось, что не соблюдается срок исполнения решений волостными милициями и сельскими советами, особенно по делам о лесопорубках. В качестве примера указывалось, что «по некоторым волостям прекращаются до 1000 протоколов. Так, например, в Трубчевской волостной милиции прекращено было более тысячи протоколов на сумму 12 тыс. рублей. Подобная «борьба» с лесонарушениями приводит к тому, что они не уменьшаются, а, наоборот, во многих лесхозах растут. Лесопорубщик остается безнаказанным»¹¹. Понятно, что именно безнаказанность и неисполнение решений способствовали расцвету незаконных порубок леса.

Кроме того, прокуратура Брянской губернии обращала особое внимание исполнению судебных взысканий на сумму до 15 руб., что являлось обязанностью сельских советов. Отмечалось, что «исполнение по исполнительным листам в

сельсовете возлагается, как правило, на председателя сельсовета... Взыскание по исполнительному листу сельсоветом должно быть произведено не позднее как в двухнедельный срок»¹². На практике, скорее всего, председатель поручал эти дела сельскому исполнителю, и сроки далеко не всегда соблюдались.

В связи с этим можно согласиться с обоснованным мнением О.Н. Мигущенко о том, что «институт сельских исполнителей, созданный в целях повышения общественной самостоятельности и обеспечения выполнения сельскими Советами заданий по охране общественного порядка, личной и общественной безопасности граждан, оказался не столь эффективным. С одной стороны, это вызывалось невнимательным отношением сотрудников милиции, а с другой — недостатками в организации деятельности сельских исполнителей сельскими Советами»¹³.

Поэтому для повышения значимости труда сельских исполнителей, т.к. материальные стимулы были малозначительны или вообще отсутствовали, в 1926 году был введен нагрудный знак. Размеры знака составляли 83 мм в длину и 60 мм в ширину. На нем была представлена советская символика в виде серпа и молота на фоне колосьев, пятиконечная звезда, внизу на стилизованной ленте была сделана надпись «сельский исполнитель». При этом лента покрывалась красной эмалью, а сам знак был золотисто-медный. Были случаи, что знак передавался от одного исполнителя к другому, при его потере могли выдать новый¹⁴.

Таким образом, судебные и сельские исполнители в жизни крестьян Брянской губернии 1920-х гг. играли противоречивую роль. Несмотря на сложные условия периода новой экономической политики, исполнение судебных и иных решений органов власти осуществлялось, правда, не всегда эффективно и в срок. Главными препятствиями к повышению результативности в исполнении решений были низкий уровень материального стимулирования и невысокий престиж деятельности. Однако работа исполнительских структур в лице судебных и сельских исполнителей давала возможность крестьянству приобщиться к сфере права и закона, что неизбежно способствовало повышению правовой культуры.

¹² Там же. Л. 46.

¹³ Мигущенко О.Н. Указ. соч. С. 65.

¹⁴ Знак «Сельский исполнитель» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zauralklad.ru/selskiy-ispolnitel.htm>, свободный (дата обращения: 23.11.2017).

¹⁰ Голубев В.М. Указ. соч. С. 256.

¹¹ ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 423. Л. 39.

Литература

1. Абдулин Р.С. Кадровое и организационное обеспечение судебной системы после Октябрьской революции 1917 г. / Р.С. Абдулин // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 70–74.

2. Алиева Л.В. Сельский исполнитель в пространстве власти русской деревни 1920–1930-х гг. / Л.В. Алиева // Материалы международной научно-практической конференции «Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России)», Псков, 13 ноября 2014 г. Псков : Псковский государственный университет, 2015. С. 49–56.
3. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 271. Оп. 2. Д. 225.
4. ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 423.
5. Голубев В.М. Становление института судебных исполнителей в советской России (1917–1941 гг.) / В.М. Голубев // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2 (7). С. 254–259.
6. Знак «Сельский исполнитель» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zauralklad.ru/selskiy-ispolnitel.htm>, свободный (дата обращения: 23.11.2017).
7. Кацуба И.В. Сельские исполнители как форма участия граждан в охране общественного порядка в СССР / И.В. Кацуба // История государства и права. 2009. № 3. С. 34–36.
8. Мигущенко О.Н. Привлечение населения к охране общественного порядка и борьбе с преступностью в 30-е – 40-е годы XX века / О.Н. Мигущенко // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 14. С. 62–75.
9. Парфирьев Д.Н. Должностные лица, осуществляющие принудительное исполнение судебных актов в период после образования СССР и до начала Великой Отечественной войны / Д.Н. Парфирьев // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2016. Т. 12. С. 196–202.

References

1. Abdulin R.S. Kadrovoe i organizatsionnoe obespechenie sudebnoy sistemy' posle Oktyabrskoy revolyutsii 1917 g. [Staff and Organizational Support of the Judicial System after the October Revolution of 1917] / R.S. Abdulin // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2006. № 6. S. 70–74.
2. Alieva L.V. Selskiy ispolnitel v prostranstve vlasti russkoy derevni 1920–1930-kh gg. [Rural Bailiff against the Background of the Russian Village Authorities of the 1920s to 1930s] / L.V. Alieva // Materialy' mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Organy' gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya: traditsii i sovremennost (k 150-letiyu zemskoy reformy' v Rossii)», Pskov, 13 noyabrya 2014 g. Materials of the International Scientific and Practical Conference Government and Local Self-Government Authorities: Traditions and the Modern Times (on the 150th Anniversary of the Zemstvo Reform in Russia), Pskov, November 13, 2014. Pskov : Pskovskiy gosudarstvennyy universitet — Pskov : the Pskov State University, 2015. S. 49–56.
3. GABO (Gosudarstvennyy arkhiv Bryanskoy oblasti). F. 271. Op. 2. D. 225 [SABR (State Archive of the Bryansk Region). File 271. List 2. Case 225].
4. GABO. F. 271. Op. 2. D. 423 [SABR. File 271. List 2. Case 423].
5. Golubev V.M. Stanovlenie instituta sudebny'kh ispolniteley v sovetskoy Rossii (1917–1941 gg.) [Establishment of the Bailiff Institution in the Soviet Russia (1917 to 1941)] / V.M. Golubev // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2008. № 2 (7). S. 254–259.
6. Знак «Selskiy ispolnitel» [The Rural Bailiff Lapel Badge] [Electronic source]. Available at: <http://zauralklad.ru/selskiy-ispolnitel.htm>, free access (reference date: November 23, 2017).
7. Katsuba I.V. Selskie ispolniteli kak forma uchastiya grazhdan v okhrane obschestvennogo poryadka v SSSR [Rural Bailiffs as a Form of Citizen Participation in Public Order Protection in the USSR] / I.V. Katsuba // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2009. № 3. S. 34–36.
8. Miguschenko O.N. Privlechenie naseleniya k okhrane obschestvennogo poryadka i borbe s prestupnostyu v 30-e — 40-e gody' XX veka [Engagement of the Population in Public Order Protection and Crime Combating in the 30s to 40s of the XX Century] / O.N. Miguschenko // Istoriko-pravovyye problemy': novyy rakurs — Historical and Legal Issues: New Angle. 2015. № 14. S. 62–75.
9. Parfiryev D.N. Dolzhnostny'e litsa, osuschestvlyayushchie prinuditelnoe ispolnenie sudebny'kh aktov v period posle obrazovaniya SSSR i do nachala Velikoy Otechestvennoy voyny' [Officials Enforcing Judicial Acts in the Period from the Establishment of the USSR to the Beginning of the Great Patriotic War] / D.N. Parfiryev // Ucheny'e zapiski Kazanskogo filiala «Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya» — Scholarly notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice. 2016. Vol. 12. S. 196–202.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-1-61-69

Деструктивное выражение отношения к российскому самодержавию в политико-правовых учениях второй половины XIX века

Кузнецова Наталья Николаевна,
аспирант Международного юридического института
main@lawinst.ru

Чердаков Олег Иванович,
проректор по научной и инновационной работе
Международного юридического института,
доктор юридических наук, профессор
olegtui@mail.ru

В статье представлен анализ деструктивных политико-правовых концепций второй половины XIX века, направленных против российской самодержавной власти и установленного правопорядка. Раскрыто деструктивное содержание социальной философии русского политического консерватизма. Показана разрушительная сущность нигилистического восприятия правопорядка, действующих норм морали, культурных и эстетических ценностей и социальной действительности. Отражена роль радикальных концепций в дестабилизации государства. Выявлены особенности идеологии анархизма как концепции уничтожения государственности. Показана деструктивная роль интеллигенции в расшатывании устоев самодержавия.

Ключевые слова: философские учения, идеология, деструктивизм, деструктивные идеи, правовой нигилизм, русский консерватизм, радикализм, терроризм, анархизм.

A Destructive Expression of the Relation to the Russian Autocracy in the Political and Legal Doctrines of the Second Half of the XIX Century

Kuznetsova Natalya N.
Postgraduate Student of the International Law Institute

Cherdakov Oleg I.
Vice-Rector for Research and Innovations of the International Law Institute
Doctor of Law, Professor

This paper presents an analysis of the destructive political and legal concepts in the second half of the 19th century against Russian autocracy and the rule of law. Disclosed the destructive content social philosophy of Russian political conservatism. Shows the destructive entity nihilistic perception of the rule of law, the existing norms of morality, cultural and aesthetic values and social reality. Reflect the role of radical concepts in the destabilization of States. Peculiarities of the ideology of anarchism as the destruction of statehood. Shows the destructive role of intelligentsia in destabilizing the foundations of autocracy.

Keywords: philosophical teachings, ideology, destruktivizm, destructive ideas, legal nihilism, Russian conservatism, radicalism, terrorism, anarchism.

Деструктивизм как выражение протестных отношений к установленному правопорядку, государственному устройству, действующей политической власти во второй половине XIX века проявлялся во взглядах, идеях, теориях, учениях, трансформировавшихся в протестную идеологию, которая в российском государстве особенно остро получила развитие после отмены крепостного права в 1861 году. Главными причинами растущего недовольства можно считать несбыв-

шиеся надежды интеллигенции и крестьянства, связанные с вышеназванной реформой, нежелание элиты делиться властью, систематические попытки властных структур «окорнать реформы» (по выражению В.О. Ключевского)¹.

¹ Наука, Образование: История: Дневник 1901–1910 гг. Василий Ключевский. URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/klyuchevskiy/1d/j28.html (дата обращения 12.11.2017).

Можно выделить три направления, в основу которых легли деструктивные идеи: а) консервативное; б) радикальное; в) революционно-террористическое.

В качестве критериев, отражающих степень деструктивности философских учений и идеологий, нами определены следующие показатели:

— наличие в доктрине концепции обязательного сохранения патриархальных устоев (консервативное направление);

— наличие программных установок, препятствующих реформированию государства и права (консервативное направление);

— нигилистическое восприятие миропорядка действующих норм морали, культурных и эстетических ценностей, которые объявлялись ложными, не стимулирующими движение общества вперед (радикальное направление);

— формирование мировоззрения, основанного на насильственном изменении менталитета за счет привнесения в национальную культуру, право и образование иных ценностей (радикальное направление);

— призывы к уничтожению признанных социальных эталонов (религии, культуры, экономических укладов) (радикальное направление);

— пропаганда разрушения политической системы государства путем физического уничтожения политических лидеров, создание социального хаоса (революционно-террористическое направление);

Деструктивным направлением, получившим развитие во второй половине XIX века, можно считать политический консерватизм, выраженный в философских доктринах русского консерватизма. Основная концепция данного течения сводилась к сохранению самодержавия и монархии в традиционной форме. Идеологом русского консерватизма (точнее, ультраконсерватизма)² принято считать К.П. Победоносцева, полагавшего, что царская власть от бога и она отвечает национальному складу русского человека. Россия обречена на самодержавие из-за своего многонационального и многоконфессионального населения. Самодержавие для автора — это не синоним самовластия и деспотии, царь — Поманник Божий, его дело — непрерывное служение людям, народу, а потому, в сущности — дело самопожертвования, он «зеркало и пример для всех подвластных»,³ а значит, должен руководствоваться правдой, источником которой является закон Божий, «в душе и совести каждого»⁴.

К.П. Победоносцев придерживался идеи «симфонии церковной и государственной вла-

стей». Он считал, что правительство должно заботиться о народе, «помогать справляться с безысходностью, нуждой», не допускать проникновения «тлетворных влияний» в народ, а церковь обязана стоять на страже народной «девственности», не допуская в его среду «духа сомнения и вольнодумства»⁵.

Деструктивность философии К.П. Победоносцева состояла в «недопущении изменений в России, в желании оставить все как есть», «заморозить» Россию любым способом, что толкало его на противодействие контрреформаторским проектам второй половины XIX века.

Вторым деструктивным лидером русского консерватизма самодержавного периода был М.Н. Катков. Его разрушительная философия основывалась на идее сохранения института дворянства в качестве социальной опоры самодержавия. Именно М.Н. Катков собрал вокруг себя единомышленников, пытавшихся вернуть Россию к «дореформенным временам». В частности, А.Д. Пазухин в статье «Современное состояние России и сословный вопрос», признавая «современное состояние России смутным и неопределенным», выдвигал проект возрождения России через «восстановление привилегий дворянства, поскольку сила самодержавия зависит от благополучия дворянства»⁶.

Деструктивная позиция М.Н. Каткова строилась на концепции доминирования целого над частью. В его понимании величайшая историческая заслуга русского народа состояла в создании самодержавного государства, а это значит, что никакой борьбы и сопротивления против такого «полезного» государства быть не может⁷.

Автор активно протестовал против развития либерально-правовых идей в русском правосудии. «Независимый суд, наряду с университетской автономией и местным самоуправлением, по его убеждению, ведет к многовластию, подрывая основы самодержавной власти, которая по своей природе воплощает единство и неделимость»⁸. М.Н. Катков считал, что судебная реформа 1864 года чуждая и вредная, т.к. не согласуется с основами традиционной русской государственности.

Мировоззренческая концепция К.Н. Леонтьева, как и вышеназванных авторов, опиралась на деструктивную идею поддержания сословных привилегий дворянства. Он считал, что Россию «нужно подморозить, чтобы она не гни-

⁵ Там же.

⁶ Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

⁷ Катков М.Н. Песни русского народа // Отечественные записки. 1839. Т. IV. Кн. VI. С. 11, 12.

⁸ Яшин А.Н. Философия консерватизма М.Н. Каткова в оценке русского пореформенного правосудия XIX века // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/04/81273> (дата обращения: 12.11.2017).

² Фирсов С.А. К 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/23/k_100-letiyu_so_dnya_konchiny_k_p_pobedonosceva/ (дата обращения: 04.08.2017).

³ Победоносцев К.П. Государство и церковь. Т. 1. М., 2011. С. 17–18.

⁴ Там же. С. 18.

ла», т.к. все российские беды связаны с чрезмерно наводненными западными идеями, которые русская интеллигенция неудержимо проповедует. Автор критически относился к либерализму, считал, что «либерализм, простертый еще немного дальше, довел бы нас до взрыва, и так называемая конституция была бы самым верным средством для проведения насильственного социалистического переворота, для возбуждения бедного класса против богатых, для новой, ужасной, может быть, пугачевщины»⁹.

По существу социальная философия русского политического консерватизма как деструктивная, разрушающая перспектива развития государства определяла в приоритете благополучие и комфортное существование ограниченных социальных страт и общин, что порождало конфликт интересов и антагонизм в обществе.

Еще одна деструктивная концепция второй половины XIX века нашла выражение в форме нигилистического восприятия российского правопорядка, действующих норм морали, культурных и эстетических ценностей. Нигилистическое понимание социальной действительности связано с формированием мировоззренческой позиции, интегрированной в сознание обывателей. Это реакция на общественные процессы и явления в государстве. Нигилизм развивался вместе с обществом под воздействием внешних и внутренних факторов, которые имеют своеобразные социальные корни. «Как только общество отказывается от авторитарных методов неправового государственного управления, как только люди получают реальную возможность пользоваться правами и свободами, так тотчас дает о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, недооценка права. Юридический нигилизм при востребованном праве становится более заметен и опасен, чем при праве невостребованном»¹⁰.

По мнению О.И. Чердакова, в России правовой нигилизм всегда имел и имеет благодатную почву отчасти потому, что в нашей стране правили не законы, а люди, а также потому, что право представлялось в форме «кнута» или «кары» за грехи, а государство умышленно выставляло напоказ карательные функции права¹¹.

Деструктивизм, облаченный в нигилистическую оболочку, во второй половине XIX века формировал модель обязательного поведения личности, в частности: отказ от государственной службы и карьеры, переход к работе в сфе-

ре образования и просвещения; неприятие семейной морали, распространение «свободных» (гражданских) и фиктивных браков, отказ от принятого в обществе этикета.

Нигилизм в России благодаря профессору В.В. Берви отождествлялся с понятием скептицизм¹². По мнению А.И. Новикова, нигилизм как вид негативного умонастроения (наряду с пессимизмом и скептицизмом) выражает полное отрицание всего общепризнанного, исходящее из уверенности в абсолютной ложности отрицаемого¹³, и в этом его разрушительная сущность.

М. Хайдеггер полагал, что нигилизм в истории выступал в пассивной «пессимистической» или активной «оптимистической» формах¹⁴. В первом случае нигилизм отрицал прогресс, либеральные духовные ценности, был иррациональным, формировал пессимистическое ощущение бесперспективности социального развития. Во втором — отрицал устаревшие социальные и идеологические формы, радикально выражал общественный протест, способствовал развитию рационализма и оптимизма, формулировал определенные идеалы и имел относительно конструктивную программу¹⁵.

Мы не разделяем данную позицию, считаем, что нигилизм изначально деструктивен, т.к. в его философской основе заложен скепсис и неверие в позитивную перспективу. Нигилизм — это компонент деструктивизма, поэтому философские учения и концепции, в которых имели место нигилистические тенденции, изначально направлены на разрушение социума, во всех его организационных формах, начиная от семьи, государства, права, культуры, религии.

Социальной базой и носителями идеологии и психологии нигилизма в России были интеллигенты, представлявшие разночинцев (выходцев из недворянской среды) или дворян. Как отмечал А.А. Ширинянц, по своему общественному положению разночинцы находились на границе между дворянским и крестьянским социальными мирами, не принимались ни одним из них как его полноправные участники. Такую позицию можно обозначить как маргинальный статус. Именно маргинальность часто приводила к тому, что человек испытывал неуверенность, неудобства и страдания, серьезные сомнения в своей личной ценности. Подобное психологическое состояние и формировало

⁹ История Отечества. Проблемы. Взгляды. Люди // под ред. профессора Е.П. Иванова. Псков, 2004. С. 190–191.

¹⁰ Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52.

¹¹ Чердаков О.И. Формирование правоохранительной системы Советского государства, 1917–1936 гг. : Историко-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 186.

¹² Николай Александрович Добролюбов. Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни. URL: <https://www.libfox.ru/553313-nikolay-dobrolyubov-fiziologicheskoy-psihologicheskoy-sravnitelnyy-vzglyad-na-nachalo-i-konets-zhizni.html> (дата обращения: 12.11.2017).

¹³ Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. А., 1972.

¹⁴ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 94–95.

¹⁵ Там же. С. 94.

почву для нигилистического сознания¹⁶. Полагаем, что социальный статус, материальное положение, особое восприятие объективной реальности, складывающейся в обществе, делали различие потенциальными производителями и потребителями деструктивной идеологии.

Философская концепция нигилизма второй половины XIX века отрицала связь с традиционной системой ценностей, правом, образованием, воспитанием, культурой, религией. Она базировалась на нищенской традиции, трактующей нигилизм как утрату «веры в Бога» и связь с «нравственным миропорядком».

Отмечая специфичность русского нигилизма, А.А. Ширинянец подчеркивал, что первая часть вышеприведенной формулы справедлива, т.к. атеизм был неотъемлемой чертой мировоззрения многих русских радикалов-нигилистов, зато вторая — некорректна¹⁷.

С точки зрения С.Л. Франка, практический нигилист в России занимал промежуточное положение лица, «утратившего веру, но тоскующего по святыне». «Тоска по святыне» привела к замене религиозной веры суррогатной верой в рациональное устройство мира, социальную справедливость и равенство, братство и коллективизм общества «светлого будущего»¹⁸.

Деструктивная нигилистическая философия способствовала активизации революционного радикализма, ее главными носителями в 70-х — 80-х годах, по мнению С.С. Федулова, была народническая революционная интеллигенция. Отличительными особенностями радикализма являлись: утилитаризм, «морализм», сосредоточенность на нравственных ценностях пользы, отрицание духовных ценностей, фанатизм как «страстная преданность излюбленной идее» с нетерпимостью к иным мнениям, нигилизм, сакрализация ценности «блага народа», нравственный релятивизм, приемлемость любых средств для достижения цели, в том числе террора¹⁹.

С.Л. Франк называл мировоззрение этой интеллигенции «нигилистическим морализмом», соединенным с «религией социализма», и истоками его считал руссоизм, механико-рационалистическую теорию счастья, абсолютизацию ценности разрушения, идеологию якобинцев и анархизм Бакунина. «Мы можем определить, — писал он, — классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилисти-

ческой религии земного благополучия». Большинство русских философов выразили позицию непринятия цинизма²⁰.

Радикализм проявлялся в обществе как дестабилизирующий фактор, способствовал конфликты, расшатывал систему управления. У радикализма нет четкого философского позиционирования и привязки к определенной политической платформе. Он может проявляться в формах нигилизма, экстремизма, терроризма, революционаризма. При этом все перечисленные направления отличались своим деструктивным содержанием. По мнению А.Н. Смертина, в российской истории существовало три типа русского радикализма: якобинский; революционно-демократический; либеральный²¹.

Некоторые исследователи считали, что якобинский радикализм пронизывал все политическое движение того периода, включая народников, анархистов бакунинско-нечаевского толка, социалистов-революционеров, от Ткачева до социал-демократов²².

Полагаем, что данная точка зрения соответствует действительности, деструктивное содержание якобинского радикализма выражалось: в оправдании насилия как единственного способа революционной борьбы; в признании террористических методов воздействия на власть и общество; в распространении идей правового и нравственного нигилизма; в негативном отношении к личности и обществу.

С.Г. Нецаев и его последователи являлись яркими представителями данного направления. Их политическая концепция базировалась на заговоре и политическом терроре. «Катехизис революционера» отражал нигилистическое восприятие окружающей действительности и определял личность революционера как обреченного человека. В параграфе первом данного документа говорилось: «революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией»²³.

Всякий ставший на путь революции должен был дистанцироваться от общества и морали. По этому случаю в 4 параграфе «Катехизиса»

¹⁶ Ширинянец А.А. Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // Вестник Московского университета Сер. 12: Политические науки. 2012. № 1. С. 44–45.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Федулов С.С. Цинизм в русской философии XIX–XX вв. // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (39). С. 89–91.

²⁰ Франк С.Л. Этика нигилизма // С.Л. Франк. Сочинения. Минск; М., 2000. С. 112, 136.

²¹ Смертин А.Н. К вопросу о типологии радикализма // Современные гуманитарные исследования. 2008. URL: <http://naukarus.com/k-voprosu-o-tipologii-radikalizma> (дата обращения: 14.11.2017).

²² Баттистрада Ф. Народничество и большевизм // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 13.

²³ Нецаев С.Г. Катехизис революционера. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / ред. Е.А. Рудницкая. М., 1997. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm> (дата обращения: 11.11.2017).

говорилось следующее: «революционер презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему»²⁴.

В качестве своих союзников С.Г. Нечаев видел не народ, а специфическую криминальную группу: «сближаясь с народом, мы, прежде всего, должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гилдейского мира и против кулака мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России»²⁵.

Политико-правовые взгляды А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, М.А. Бакунина, Н.К. Михайловского, П.А. Кропоткина отличались степенью деструктивности. Одни исследователи позиционировали названных деятелей как революционных радикалов²⁶, другие относили их к радикально-либеральному направлению²⁷, третьи называли идеологами социалистического течения²⁸.

Полагаем, что вышеперечисленные теоретики стояли на позициях, определенных идеями революционного деструктивизма, выраженного в умеренно радикальной, радикальной или радикально-террористической концепциях.

Взгляды А.И. Герцена в сравнении с мировоззрением М.А. Бакунина можно считать умеренно радикальными. Именно А.И. Герцен советовал М.А. Бакунину уйти от крайностей, в частности не призывать российский народ к уничтожению государства, немедленному социальному перевороту и бунтам. А.И. Герцен считал, что насилием и террором можно только расчищать место для будущего, но не создавать новое. Для социального созидания необходимы «идеи строящие», нужна сила, нужно народное сознание. «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри»²⁹.

А.И. Герцен разделял идеи разрушения государства гуманными способами, но радикальными мерами. Для него государство — это механизм, способный как содействовать прогрессу, так и тормозить его. «Государство не имеет собственного определенного содержания, оно служит одинаково реакции и революции, тому, с чьей стороны сила»³⁰.

В отличие от социально-правовых воззрений А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова концепция М.А. Бакунина базировалась на деструктивной идее абсолютной свободы. Считаем, что именно абсолютная свобода содержала концепцию разрушения общества и приводила личность в состояние конфликта с окружающей социальной средой. В толковании автора «свобода человека состоит единственно в том, что он повинуется естественным законам, потому что он сам признает их таковыми, а не потому, что они были ему внешне навязаны какой-либо посторонней волей — божественной или человеческой, коллективной или индивидуальной»³¹.

На первый взгляд, предложенная идея свободы личности привлекательна. По мнению М.А. Бакунина, централизованная иерархическая организация общества сверху должна уйти в историю, а вместо нее прийти самоуправление и самоорганизация снизу. Автор предлагал создать анархию путем «самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою снизу вверх, не по приказанию какого бы то начальства, даже избранного, и не по указаниям какой-либо ученой теории, а вследствие совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самою жизнью»³².

Через анархию М.А. Бакунин пытался изменить сложившуюся политико-правовую организацию самодержавной России. В данной концепции деструктивным началом была не сама идея, а формы, методы и средства ее реализации. Как отмечал А.В. Шубин, в отличие от анархо-коммунизма Кропоткина, окрашенного в цвет идеологического оптимизма, у Бакунина он окрашен в зловещий цвет разрушения и бунта против всего, прежде всего против Бога. Бакунин сближал церкви с кабаками³³. Концепция анархизма в понимании М.А. Бакунина сводилась к борьбе с государством и его институтами, движению сил снизу через бунт и разрушения.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Смертин А.Н. К вопросу о типологии радикализма // Современные гуманитарные исследования. 2008. URL: <http://naukarus.com/k-voprosu-o-tipologii-radikalizma> (дата обращения: 14.07.2017).

²⁷ Возилов В.В. Нигилизм радикальной интеллигенции России в ее идеологии и практической деятельности: автореф. дис. ... канд. историч. наук. Иваново, 2000.

²⁸ Взгляды западников (Герцен, Бакунин, Белинский). URL: <http://www.smartpolitic.ru/smapos-648-3.html> (дата обращения: 11.11.2017).

²⁹ Герцен А.И. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 20. Кн. 2. С. 590.

³⁰ Герцен А.И. К старому товарищу. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/k-staromu-tovarischu.htm> (дата обращения: 11.11.2017).

³¹ Бакунин М.А. Избр. соч. Т. 2. С. 166.

³² Там же.

³³ Шубин А.В. Бакунин. Радикализм мысли и действия. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A8/shubin-aleksandr-vladlenovich/socializm-zolotoj-vek-teorii/> (дата обращения: 11.11.2017).

Развивая теорию анархизма, М.А. Бакунин критиковал не только капиталистов, но и государственных социалистов, по его мнению, «свобода без социализма — это привилегия, несправедливость, а социализм без свободы — это рабство и скотство»³⁴. В марксизме автор видел очередную форму угнетения и разрушения общества. Он доказал, что господство пролетариата над каким-то другим пролетариатом не сформирует народное государство, а станет тираническим вариантом управления народом³⁵.

Философия революционного радикализма второй половины XIX века в любой интерпретации была деструктивной по отношению к государству и правящему классу, т.к. провоцировала бунт, насилие, анархию и террор. В частности, террор, как инструмент реализации деструктивной идеологии в названный период, осуществлялся под воздействием двух доктрин, известных как «философия бомбы» и «пропаганда делом».

Зарождение концепции «философия бомбы» связывают с именем немецкого публициста, радикала Карла Гейнцгена, которому приписывают авторство теории терроризма. Суть концепции сводилась к оправданию насилия во имя «высших интересов человечества». Автор полагал, что для достижения цели нужно использовать такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать максимальный хаос. Русские анархисты воспользовались данной теорией в практической плоскости, организовав серию убийств и покушений на убийства в 60–70 годах XIX века.

Вторая доктрина, «пропаганда делом» или «пропаганда действием», также основана на уничтожении невинных людей. В ее основу положена идея достижения желаемого результата любыми средствами и способами. Технология террора, названная «пропагандой делом», активно реализовывалась анархистами в 70-е — 90-е годы XIX века. В качестве мотивирующего элемента террористы использовали наглядный пример или «действие», которое оказывал на администрацию или чиновников публичный террористический акт. По свидетельству П.Ф. Николаева, многие члены ишутинского кружка были убеждены, что «после целого ряда революционных деяний, и притом деяний чисто террористического характера, власть неизбежно растеряется, и бразды правления упадут в уличную грязь и кровь, откуда поднять их может только та же централизованная партия». В прокламации «Друзьям рабочим», найденной у Каракозова, последний так объяснял свой поступок: «Грустно, тяжело мне стало, что так погибает мой любимый народ, и вот решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любез-

ный народ... а не удастся, так все же я верю, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути... Для них моя смерть будет примером и вдохновит их»³⁶. В листовке автор призывал к подражанию и повторению покушений.

Внедрение в социальную среду террористической модели воздействия на правящую элиту в царской России во второй половине XIX века стало возможным отчасти из-за деструктивной позиции российской интеллигенции, поддерживавшей бунтарство, революцию, негативное отношение к праву и установленному правопорядку. Для революционно настроенных интеллигентов был актуальным лозунг «цель оправдывает средства». По сложившемуся мнению, любая общественно значимая цель может достигаться всеми доступными средствами. В этой связи произошел сдвиг приоритетов в сторону борьбы за социально значимые (по мнению интеллигенции) общественные блага путем насилия, при этом на второй план уводилось нравственное содержание этой борьбы. Закон, право и иные, принятые в обществе регуляторы подвергались осуждению и отторжению.

Б.А. Кистяковский отмечал, что «в идейном развитии нашей интеллигенции не участвовала ни одна правовая идея»³⁷. Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности, ее правосознание «стоит на крайне низком уровне развития»³⁸.

Негативное отношение к праву, правопорядку, самодержавной власти у российской интеллигенции складывалось под влиянием нескольких факторов. Полагаем, что главным из них можно считать утрату веры в непоколебимость самодержавия. Модные западные революционно-романтические направления в России приняли кровавые формы выражения. По этому случаю в российской печати было множество авторитетных заявлений. В частности, П.И. Новгородцев оценивал политическое мирозерцание русской интеллигенции как результат воздействия народнического анархизма Бакунина. В обществе доминировала вера в созидательную силу революции и в творчество народных масс³⁹.

Мы поддерживаем позицию А.И. Суворова, высказавшего мысль о том, что одной из причин распространения экстремизма и терроризма в российском обществе можно считать «укоренившийся и поддерживаемый среди населения, особенно среди интеллигенции, нигилистиче-

³⁴ Бакунин М.А. Философия, социология, политика. С. 42.

³⁵ Там же. С. 484.

³⁶ Хлобутов О.М. Из истории борьбы с терроризмом в России в XIX — начале XX веков. URL: <http://terroristica.info/node/339> (дата обращения: 11.11.2017).

³⁷ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // Вехи. Сб. статей. М., 1916. С. 617.

³⁸ Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи. М., 1909. С. 126–127.

³⁹ Новгородцев П.И. Восстановление святынь. Кн. 1. М., 1992. С. 429.

ский взгляд на Россию, ее социально-политический строй, исторические традиции, культуру, экономику и т.д. При этом все увязывалось обычно с якобы никуда не годным государственным руководством, начиная от императора, министров, губернаторов и кончая полицейскими службами, судебными органами, различными ведомствами»⁴⁰.

Рассуждая о позиции интеллигенции в оценке терроризма, автор справедливо отметил: «атмосфера ослепления российского общества в отношении террора к концу 70-х годов высветилась в связи с процессом над террористкой В. Засулич. Вынесение оправдательного приговора за явно умышленное покушение на убийство петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова было встречено, по словам председательствующего на суде А.Ф. Кони, невиданным восторгом и ликованием не только в зале суда, но и за его пределами. Даже находившийся в зале суда Ф.М. Достоевский, до этого обличивший в романе «Бесы» терроризм в форме нечаевщины, высказался, по словам публициста Г.К. Градонского, за оправдание преступницы, при этом заметил: «чего доброго ее теперь возведут в героини. Факт оправдания террористки, послужит импульсом и началом массового российского политического терроризма»⁴¹.

Второй важный фактор, стимулировавший распространение идей террористов, связан с неадекватной ответной реакцией власти на террористические проявления. П.Б. Струве считал, что: «условием, которое с исторической необходимостью породило и порождает революционный террор, является в нашей стране бессилие общественного мнения, закона и права»⁴².

Положение усугубляли чиновники, не способные вести контрпропагандистскую работу. Правоохранительная и судебная системы в обеспечении безопасности самодержавного режима функционировали с минимальной долей эффективности. Судебные процессы революционерами использовались как публичные площадки для «обличения царской власти». При этом общественность получала возможность следить за происходящим из публикаций легальных и нелегальных революционных изданий. Как отмечал Н.А. Троицкий, «судившиеся в 1866–1878 гг. пропагандисты, разночинцы-народники и рабочие, как правило, вели себя перед

царским судом (особенно на двух крупнейших процессах того времени — «50-ти» и «193-х») мужественно и активно. Начиная с процесса «нечаевцев» (1871 г.), они сплошь и рядом превращали скамью подсудимых в революционную трибуну, а сами обвиняемые становились обвинителями. Если в прошлом для русских революционеров (декабристов, петрашевцев, ишутинцев), как правило, активная деятельность заканчивалась арестом, а на суде они лишь терпели за нее муку расправы, то революционеры 70-х годов почти на каждом судебном процессе продолжали революционную борьбу, используя такие (совсем или почти не применявшиеся ранее) средства, как организованный бойкот суда, программная речь, агитационный призыв, обличительные выпады против власти»⁴³.

Деструктивной, подрывающей авторитет самодержавия, можно считать работу аппарата чиновников из царского окружения, которые своими действиями провоцировали интеллигенцию и студенчество к революционным и террористическим действиям. По мнению К.Д. Кавелина, «администрация царской власти заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки»⁴⁴.

Подводя итог, можно констатировать, что в философско-правовых и политических доктринах второй половины XIX века превалировала деструктивная концепция разрушения российского самодержавного государства и права. Это стало следствием незавершенности политических, социальных и правовых реформ того периода. Проводниками идеологии деструктивизма во всех ее формах были интеллигенция и студенчество, которые в разрушении основ общественного устройства видели возможность перехода в иную стадию развития России. Множественность полярных радикальных и консервативных идеологий, неоднозначное понимание целей и задач, стоящих перед обществом, увлечение революционизмом, популизмом не способствовали формированию концепции развития России. Плюрализм идеологий привел к порождению ненависти и страсти, к разрушению во имя разрушения. Ни одна из пропагандируемых философских концепций, начиная от консервативно-монархических, заканчивая революционно-демократическими, не несла в своей основе идей позитивного развития страны.

⁴⁰ Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX — начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Историческая социология. 2002. С. 55.

⁴¹ Там же. С. 56.

⁴² Струве П.Б. Patriotica. СПб., 1911. С. 153.

⁴³ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. URL: <http://dereksiz.org/troickij-n-a-bezumstvo-hrabrih-russkie-revolucioneri-i-karate.html?page=7> (дата обращения 12.11.2017).

⁴⁴ К.Д. Кавелин 1897–1900. Т. 1. Стлб. 945, 154.

Литература

1. Бакунин М.А. Избр. соч. Т. 2 / М.А. Бакунин. Петербург — Москва, 1919. 296 с.
2. Бакунин М.А. Философия, социология, политика / М.А. Бакунин. М., 1989. 625 с.
3. Баттистрада Ф. Народничество и большевизм / Ф. Баттистрада // Свободная мысль. 1991. № 16.
4. Взгляды западников (Герцен, Бакунин, Белинский). URL: <http://www.smartpolitic.ru/smapos-648-3.html>

5. Возилов В.В. Нигилизм радикальной интеллигенции России в ее идеологии и практической деятельности : автореф. дис. ... канд. историч. наук / В.В. Возилов. Иваново, 2000. 228 с.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений / А.И. Герцен. М., 1960. Т. 20. Кн. 2. 994 с.
7. История Отечества. Проблемы. Взгляды. Люди // под ред. профессора Е.П. Иванова. Псков, 2004. 448 с.
8. К.Д. Кавелин 1897–1900. Т. 1. Стлб. 945, 154.
9. Катков М.Н. Песни русского народа / М.Н. Катков // Отечественные записки. 1839. Т. IV. Кн. VI. С. 1–92.
10. Кистяковский Б.А. В защиту права / Б.А. Кистяковский // Вехи. М., 1909.
11. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право / Б.А. Кистяковский // Вехи. Сб. статей. М., 1916 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Победоносцев К.П. Государство и церковь / К.П. Победоносцев. Т. 1. М., 2011. 704 с.
13. Наука, Образование: История: Дневник 1901–1910 гг. Василий Ключевский. URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/klyuchevskiy/1d/j28.html
14. Добролюбов Н.А. Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни / Н.А. Добролюбов. URL: <https://www.libfox.ru/553313-nikolay-dobrolyubov-fiziologicheskopsihologicheskii-sravnitelnyy-vzglyad-na-nachalo-i-konets-zhizni.html>
15. Новгородцев П.И. Восстановление святынь / П.И. Новгородцев. Кн. 1. М., 1992. [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/n/powgorodcew_p_i/text_1923_vosstanovlenie_svyatyn.shtml
16. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты / А.И. Новиков. Л., 1972. 296 с.
17. Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос / А.Д. Пазухин. М., 1886. 24 с.
18. Нечаев С.Г. Катехизис революционера. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / С.Г. Нечаев; ред. Е.А. Рудницкая. М., 1997. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm>
19. Смертин А.Н. К вопросу о типологии радикализма / А.Н. Смертин // Современные гуманитарные исследования. 2008. URL: <http://naukarus.com/k-voprosu-o-tipologii-radikalizma>
20. Струве П.Б. *Patriotica* / П.Б. Струве. СПб., 1911. 627 с.
21. Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX — начала XX веков. Истоки, структура, особенности / А.И. Суворов // Историческая социология. 2002. №7. С. 75–83.
22. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. / Н.А. Троицкий. URL: <http://dereksiz.org/troickij-n-a-bezumstvo-hrabrih-russkie-revolucioneri-i-karate.html?page=7>
23. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе / В.А. Туманов // Государство и право. 1993. № 8. С. 52–58.
24. Федулов С.С. Цинизм в русской философии XIX–XX вв. / С.С. Федулов // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (39). С. 89–91.
25. Фирсов С.А. К 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева / С.А. Фирсов. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/23/k_100-letiyu_so_dnya_konchiny_k_p_pobedonosceva
26. Франк С.А. Этика нигилизма // С.А. Франк. Сочинения. Минск; М., 2000.
27. Хайдеггер М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие : статьи и выступления. М., 1993. 447 с.
28. Хлобустов О.М. Из истории борьбы с терроризмом в России в XIX — начале XX веков / О.М. Хлобустов. URL: <http://terroristica.info/node/339>
29. Чердаков О.И. Формирование правоохранительной системы Советского государства, 1917–1936 гг. : Историко-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук / О.И. Чердаков. Саратов, 2002. 471 с.
30. Ширинянц А.А. Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм / А.А. Ширинянц // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2012. № 1. С. 38–49.
31. Шубин А.В. Бакунин. Радикализм мысли и действия / А.В. Шубин. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A8/shubin-aleksandr-vladlenovich/socializm-zolotoj-vek-teorii/>
32. Яшин А.Н. Философия консерватизма М.Н. Каткова в оценке русского пореформенного правосудия XIX века / А.Н. Яшин // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/04/81273>

References

1. Bakunin M.A. *Izbr. soch. T. 2 [Selected Works. Vol. 2]* / M.A. Bakunin. Peterburg, Moskva — Saint Petersburg, Moscow, 1919. 296 s.
2. Bakunin M.A. *Filosofiya, sotsiologiya, politika [Philosophy, Sociology, Politics]* / M.A. Bakunin. Moskva — Moscow, 1989. 625 s.
3. Battistrada F. *Narodnichestvo i bolshevizm [Populism and Bolshevism]* / F. Battistrada // *Svobodnaya my'sl — Free Thought*. 1991. № 16.
4. *Vzglyady' zapadnikov (Gertsen, Bakunin, Belinskiy) [Westernists' Views (Herzen, Bakunin, Belinsky)]*. URL: <http://www.smartpolitic.ru/smapos-648-3.html>
5. *Vozilov V.V. Nigilizm radikalnoy intelligentsii Rossii v ee ideologii i prakticheskoy deyatelnosti : avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk [Nihilism of the Russian Radical Intellectuals in Its Ideology and Practical Activities : author's abstract of thesis of ... Candidate of Historical Sciences]* / V.V. Vozilov. Ivanovo — Ivanovo, 2000. 228 s.
6. Herzen A.I. *Sobranie sochineniy [Collection of Works]* / A.I. Herzen. Moskva — Moscow, 1960. Vol. 20. Book 2. 994 s.

7. Istoriya Otechestva. Problemy'. Vzglyady'. Lyudi // pod red. professora E.P. Ivanova [National History. Problems. Views. People]. Pskov — Pskov, 2004. 448 s.
8. K.D. Kavelin 1897–1900 [K.D. Kavelin 1897 to 1900]. Vol. 1. Column 945, 154.
9. Katkov M.N. Pesni russkogo naroda [Songs of the Russian People] / M.N. Katkov // Otechestvenny'e zapiski — National Notes. 1839. Vol. IV. Book VI. S. 1–92.
10. Kistyakovskiy B.A. V zaschitu prava [In Defense of Law] / B.A. Kistyakovskiy // Vekhi — Landmarks. Moskva — Moscow, 1909.
11. Kistyakovskiy B.A. Sotsialny'e nauki i pravo [Social Sciences and Law] / B.A. Kistyakovskiy // Vekhi. Sb. statey — Landmarks. Collection of Articles. Moskva — Moscow, 1916 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Pobedonostsev K.P. Gosudarstvo i tserkov [State and Church] / K.P. Pobedonostsev. T. 1. Moskva — Moscow, 2011. 704 s.
13. Nauka, Obrazovanie: Istoriya: Dnevnik 1901–1910 gg. Vasily Klyuchevskiy [Science, Education: History: Journal of 1901 to 1910. Vasily Klyuchevskiy]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/klyuchevskiy/1d/j28.html
14. Dobrolyubov N.A. Fiziologicheskoye-psikhologicheskoye sravnitelnyy vzglyad na nachalo i konets zhizni [Physiological and Psychological Comparative View of the Beginning and the End of Life] / N.A. Dobrolyubov. URL: <https://www.libfox.ru/553313-nikolay-dobrolyubov-fiziologicheskoye-psikhologicheskoye-sravnitelnyy-vzglyad-na-nachalo-i-konets-zhizni.html>
15. Novgorodtsev P.I. Vosstanovlenie svyaty'n [Restoration of Sanctuaries] / P.I. Novgorodtsev. Kn. 1. Moskva — Moscow, 1992. [Электронный ресурс]//http://az.lib.ru/n/novgorodtsev_p_i/text_1923_vosstanovlenie_svyatyn.shtml
16. Novikov A.I. Nigilizm i nigilisty' [Nihilism and Nihilists] / A.I. Novikov. L. — Leningrad, 1972. 296 s.
17. Pazukhin A.D. Sovremennoye sostoyanie Rossii i soslovnyy vopros [The Modern State of Russia and Classes Issue] / A.D. Pazukhin. Moskva — Moscow, 1886. 24 s.
18. Nechaev S.G. Katekhizis revolyutsionera. Revolyutsionnyy radikalizm v Rossii: vek devyatsat'sy. Dokumentalnaya publikatsiya [Revolutionary Catechesis. Revolutionary Radicalism in Russia: the Nineteenth Century. Documentary Publication] / S.G. Nechaev; red. E.L. Rudnitskaya; edited by E.L. Rudnitskaya. Moskva — Moscow, 1997. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm>
19. Smertin A.N. K voprosu o tipologii radikalizma [On Radicalism Typology] / A.N. Smertin // Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya — Modern Humanitarian Research. 2008. URL: <http://naukarus.com/k-voprosu-o-tipologii-radikalizma>
20. Struve P.B. Patriotica [Patriotica] / P.B. Struve. SPb. — Saint Petersburg, 1911. 627 s.
21. Suvorov A.I. Politicheskyy terrorizm v Rossii XIX — nachala XX vekov. Istoki, struktura, osobennosti [Political Terrorism in Russia in the XIX to the Early XX Centuries. Origins, Structure, Peculiarities] / A.I. Suvorov // Istoricheskaya sotsiologiya — Historical Sociology. 2002. №7. S. 75–83.
22. Troitskiy N.A. Bezumstvo khbrabry'kh. Russkie revolyutsionery' i karatelnaya politika tsarizma 1866–1882 gg. [Madness of the Brave. The Russian Revolutionaries and the Penal Policy of Tsarism of 1866 to 1882] / N.A. Troitskiy. URL: <http://dereksiz.org/troickij-n-a-bezumstvo-hrabrih-russkie-revolucioneri-i-karate.html?page=7>
23. Tumanov V.A. Pravovoye nigilizm v istoriko-ideologicheskoye raketse [Legal Nihilism from the Perspective of History and Ideology] / V.A. Tumanov // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 1993. № 8. S. 52–58.
24. Fedulov S.S. Tsinizm v russkoy filosofii XIX–XX vv. [Cynicism in the Russian Philosophy of the XIX to the XX Century] / S.S. Fedulov // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. Bulletin of the Kurgan State University — Series: the Humanities. 2015. № 5 (39).
25. Firsov S.L. K 100-letiyu so dnya konchiny' K.P. Pobedonostseva [On the 100th Anniversary of Decease of K.P. Pobedonostsev] / S.L. Firsov. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/23/k_100-letiyu_so_dnya_konchiny_k_p_pobedonosceva
26. Frank S.L. Etika nigilizma [Ethics of Nihilism] // S.L. Frank. Sochineniya. Minsk; Moskva — Minsk; Moscow, 2000.
27. Heidegger M. Evropeyskiy nigilizm [European Nihilism] / M. Heidegger // Vremya i by'tie: statyi i vy'stupleniya — Being and Time: Articles and Speeches. Moskva — Moscow, 1993. 447 s.
28. Khlobustov O.M. Iz istorii borby' s terrorizmom v Rossii v XIX — nachale XX vekov [From the History of Terrorism Combating in Russia in the XIX to the Early XX Century] / O.M. Khlobustov. URL: <http://terroristica.info/node/339>
29. Cherdakov O.I. Formirovanie pravookhranitelnoy sistemy' Sovetskogo gosudarstva, 1917–1936 gg.: Istoriko-pravovoye issledovanie : dis. dokt. yurid. nauk [Establishment of the Law Enforcement System of the Soviet State, 1917 to 1936: Historical and Legal Research : thesis of ... Doctor of Law] / O.I. Cherdakov. Saratov — Saratov, 2002. 471 s.
30. Shirinyants A.A. Russkoe obschestvo i politika v XIX veke: russkiy revolyutsionnyy nigilizm [The Russian Society and Politics in the XIX Century: Russian Revolutionary Nihilism] / A.A. Shirinyants // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskyye nauki — Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Sciences. 2012. № 1. S. 38–49.
31. Shubin A.V. Bakunin. Radikalizm my'sli i deystviya [Bakunin. Radicalism of Thought and Act] / A.V. Shubin. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A8/shubin-aleksandr-vladlenovich/socializm-zolotoj-vek-teorii/>
32. Yashin A.N. Filosofiya konservatizma M.N. Katkova v otsenke russkogo poreformennogo pravosudiya XIX veka [M.N. Katkov's Conservatism Philosophy in the Assessment of the Russian Post-Reform Justice of the XIX Century] / A.N. Yashin // Sovremennyye nauchny'e issledovaniya i innovatsii. Modern Scientific Research and Innovations. 2017. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/04/81273>

Особенность патриархально-богословских концепций происхождения древнеславянских государств

Серегин Андрей Викторович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
andrei-seregin@rambler.ru

Мирославская Елена Юрьевна,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета
e.karpo2011@yandex.ru

Статья посвящена анализу патриархально-богословской теории происхождения государства, которая фактически применялась в качестве идеологического обоснования легальности княжеской власти среди славянских народов в эпоху Средневековья. Особенно генеалогический подход к происхождению отеческой власти государей был развит у древних руссов, чехов и поляков.

Ключевые слова: патриархат, славяне, богословие, происхождение государства, Р. Филмер.

A Peculiarity of the Patriarchal and Theological Origins of the Old Slavic States

Seregin Andrey V.

Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law of
the Southern Federal University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor

Miroslavskaya Elena Yu.

Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University

The article is devoted to the analysis of the patriarchal theological theory of the origin of the state, which was actually used as an ideological basis for the legality of princely power among the Slavic peoples in the Middle Ages. Especially the genealogical approach to the origin of the fatherly power of sovereigns was developed among the ancient Russians, Czechs and Poles.

Keywords: Patriarchy, Slavs, theology, the origin of the state, R. Filmer.

Понятие «государство» по достоинству занимает центральное место в системе юридической науки. Познание института государства невозможно без обращения к актуальному вопросу о его происхождении. Эта проблема привлекает внимание исследователей уже на протяжении многих столетий, начиная со времен античности и заканчивая сегодняшним днем. За время существования юридической, политической и философской наук были предложены десятки самых разных теорий, учений и доктрин. Это разнообразие объясняется в первую очередь многогранностью самого понятия.

Во-вторых, каждая теория отражает субъективизм ученых и отличные взгляды на разные аспекты процесса происхождения и развития государства. В-третьих, особой дискуссионностью характеризуется проблема происхождения древнеславянских государств вообще и древнерусского в частности¹. Основой такого

¹ Иванников И.А. Теория происхождения древнерусского государства // История государства и права. 2007. № 24; Серегин А.В. Юридический анализ причин возникновения Древнерусского государства // История государства и права. 2006. № 7. С. 19–21;

многообразия служит плюрализм экономических, духовных, политических, социальных и иных факторов и интересов. Благодаря множеству взглядов, позиций, мнений, а также совокупности условий и конкретному историческому периоду в юридической науке выделяются несколько теорий генезиса государства. Особое место среди них отводится патриархальной теории, зародившейся в античности, положения которой развивались на протяжении нескольких эпох, в том числе эпохи Средневековья, Возрождения, Нового времени.

Благодаря непростым политическим событиям в жизни Англии XVII в. становится известным имя Роберта Филмера (1588–1653 гг.), политико-правовое учение которого великолепно дополнило положения патриархальной теории и сыграло роль апологии власти короля.

Пожалуй, самым известным и вызвавшим нескончаемую полемику, которая длится и по сей день благодаря своей неоднозначности, стоит признать трактат Р. Филмера «Патриархия, или естественная власть королей» (далее — «Патриархия»). Он служит, по мнению большинства исследователей, наиболее целостным выражением взглядов проабсолютистки настроенных элементов общества. Однако помимо фундаментального исследования, составляющего «Патриархию», мыслитель является автором ряда работ, малоизвестных широкой публике. Научное наследие Р. Филмера составляет целая коллекция трудов: «О фриходдерах», «Обзор «Политики» Аристотеля», «Обзор «Левифана» Т. Гоббса», «Обзор «О праве войны и мира» Гроция», а также «О Власти короля, в частности короля Англии» и пр. Стоит подчеркнуть, что «Патриархия», по большому счету, — работа, в которой собраны основные тезисы из перечисленного собрания трактатов.

Следуя тенденции своего времени, Филмер строит доктрину, взяв за основу главный источник — текст Священного Писания. Он толкует библейские заповеди, придавая им политический характер.

Сэр Роберт основывает свое положение об абсолютной, естественной, неограниченной власти Адама как монарха, исходя из толкования заповеди «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Библия. Исх. 20:2-17). Далее, приводя фразу из Писания: «И благослови их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Библия. Быт. 1, 28.), уверенно рассматривает ее в каче-

стве непосредственного повеления Бога и его желания наделить Адама верховными властными полномочиями.

Затрагивая вопрос о моменте наделения Адама властью, Р. Филмер относит его к моменту сотворения его Богом, несмотря на то, что у него фактически еще не было подданных, однако по праву природы Адам должен был быть правителем своих потомков «хотя не на деле, но по крайней мере по положению Адам был монархом со своего сотворения»².

Выстраивая иерархию наследственности монархической власти, Р. Филмер поясняет, что власть Адама перешла к его старшему сыну. Ряд патриархов последовательно передавали затем эту полученную от Бога власть из поколения в поколение; от патриархов происходят короли, которые являются, таким образом, потомственными наследниками своих народов, соединяя власть патриархальную с королевской.

Итак, сущность представлений о генезисе королевской власти Р. Филмера сводится к тому, что Адам получил ее непосредственно от Бога, включая не только отеческую, но и королевскую власть над своим потомством.

Далее Филмер анализирует развитие патриархальной власти в более поздний период, опираясь на текст Библии. Патриархальная власть, зародившаяся до Великого Потопа, продолжилась и после него. Она перешла к Нюю, последнему из допотопных патриархов, прямому наследнику Адама по восходящей линии. Ной разделил всю землю на три части между своими сыновьями. Сим, Хам и Иафет были благословлены отцом на заселение территорий ими, их детьми, потомками, а впоследствии и целыми народами, чьими патриархами, следовательно, они являлись. По словам сэра Роберта, многие цивилизованные нации ищут доказательства своего возникновения благодаря причастности к сыновьям или племянникам Ноя, которые были разбросаны по миру после Вавилонского столпотворения³. Он приходит к заключению о том, что: «В этом расселении мы, конечно, должны узреть установление монархической власти во всех Королевствах мира»⁴.

Как известно, в строительстве Вавилонской башни и последующем смещении языков участвовали представители семидесяти двух народов, которые не были, по мнению Филмера, хаотичной толпой, лишенной правителей. Им была чужда свобода выбора правителя или формы правления, ибо они были членами отдельных семей, которыми уже управляли их отцы. И даже в такой суматохе «Бог был настолько осто- рожен, чтобы сохранить отеческую власть, раз-

Сергеев А.В. Цивилизационный феномен средневекового многообразия форм славянских государств : монография / А.В. Сергеев. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 53–90.

² Filmer R. Patriarcha: or The natural power of Kings. Oxford : BBlackwell, 1949. P. 30.

³ Ibid. P. 31.

⁴ Ibid.

делив языки по различным семьям»⁵. Филмер утверждает, что это очевидно по тексту: «после перечисления сыновей Иафета указывается, что острова язычников были разделены каждый по языку своему, по семьям своим, по народам своим. Как написано: Это сыновья Хама по семьям потомков их после них, по языкам их, в их городах, в народах их. И мы читаем: это сыновья Сима по племенам их, по языкам их, в землях их, в их нациях. Так произошли семьи сыновей Ноевых, положивших начало собственным народам. И так народы были разделены по земле после потопа»⁶.

В Древнерусской летописи «Повесть временных лет» этногенез народов привязан к библейской версии сотворения Богом первочеловека Адама, потомком которого был Ной, спасшийся от потопа, и его сыновья: Сим, Хам и Иафет. От Иафета, в частности, произошли все индоевропейские народы, включая нориков, «которые суть славяне»⁷.

Вместе с тем в рамках патриархальной теории ряд славянских народов вели родословную своих правителей от мифических родоначальников племен или княжеских династий.

Польское княжество появилось на страницах письменных источников в 60-х годах X в., при князе Мешко I (960–992 гг.)⁸. Но начало польской государственности необходимо искать задолго до этого момента. Древняя легенда повествует, что в Гнезде княжил князь по имени Попел. У него было двое сыновей. Пришло время, когда по обычаю старины над ними следовало совершить обряд пострига (имянаречения). Князь по этому поводу устроил большой пир, на который позвал многих знатных людей и друзей. Случилось так, что туда пришло двое странников; их не только не пригласили к пиру, но еще и с бесчестием изгнали из города. Они ушли от негостеприимных людей в пригород и случайно остановились возле хижины княжьего пахаря. Добрый бедняк пригласил их в свое скромное жилище и попросил снисходительно простить его убожество. Странники вошли под гостеприимную кровлю и приветствовали его. Пахарь назывался Пястом и имел жену по имени — Репку. Бедняки, по мере сил, старались, чем бы угодить своим гостям⁹. Среди беседы странники попросили напиться, и радушный хозяин отвечал: «припасена у меня кружка пи-

ва на тот день, когда будут постриги моего единственного сына; да что беречь эту мелочь: пейте, коли ваша ласка». Надобно сказать, что крестьянин имел намерение устроить постриги своему сыну в то время, когда князь станет справлять пир по случаю семейного торжества; тогда и он хотел сделать скромное угощение друзьям бедняка и на этот момент откармливал поросенка. Странники велели принести пиво и разлить его в чаши, и — чудное дело — пиво росло, пока не наполнили все чаши и все сосуды, которые нашлись пустыми на пирушение князя. Странники приказывают убить поросенка, и опять — его мясом наполняется целых десять цебер (цебарок) или ведер. Когда Пяст и Репка увидели такое чудо, они поняли его как доброе предзнаменование для сына, думали даже позвать на пир князя, но не смели без согласия странников. Те позволили; пришел князь со своими гостями — и пошел пир горой. Наконец, странники совершили над сыном Пяста обряд пострижения, они нарекли его Семовитом (или Земовитом) в предвесье о его будущем. Это был родоначальник княжеского рода Пястов. Как бы в наказание за оскорбление прав гостеприимства, со смертью Попела прекращается род его, и на княжьи стол вступает Семовит Пястович, отец которого некогда почтил странников дружественным приемом и тем приобрел себе и своему потомству благоволение высшей силы¹⁰.

Чешский летописец Козьма Пражский сбегая для нас полусказочное повествование о прибытии племени Чеха в Богемию¹¹, после которого правил Крок и его мудрые дочери, затем Премысл Стадицкий, от которого вел свой род царствующий чешский дом Пржемысловичей¹².

Ссылаясь на древние российские летописания, Мавро Орбини однозначно утверждает, что братья Рюрик, Сиявья (Синеус) и Трувор были призваны из славянской Вагрии, располагавшейся возле нынешнего Любека¹³.

Весьма вероятно, что русско-литовские князья из рода Гедиминовичей: Гедимин, Кейстут, Витовт, Ольгерд и Ягайло находились в династическом родстве с домом Рюриковичей и Роговолодовичей по линии полоцкого князя Изяслава — сына Рогнеды (и, возможно, великого князя Ярополка Святославича), насильно захва-

⁵ Filmer R. Reflections concerning the original of government, upon Aristotle's Politiques. Oxford : BBlackwell, 1949. P. 89.

⁶ Там же.

⁷ Повесть временных лет // Повести Древней Руси. М. : Издательство БАЛУЕВ, 2002. С. 45–49.

⁸ Ламберт Херсфельдский. Аналы / Ламберт Херсфельдский. М. : SPSL — «Русская панорама», 2013. С. 33.

⁹ Хроника и деяния князей или правителей польских [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gall/frameset.1.htm> (дата обращения: 01.11.2017).

¹⁰ Котляревский А.А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права // Сочинения А.А. Котляревского. Том IV. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1895. С. 159.

¹¹ Воцель Я.Э. Древнейшая бытовая история славян вообще и чехов в особенности / Я.Э. Воцель. Киев : Тип. С.Т. Еремеева, 1875. С. 82.

¹² Там же. С. 108.

¹³ Орбини Мавро. Книга историография початия имене славы и разширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами и со многими Царствами, королевствами и Провинциями. Репринтное издание 1722 г. / предисловие С.Н. Удаловой. М. : Белье Альвы, 2010. С. 81.

ченной, изнасилованной и взятой в жены после убийства ее брата киевского князя Ярополка Владимиром Крестителем¹⁴.

Таким образом, можно вести речь о формировании в условиях средневековой славянской государственности богословско-патриархальной идеологии, призванной легализовать династические права княжеских и королевских фамилий Пястовичей, Пржемысловичей, Рюриковичей, Гедиминовичей и др. правителей на исключительное верховенство в занятии трона своих держав.

¹⁴ Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П.П. Семенова. СПб. : Тип. Н.О. Вольф, 1881–1901. Т. 3. Ч. 1: Литовское поесье; Ч. 2: Белорусское поесье. СПб., 1882. С. 293.

Литература

1. Воцель Я.Э. Древнѣйшая бытовая исторія славянъ вообще и чеховъ въ особенности / Я.Э. Воцель. Киевъ : Тип. С.Т. Еремеева, 1875. 343 с.
2. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П.П. Семенова. СПб. : Тип. Н.О. Вольф, 1881–1901. Т. 3. Ч. 1: Литовское поесье; Ч. 2: Белорусское поесье. СПб., 1882. 293 с.
3. Иванников И.А. Теория происхождения древнерусского государства / И.А. Иванников // История государства и права. 2007. № 24. С. 22–26.
4. Котляревский А.А. Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ. Опыт сравнительнаго изученія славянскаго права / А.А. Котляревский // Сочиненія А.А. Котляревскаго. Томъ IV. СПб. : Типографія М.М. Стасюлевича, 1895. 178 с.
5. Ламберт Херсфельдский. Аналы / Ламберт Херсфельдский. М. : SPSL — «Русская панорама», 2013. 240 с.
6. Повесть временных лет // Повести Древней Руси. М. : Издательство БАЛУЕВ, 2002. 400 с.
7. Орбини Мавро. Книга историография початия имене славы и разширения народа славянско-го и их царей и владетелей под многими именами и со многими Царствыями, королевствами и Провинциями. *Репринтное издание 1722 г.* / Мавро Орбини; предисловие С.Н. Удаловой. М. : Белье Альвы, 2010. 365 с.
8. Серегин А.В. Юридический анализ причин возникновения Древнерусского государства / А.В. Серегин // История государства и права. 2006. № 7. С. 19–21.
9. Серегин А.В. Цивилизационный феномен средневекового многообразия форм славянских государств : монография / А.В. Серегин. М. : Юрлитинформ, 2017. 408 с.
10. Хроника и деяния князей или правителей польских [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gall/frametext.1.htm> (дата обращения: 01.11.2017).
11. Filmer R. Patriarcha: or The natural power of Kings / R. Filmer. Oxford : BBlackwell, 1949. 346 p.
12. Filmer R. Reflections concerning the original of government, upon Aristotle's Politiques. / R. Filmer. Oxford : BBlackwell, 1949. 346 p.

References

1. Vocel Ya.E. Drevneyshaya by'tovaya istoriya slavyan voobsche i chekhov v osobennosti [The Ancient Social History of the Slavs in General and the Czechs in Particular] / Ya.E. Vocel. Kiev : Tip. S.T. Eremeeva — Kiev : S.T. Eremeev's printing office, 1875. 343 s.
2. Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemelnom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i by'tovom znachenii / pod obsch. red. P.P. Semenova [Picturesque Russia: Our Motherland in Its Land, Historical, Tribal, Economic and Social Aspects / under the general editorship of P.P. Semenov]. SPb. : Tip. N.O. Volf, 1881–1901. T. 3. Ch. 1: Litovskoe polesye; Ch. 2: Belorusskoe polesye. SPb. — Saint Petersburg: N.O. Volf's printing office, 1881 to 1901. Vol. 3. Part 1: Lithuanian Wooded District; Part 2: Belarus Wooded District. Saint Petersburg, 1882. 293 s.
3. Ivannikov I.A. Teoriya proiskhozhdeniya drevnerusskogo gosudarstva [Theory of Origin of the Old Russian State] / I.A. Ivannikov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 24. S. 22–26.
4. Kotlyarevsky A.A. Drevnosti yuridicheskago by'ta baltiyskikh slavyan. Opy't sravnitel'nago izucheniya slavyanskago prava [Antiquities of the Legal Life of the Baltic Slavs. Experience of Comparative Research of the Slavic Law] / A.A. Kotlyarevsky // Sochineniya A.A. Kotlyarevskogo. Tom IV — A.A. Kotlyarevsky's Works. Vol. IV. SPb. : Tipografiya M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1895. 178 s.
5. Lambert of Hersfeld. Anal'y [Records] / Lambert of Hersfeld. Moskva : SPSL. «Russkaya panorama» — Moscow : SPSL. Russian Panorama, 2013. 240 s.

6. Povest vremenny'kh let [The Tale of Bygone Years] // Povesti Drevney Rusi — Tales of the Ancient Rus. Moskva : Izdatelstvo BALUEV — Moscow: BALUEV publishing house, 2002. 400 s.
7. Orbini Mavro. Kniga istoriografiya pochatiya imene slavy' i razshireniya naroda slavyanskogo i ikh tsarey i vladeteley pod mnogimi imenami i so mnogimi Tsarstviyami, korolevstvami i Provintsiyami. Reprintnoe izdanie 1722 g. [The Book of Historiography of the Origins of the Name, the Glory, and the Expansion of the Slavic People and Their Tsars and Rulers under Many Names and with Many Tsardoms, Kingdoms and Provinces. Reprinted edition of 1722] / Mavro Orbini; predislovie S.N. Udalovoy. Moskva : Bely'e Alvy' — Moscow : Belye Alvy, 2010. 365 s.
8. Seregin A.V. Yuridicheskiy analiz prichin vznikeniya Drevnerusskogo gosudarstva [Legal Analysis of the Reasons for Origination of the Old Russian State] / A.V. Seregin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2006. № 7. S. 19–21.
9. Seregin A.V. Tsivilizatsionny'y fenomen srednevekovogo mnogoobraziya form slavyanskikh gosudarstv: monografiya [Civilizational Phenomenon of the Medieval Variety of Slavic State Forms: monograph] / A.V. Seregin. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2017. 408 s.
10. Khronika i deyaniya knyazey ili praviteley polskikh [Chronicle and Acts of Polish Dukes or Rulers] [Electronic source]. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gall/frameset.1.htm> (reference date: November 1, 2017).
11. Filmer R. Patriarcha: or The natural power of Kings / R. Filmer. Oxford : BBlackwell, 1949. 346 s.
12. Filmer R. Reflections concerning the original of government, upon Aristotle's Politiques. / R. Filmer. Oxford : BBlackwell, 1949. 346 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-1-75-80

Организация государственной власти в консервативной мысли России начала XX века (В.А. Грингмут, П.И. Ковалевский, М.О. Меньшиков)

*Сурков Олег Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии,
магистр юриспруденции
ura-gegel@rambler.ru*

Статья посвящена вопросу организации государственной власти в политико-правовой консервативной мысли России начала XX века. Автор пишет о том, как в переходной ситуации Российской империи начала прошлого столетия особое крыло консерватизма — националистическое — представляло себе организацию государственной власти. Как представители указанного направления решали вопрос о соотношении императорской, представительной и местной власти. Какое место отводили императору в системе государственного управления, даже если считали, что существующий император дискредитировал себя по многим вопросам. В статье используются сравнительный метод и историко-проблемный.

Целью данной статьи является исследование представлений русских националистов о проблемах организации государственной власти; выявление дифференцированного подхода различных представителей указанного течения в зависимости от направления национализма и взгляда на монархию.

Сделан вывод о том, что взгляды националистов исследуемого периода не могут быть охарактеризованы как гомогенные. Несмотря на то, что многие организации в начале XX века называли себя националистическими, то есть имели в своем названии этот термин, они по-разному понимали практически каждый элемент организации государственной власти. Иногда диаметрально противоположно, что приводило к конфликтам не только с либеральной, но и внутри консервативной мысли.

Ключевые слова: государственная власть, консерватизм, правая мысль, русский национализм, монархия, император, народ, нация.

State Authority Arrangement in the Russian Conservative Thought of the Early XX Century (Gringmut, V.A., Kovalevsky, P.I., Menshikov, M.O.)

Surkov Oleg S.

*Senior Lecturer of the Department of History of State and Law of the Saratov State Law Academy
Master of Laws*

The Article is devoted to the organization of state power in legal and political conservative thought in Russia in the early XX century. The author writes about how in a transitional situation of the Russian Empire at the beginning of the last century, a special wing of conservatism — the nationalist imagined the organization of state power. As representatives of this direction solved the question of the relationship between the Imperial representative and the local authorities. What place is given to the Emperor in the government system, even if believed that the current Emperor discredited on many issues. This article uses the comparative method and the historical-problematic.

The purpose of this article is the study of the ideas of Russian nationalists about the problems of organization of state power. Identifying a differentiated approach various representatives of the specified currents, depending on the direction of nationalism and opinion on the monarchy.

It is concluded that the views of the nationalists of the study period cannot be characterized as homogeneous. Despite the fact that many organizations in the early twentieth century called themselves nationalist, that is, had in its name the term, they knew almost every element of the organization of state power. Sometimes diametrically opposed, which led to conflict not only with liberal but also within conservative thought.

Keywords: state power, conservatism, right-the idea of Russian nationalism, the monarchy, the Emperor, the people, the nation.

В настоящее время вопрос организации государственной власти в многонациональном государстве стоит достаточно остро. Процессы миграции и глобализации порождают массу проблем, с которыми приходится сталкиваться ежедневно. В этой связи приобретает особое значение опыт изучения политико-правовой мысли правового типа в переломной ситуации в Российской империи начала XX века.

Так, взглядам М.О. Меньшикова, В.А. Грингмута и П.И. Ковалевского посвящены работы Н.В. Зверева¹, П.Б. Стукалова², А.С. Пшегогорского³, А.А. Федоренко⁴ и М.Н. Лукьянова⁵. Из них только работа последнего относится к юриспруденции, что позволяет считать политико-правовые взгляды русских националистов недостаточно изученными юристами.

Теоретики Всероссийского национального союза изначально не имели четкой и однозначной позиции по отношению к самодержавию. Если П.И. Ковалевский признавал за самодержавной властью историческое и нравственное основание, цементирующее социальное здание русской жизни, то М.О. Меньшиков придерживался несколько иного взгляда.

П.И. Ковалевский считал, что прочность Российской империи и самодержавная форма правления являются взаимосвязанными и взаимодополняющими явлениями. Если ослабнет сила самодержца, то зашатается и русская государственность, нарушение этого основополагающего принципа повлечет за собой уменьшение благосостояния титульной нации⁶. М.О. Меньшиков, напротив, испытывал амбивалентные чувства по отношению к русской монархии. В отличие от многих других членов Все-

российского национального союза он не считал, что самодержавие является органической потребностью, которая присуща всем русским из-за особого национального типа. Скорее, полагал он, это историческая случайность, непредсказуемая и невечная, обусловленная слабо развитым правосознанием и невежеством⁷. Взгляды идейных вдохновителей Всероссийского национального союза отличались по данному вопросу от точки зрения представителей других правых организаций. Они, как видно из вышеизложенного, полагали, что монархия — это способ реализации функций государства, а целью существования сообщества является русская нация.

П.И. Ковалевский критиковал некоторые аспекты прошлого самодержавия в России, особенно в период становления абсолютной монархии⁸. М.О. Меньшиков утверждал, что самодержавная монархия в своем традиционном виде уже не способна более исполнять надлежащим образом свои государственные обязанности⁹. Такое положение дел препятствует проведению целостного политического курса.

Позиция М.О. Меньшикова по вопросу изменения организации государственной власти после революции 1905 года выделялась на фоне мнений идеологов остальных правых партий. Формулируя позицию Всероссийского национального союза, он утверждал, что Манифест от 17 октября 1905 года провозгласил создание новой формы правления и обозначил дальнейшую эволюцию самодержавия в сторону конституционного пути развития¹⁰. Новая система, по его мнению, носила переходный характер. Народ должен освоиться с представительным правлением, а затем перейти к парламентскому управлению.

М.О. Меньшиков при этом проявлял непоследовательность в своих оценках народного представительства. Он полагал, что из-за косности и упадка правительство перестало быть способным на последовательные систематические действия. В результате этого Россия получила орган народного представительства, слепо скопированный с западных образцов, а не самобытный, отвечающий сложному историческому пути русской нации¹¹.

После приостановления развития политического курса, намеченного манифестом от 17 октября 1905 года, и в результате нестабильности правительственного курса в ближайшее десяти-

¹ Зверев Н.В. От народа к нации, от народничества к национализму (к вопросу эволюции общественно-политических взглядов М.О. Меньшикова) // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2012. № 6 (14). С. 4–5.

² Стукалов П.Б. П.И. Ковалевский и М.О. Меньшиков о русской истории // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2006. № 2. С. 86–95; Его же. П.И. Ковалевский — ученый, публицист, идеолог консервативного национализма // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 345–355.

³ Пшегогорский А.С. Политические взгляды Владимира Андреевича Грингмута : автореф. дис. ...канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 22 с.

⁴ Федоренко А.А. Политическая деятельность В.А. Грингмута // Гуманитарный вестник военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2016. № 3. С. 60–69.

⁵ Лукьянов М.Н. Консервативные проекты реформы законодательных учреждений и избирательной системы в России, 1907–1914 // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб. : ЭлекСис, 2013. С. 134–144.

⁶ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912. С. 140–142; Его же. История России с национальной точки зрения. СПб., 1912. С. 108.

⁷ Меньшиков М.О. Меньшиков М.О. Великое дело // Новое время. 1907. 11 января.

⁸ Ковалевский П.И. Основы русского национализма. СПб., 12. С. 28.

⁹ Меньшиков М.О. Письма ближним // Новое время. 1905. 10 июля.

¹⁰ Меньшиков М.О. Подъем власти // Письма к русской нации. М., 2005. С. 40–41.

¹¹ Меньшиков М.О. В предрассветных сумерках // Письма к русской нации. М., 2005. С. 528.

летие Всероссийский национальный союз в лице своего публичного рупора перешел на открыто критическую позицию по отношению к существующему строю. Называл самодержавие анахронизмом, которое стоит на пути развития России. Оценивал закат самодержавной формы правления как закономерный итог долгого эволюционного пути русского народа¹². М.О. Меньшиков проводил различие между государственными институтами и русской нацией. Любой институт, который способствует ее развитию, является благотворным и заслуживает положительной оценки. Наоборот, тот институт, который препятствует ее развитию сознательно или в силу своей устарелости и неспособности ответить на вызовы времени, должен быть отправлен, пусть и с уважением, в корзину истории¹³. Таким образом, отношение его к монархии было инструментальным, что отделяло его от правых монархистов. Если представители отживших институтов продолжают цепляться за свое положение, то можно сказать, что они предают свою нацию.

Спустя некоторое время позиция по поводу народного представительства М.О. Меньшикова опять меняется, что было связано с вышеупомянутой неспособностью царского правительства решать насущные проблемы. Теперь он называл Государственную Думу первейшим органом национального представительства. Публицист считал, что формирование органа народного представительства представляет собой последнюю ступень исторического пути, пройденного Россией. Именно с этого момента русская нация может полностью осуществлять свои права. Соответственно, участие в выборах — это почетная обязанность и долг каждого гражданина¹⁴.

При этом надо учитывать, что Государственная дума представлялась М.О. Меньшикову неким органом, выражающим волю нации, а вовсе не средством достижения компромисса на европейский манер. В Думе не должно быть партийной многоголосицы, в ней должна доминировать одна партия, которая выражает ценности и интересы господствующей нации. Партия должна стать волей нации. Поэтому представительный орган имел, по мысли М.О. Меньшикова чрезвычайно широкий набор полномочий. Он должен был следить за тем, чтобы деятельность и политика правительства не нарушала интересы нации¹⁵. Именно парламенту должно было принадлежать последнее слово при

определении состава правительства. Ему также должна принадлежать неотъемлемая функция постоянного контроля деятельности правительства с возможностью отправлять министров в отставку¹⁶. М.О. Меньшиков считал, что Государственная дума должна стать главным координирующим органом в системе высшей государственной власти.

В соответствии с изложенным выше пониманием сущности народного представительства М.О. Меньшиков определял и способы его комплектования. Он предполагал, что система косвенных выборов противоречит оптимальному выражению воли нации, т.к. человек не может передоверять решение важнейших для общества вопросов кому-нибудь другому, а должен их решать непосредственно сам. При этом он предполагал введение для голосующих ряда ограничений, среди которых были как традиционные, такие как возраст, имущество, образование, так и специфические, например, национальность и мировоззренческая лояльность¹⁷. Получается, что, осознавая важность и необходимость органа народного представительства, М.О. Меньшиков видел в парламенте оппозиционную силу, сдерживающую исполнительную власть. Законодательный орган представлялся ему неким выразителем национального интереса, образующего единую систему с правительством, но не подчиненного ему. Правительство должно быть твердым в деле проводимого им курса, при этом если вначале оно рассматривалось М.О. Меньшиковым как монархическое, то после первой русской революции это стало не обязательным.

Другой деятель Всероссийского национального союза, П.И. Ковалевский, напротив, предусматривал, что самодержец может возглавить правительство, но при постоянном контроле парламента над министрами. Министры должны были проводить политику «национализации» всех государственных структур¹⁸.

Революционные события 1905 года М.О. Меньшиков воспринял как наглядную демонстрацию кризиса организации государственной власти в Российской империи. Тем не менее он не утверждал, что Россия должна безоговорочно следовать в русле развития западной цивилизации. Мыслитель полагал, что западная система также страдает от дисбаланса в самой своей основе. В ней произошел существенный перекокс в сторону индивидуализма. Так, интересы личности перестали соотноситься с общегосударственными, что приводит к социальным столкновениям,

¹² Меньшиков М.О. Три опасности // Новое время. 1917. 9 марта.

¹³ Меньшиков М.О. Кто кому изменил // Новое время. 1917. 18 марта.

¹⁴ Меньшиков М.О. Кого выбирать в парламент? // Письма к русской нации. М., 2005. С. 330–349.

¹⁵ Меньшиков М.О. Пятно невежества // Новое время. 1906. 23 марта.

¹⁶ Меньшиков М.О. Тело без души // Новое время. 1913. 10 декабря.

¹⁷ Меньшиков М.О. Кого выбирать в парламент // Письма к русской нации. М., 2005. С. 330–349.

¹⁸ Ковалевский П.И. Основы русского национализма. Спб., 1912. С. 47–50.

государственной деградации и коллапсу социума¹⁹.

Интересы личности и локальных сообществ должны были отстаивать органы местного самоуправления. Они должны были формироваться на бессловесной основе, взяв на себя часть полномочий местной администрации (в основном хозяйственных и образовательных), но при этом находиться под жестким контролем губернаторов и быть полностью исключены из большой политики²⁰.

Несмотря на осознание необходимости реформы, идеологам Всероссийского национального союза она представлялась исходящей от государственной власти. Именно государственная власть должна стать организованной силой, которая выведет страну из политического тупика.

Идеолог Русской монархической партии (позже слилась со Всенародным русским союзом) — другой правой организации, созданной во время Первой русской революции, В.А. Грингмут стоял на несколько иных позициях. Он полагал, что Россия может выйти из политического кризиса только с помощью монархии. Поэтому он отрицал конституционное значение манифеста от 17 октября 1905 года, утверждая, что в основе всей организации государственной власти и после его принятия лежит монаршая воля²¹. Люди не могут, по его мнению, заниматься помимо своей работы еще и той, в которой ничего не понимают. Следовательно, государственным управлением должны заниматься избранные, а возглавлять их будет единственный и богоизбранный самодержец.

Несомненным достоинством самодержавной монархии, в отличие от республики, которая является отклонением от нормального развития государственного организма, является большая готовность наследственного монарха взвалить на себя груз ответственности за всю империю в целом. Он способен блюсти традицию, используя огромный опыт управления старших членов династии. Император не привязан ни к одной из политических партий и народностей и потому способен встать над межнациональной и фракционной борьбой. Именно в силу вышеизложенного монарх способен представлять перед своими подданными в роли беспристрастного независимого владыки и неподкупного судьи. Наличие органа народного представительства в виде парламента или земского собора является удобным управленческим дополнением для русского царя, но его легитимности не обосновывает, а следовательно, не представля-

ется обязательным²². Фигура императора поэтому является нравственным стержнем русского государства и нации, что отличает отечественный государственный строй как от восточной деспотии, так и от европейской абсолютной монархии.

В.А. Грингмут защищал самодержавие и от обвинений со стороны других общественных организаций в бюрократизме. Он утверждал, что в демократических государствах состав номенклатуры зависит от политики различных политических партий и соотношения сил между ними. Такое положение неизменно ослабляет контроль со стороны центральной власти, как над составом, так и качеством работы чиновничества. Возможности императора для влияния на пороки бюрократии гораздо более высоки, чем у республики, потому что назначение государственного чиновника любого ранга в любом ведомстве зависит исключительно от воли императора²³.

В отношении одного из важнейших вопросов начала XX века В.А. Грингмут расходился не только с либеральной, но и с консервативной частью общества. Так, в отличие от теоретиков Всероссийского национального союза, он не признавал необходимости организации бессловесного местного самоуправления. Он настаивал на том, что сословия в Российской империи являются основными историческими опорами существующего государства, поэтому смешение их в земских и городских думах равносильно их уничтожению. Уничтожение же сословий означает гибель в скором времени самого русского государства²⁴. В.А. Грингмут полагал, что органы местного самоуправления могут быть организованы только на сословном принципе и ни на каком другом.

Таким образом, в начале XX века не то что правая политико-правовая мысль, но даже ее ответвление — националистическая мысль — не являлась однородной. Так, по вопросам организации государственной власти представители русских националистов расходились существенно, вплоть до противоположности. Даже сохранение самодержавия не представлялось самоочевидным. Если для представителей Русской монархической партии монархия являлась единственно приемлемой формой правления, то для членов Всероссийского национального союза — уже нет. Связано это было с тем, что в первом сообществе национализм носил имперский, а во втором — примордиально-культурный характер. Для национализма типа В.А. Грингмута характерен акцент на могуще-

¹⁹ Меньшиков М.О. Цивилизация в опасности // Национальная империя. М., 2004. С. 93–96.

²⁰ Меньшиков М.О. Земско-дворянский кризис // Новое время. 1911. 17 августа.

²¹ Грингмут В.А. Три акта // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1908. Вып. 3. С. 154–156.

²² Грингмут В.А. История народовластия. М., 1908. С. 9–11.

²³ Грингмут В.А. Русская Монархическая партия // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1908. Вып. 3. С. 268–278.

²⁴ Там же. С. 268–278.

стве и целостности империи, а для национализма типа М.О. Меньшикова — на целостности и интересах нации как самодостаточной сущности. Отсюда и разница во взглядах на народное представительство и местное самоуправление.

Для Всероссийского национального союза приоритетом была национализация всей вертикали власти, а для Русской Монархической партии — сохранение господствующего положения русского народа в рамках сословной структуры.

Литература

1. Грингмут В.А. История народовластия / В.А. Грингмут. М. : Русская печатня, 1908. 76 с.
2. Грингмут В.А. Русская Монархическая партия / В.А. Грингмут // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1908. Вып. 3. С. 268–278.
3. Грингмут В.А. Три акта / В.А. Грингмут // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1908. Вып. 3. С. 154–156.
4. Зверев Н.В. От народа к нации, от народничества к национализму (к вопросу эволюции общественно-политических взглядов М.О. Меньшикова) // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2012. № 6 (14). С. 4–5.
5. Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения / П.И. Ковалевский. СПб. : Тип. Акинфиева, 1912. 108 с.
6. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912. 394 с.
7. Лукьянов М.Н. Консервативные проекты реформы законодательных учреждений и избирательной системы в России, 1907–1914 // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб. : ЭлекСис, 2013. С. 134–144.
8. Меньшиков М.О. Земско-дворянский кризис / М.О. Меньшиков // Новое время. 1911. 17 августа.
9. Меньшиков М.О. Кто кому изменил / М.О. Меньшиков // Новое время. 1917. 18 марта.
10. Меньшиков М.О. Великое дело / М.О. Меньшиков // Новое время. 1907. 11 января.
11. Меньшиков М.О. Национальная империя / М.О. Меньшиков. М. : Имперская традиция, 2004. 512 с.
12. Меньшиков М.О. Письма ближним / М.О. Меньшиков // Новое время. 1905. 10 июля.
13. Меньшиков М.О. Письма к русской нации / М.О. Меньшиков. М. : Изд. Журнала «Москва», 2005. 560 с.
14. Меньшиков М.О. Пято невежества / М.О. Меньшиков // Новое время. 1906. 23 марта.
15. Меньшиков М.О. Тело без души / М.О. Меньшиков // Новое время. 1913. 10 декабря.
16. Меньшиков М.О. Три опасности / М.О. Меньшиков // Новое время. 1917. 9 марта.
17. Пшегорский А.С. Политические взгляды Владимира Андреевича Грингмута : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.С. Пшегорский. Тамбов, 2009. 22 с.
18. Стукалов П.Б. П.И. Ковалевский — ученый, публицист, идеолог консервативного национализма / П.Б. Стукалов // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 345–355.
19. Стукалов П.Б. П.И. Ковалевский и М.О. Меньшиков о русской истории / П.Б. Стукалов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2006. № 2. С. 86–95.
20. Федоренко А.А. Политическая деятельность В.А. Грингмута / А.А. Федоренко // Гуманитарный вестник военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2016. № 3. С. 60–69.

References

1. Gringmut V.A. Istoriya narodovlastiya [History of the Sovereignty of the People] / V.A. Gringmut. Moskva : Russkaya pechatnya — Moscow : Russian Printing Office, 1908. 76 s.
2. Gringmut V.A. Russkaya Monarkhicheskaya partiya [The Russian Monarchist Party] / V.A. Gringmut // Sobranie statey V.A. Gringmuta — Collection of V.A. Gringmut's Articles. Moskva — Moscow, 1908. Issue 3. S. 268–278.
3. Gringmut V.A. Tri akta [Three Acts] / V.A. Gringmut // Sobranie statey V.A. Gringmuta — Collection of V.A. Gringmut's Articles. Moskva — Moscow, 1908. Issue 3. S. 154–156.
4. Zverev N.V. Ot naroda k natsii, ot narodnichestva k natsionalizmu (k voprosu evolyutsii obschestvenno-politicheskikh vzglyadov M.O. Menshikova) [From People to Nation, from Populism to Nationalism (on Evolution of the M.O. Menshikov's Sociopolitical Views)] // Istoriya. Elektronny'y nauchno-obrazovatelny'y zhurnal — History. Electronic Scientific and Educational Journal. 2012. № 6 (14). S. 4–5.
5. Kovalevsky P.I. Istoriya Rossii s natsionalnoy tochki zreniya [The Russian History from the National Standpoint] / P.I. Kovalevsky. SPb. : Tip. Akinfieva — Saint Petersburg: Akinfiev's printing office, 1912. 108 s.

6. Kovalevsky P.I. Russkiy natsionalizm i natsionalnoe vospitanie v Rossii [Russian Nationalism and National Upbringing in Russia]. SPb. — Saint Petersburg, 1912. 394 s.
7. Lukyanov M.N. Konservativny'e proekty' reformy' zakonodatelny'kh uchrezhdeniy i izbiratelnoy sistemy' v Rossii, 1907–1914 [Conservative Projects of Reforms of the Russian Legislative Institutions and the Electoral System, 1907 to 1914] // Tavrisheskie chteniya 2012. Aktualny'e problemy' parlamentarizma: istoriya i sovremennost' — The Tavrida Readings of 2012. Relevant Parliamentarism Issues: History and the Modern Times. SPb. : ElekSis — Saint Petersburg : ElekSis, 2013. S. 134–144.
8. Menshikov M.O. Zemsko-dvoryanskiy krizis [The Zemstvo and Nobility Crisis] / M.O. Menshikov // Novoe vremya — Modern Age. 1911. August 17.
9. Menshikov M.O. Kto komu izmenil [Who Betrayed Whom] / M.O. Menshikov // Novoe vremya — Modern Age. 1917. March 18.
10. Menshikov M.O. Velikoe delo [The Great Cause] / M.O. Menshikov // Novoe vremya — Modern Age. 1907. January 11.
11. Menshikov M.O. Natsionalnaya imperiya [The National Empire] / M.O. Menshikov. Moskva : Imperskaya traditsiya — Moscow : Imperial Tradition, 2004. 512 s.
12. Menshikov M.O. Pisma blizhnim [Letters to Fellowmen] / M.O. Menshikov // Novoe vremya — Modern Age. 1905. July 10.
13. Menshikov M.O. Pisma k russkoy natsii [Letters to the Russian Nation] / M.O. Menshikov. Moskva : Izd. Zhurnala «Moskva» — Moscow : Publishing house of the Moscow journal, 2005. 560 s.
14. Menshikov M.O. Pyatno nezhestva [A Stain of Ignorance] / M.O. Menshikov // Novoe vremya — Modern Age. 1906. March 23.
15. Menshikov M.O. Telo bez dushi [A Body with no Soul] / M.O. Menshikov // Novoe vremya — Modern Age. 1913. December 10.
16. Menshikov M.O. Tri opasnosti [Three Dangers] / M.O. Menshikov // Novoe vremya — Modern Age. 1917. March 9.
17. Pshegorsky A.S. Politicheskie vzglyady' Vladimira Andreevicha Gringmuta : avtoref. dis. ...kand. ist. nauk [Vladimir Andreevich Gringmut's Political Views : author's abstract of thesis of ... Candidate of Historical Sciences] / A.S. Pshegorsky. Tambov — Tambov, 2009. 22 s.
18. Stukalov P.B. P.I. Kovalevskiy — ucheny'y, publitsist, ideolog konservativnogo natsionalizma [P.I. Kovalevsky, a Scientist, Publicist, Conservative Nationalism Ideologist] / P.B. Stukalov // Voprosy' istorii konservativizma — Issues of Conservatism History. 2015. № 1. S. 345–355.
19. Stukalov P.B. P.I. Kovalevskiy i M.O. Menshikov o russkoy istorii [P.I. Kovalevsky and M.O. Menshikov on Russian History] / P.B. Stukalov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya — Bulletin of the Voronezh State University. Series: History, Politicalology, Sociology. 2006. № 2. S. 86–95.
20. Fedorenko A.A. Politicheskaya deyatel'nost' V.A. Gringmuta [V.A. Gringmut's Political Activities] / A.A. Fedorenko // Gumanitarny'y vestnik voennoy akademii raketny'kh voysk strategicheskogo naznacheniya — Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Rocket Troops. 2016. № 3. S. 60–69.